

Мартыненко, В. Камчатский берег : историческая логия : [справочное издание] / Валерий Мартыненко. — Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отделение, 1991. — 190 с. : ил. — Указ. геогр. названий: с. 180–186.

Книга содержит очерки об истории географических названий и географических объектов морских побережий полуострова Камчатка. Помимо этого, очерки рассказывают о людях, в честь которых назван тот или иной географический объект.

Издание является своеобразным приложением к морским логиям камчатских побережий, материалы здесь расположены в том же порядке. Вместе с тем эта работа адресована не только морякам, но и всем, кто интересуется топонимией полуострова Камчатка и его историей.

ОТ АВТОРА

Почти тридцать лет минуло с той поры, когда вышла в свет книга «Слово на карте». Написал ее камчатский краевед В. И. Воскобойников, наблюдательный и пытливый человек, впервые попытавшийся заглянуть в тайны камчатской топонимии. Спустя пять лет был опубликован «Краткий топонимический словарь Камчатской области» В. П. Кускова. Обе работы давно уже стали библиографической редкостью. Между тем, интерес к географическим названиям Камчатки все возрастает, и его не могут удовлетворить немногие публикации, появляющиеся в различных, к тому же труднодоступных изданиях. В какой-то мере восполнить этот пробел поможет читателю предлагаемая книга. В ней рассказывается об истории географических названий и географических объектов полуострова Камчатка. Книга — своеобразное приложение к морским логиям камчатских побережий, материалы расположены здесь в том же порядке. Вместе с тем эта работа адресована не только морякам, но и всем, кто интересуется топонимией полуострова, его историей. Как и любое справочное издание, книга рассчитана на выборочное чтение. Этим и объясняется необходимость повторения в отдельных очерках одних и тех же событий, имен, характеристик. Это первое издание подобного рода на Камчатке, и автор заранее благодарен читателям, которые помогут советами, дополнениями, уточнениями, необходимыми для дальнейшей работы.

ИМЕННЫЕ ЗНАКИ ИСТОРИИ

Даже простейшая школьная карта содержит великое множество самых разнообразных географических названий. Среди них встречаются короткие, состоящие из нескольких букв, слова и сложные словосочетания. Есть легко объяснимые и есть непонятные наименования. Географические названия всегда вызывают интерес, и, наверное, не встретишь такого человека, который не задумался бы однажды над смыслом названий родного города, села, окрестной реки, местности. Того же, кто будет искать ответы на эти вопросы, ждут интересные открытия.

Существует целая наука, которая занимается изучением географических названий, их происхождением, смысловым значением, эволюцией. Эта наука называется **топонимикой**. В переводе с греческого «топос» — место, местность, «онома» — имя. С помощью топонимики составляются географические карты, разыскиваются следы давно исчезнувших народов и языков, уточняются исторические факты и события. На многие вопросы может ответить топонимика. К ее помощи, случается, прибегают даже геологи, занимающиеся поиском полезных ископаемых. Не случайно известный советский ученый-лингвист А. К. Матвеев называет **топонимию**, то есть совокупность географических названий, страной загадок и открытий. Судите сами: по самым скромным подсчетам у нас на Камчатке существует примерно 60 тысяч географических наименований. А между тем, единственная пока работа по камчатской топонимии — «Краткий топонимический словарь Камчатской области» В. П. Кускова — приводит лишь сотую часть топонимов. Так что изучение их — тема поистине неисчерпаемая, и исследователей еще ждут открытия. «Кто познал бы имена вещей, тот познает и вещи, — говорил Платон.

Прежде, чем отправиться в путешествие в страну камчатской топонимии, нужно вспомнить историю нашего полуострова. Знание ее будет самым верным компасом в пути.

Русские люди проникли на Камчатку задолго до знаменитого похода казачьего пятидесятника В. В. Атласова. Но именно «камчатский Ермак» положил начало освоению русскими землепроходцами огромного полуострова. Произошло это на рубеже XVII—XVIII веков. К этому времени Камчатку населяли ительмены, коряки, чукчи, переживавшие эпоху первобытно-общинного строя. Формирование и развитие его на северо-востоке азиатского континента проходило в своеобразных условиях. Суровый климат, огромные труднопроходимые пространства тайги и тундры, горных и водных систем — все это способствовало разобщенности отдельных этнических групп, их языковой обособленности. Диалектные различия, скажем, корякского языка, существующие и поныне, в начале XVIII века были выражены значительно сильнее. Не случайно русские первопроходцы упоминали в своих отчетах об особых наречиях «люторов», «карагинцев», «пенжинских иноземцев», языковых отличиях у «сидячих» и «оленных» людей.

Местные жители были рыболовами, охотниками, оленеводами, морскими добытчиками. И родные места они знали прекрасно, наделив каждую реку, ручей, сопку или береговую излучину особым названием. Эти названия были очень многочисленными. Нужно сказать, что русские люди, получавшие от местного населения первые топонимические сведения, внимательно относились к ним, и это понятно, ведь местные географические названия служили в незнакомом краю основными путевыми ориентирами. Поэтому записывались они или запоминались весьма тщательно, хотя и не всегда точно: ведь языки народностей Камчатки, входящие в группу палеоазиатских, являются очень сложными для восприятия. Тем не менее, уже на первых русских чертежах и картах Камчатки были зафиксированы, местноязычные топонимы, которые можно отнести к разряду древнейших. Время возникновения этих топонимов не поддается даже приблизительной расшифровке. Совершенно очевидно лишь то, что истоки их рождения лежат в глубокой древности, в эпохе формирования языков. Географические названия передавались из поколения в поколение, изменяясь согласно закономерностям развития языков. Зачастую изменения были столь значительными, что местные жители уже не могли объяснить русским смысл некоторых топонимов. И таких названий-ребусов на карте полуострова множество. Разгадать их могут лишь ученые-лингвисты, знающие законы формирования и развития языков народностей Камчатки. Особо трудно обстоит дело с дешифровкой ительменских географических названий. И вот почему...

Ко времени появления русских на Камчатке ительмены жили на большей части полуострова. Граница их расселения на севере проходила примерно по линии рек Аманины и Уки, южным пределом был мыс Лопатка. По некоторым данным численность ительменов к началу XVIII века превышала 10 тысяч человек. Однако уже к концу XVIII столетия число ительменов в связи с повальными эпидемиями болезней резко сократилось. Столь же неблагоприятной была и судьба ительменского языка, его диалектов. Этот народ, в отличие от соседей-коряков, вел только оседлый образ жизни, и потому в первую очередь испытал сильнейшее влияние языка и культуры русских первопоселенцев. Особенно быстро этот процесс развивался в центральной части полуострова: в долинах рек Камчатки, Большой, Авачи. Здесь ительмены утратили свой язык уже к середине XIX века, а к началу XX столетия такая же судьба постигла и язык северных групп ительменов. В настоящее время им частично владеют лишь несколько десятков человек, живущих в Тигильском районе. А поскольку специальными лингвистическими, в том числе и топонимическими исследованиями в прошлом никто не занимался, то большинство ительменских географических названий . остались пока, за редкими исключениями, «немыми». И заставить их «заговорить», восстановить их первоначальное звучание и смысл — задача весьма сложная.

Возьмем хотя бы известный топоним Авача, которым обозначается река. Существует мнение, что этот топоним лежит в основе названия

одноименной бухты. Несомненно, что он — ительменского происхождения. Но вот какому из записанных вариантов этого названия, не говоря уже о переводе, отдать предпочтение: Суаачу, Вовача, Вауа, Вавача или, может быть, Гшуабач — так записал название бухты Г. В. Стеллер?

Это неизвестно.

Или пример другого рода, так называемой «ложной этимологии», — ошибочного толкования слов, одинаковых по звучанию, но различных по смыслу. Так, один из притоков реки Плотниковой носит название Банная. Если учесть, что здесь есть горячие источники, то можно, вроде, утверждать, что они дали повод для названия. Однако у С. П. Крашенинникова в записях 1738 года этот же приток назван Бааню, а этот топоним — ительменского происхождения.

На западном побережье есть река Утка. С этим названием, кажется, все просто и ясно. Но по-ительменски эта река называется Уут, что значит «лесная». Подобных примеров — множество. И уж совсем «не повезло» названию самого полуострова. Спор ученых о происхождении названия Камчатка длится столетия. Высказывались самые различные и противоречивые суждения, и лишь в последние годы большинство исследователей стали склоняться к точке зрения известного советского историка Б. П. Полевого, связывающего появление топонима Камчатка с походами казака Ивана Камчатого.

Однако, несмотря на то, что многие древние местноязычные названия на нашем полуострове еще не расшифрованы, можно все же определить общие закономерности их возникновения. Древние рыболовы, оленеводы, морские охотники Камчатки, наделяли свои родные места такими наименованиями, по которым можно было легко определить характерные и наиболее важные особенности той или иной реки, озера, сопки, морского берега. И эти названия были очень точными по своим физико-географическим или хозяйственно-бытовым характеристикам. Вот несколько примеров из самого древнего пласта местных названий.

Происхождение названия реки Паланы связывается с корякским словом «пыльылъын» — «порог». Река Палана берет начало из Паланского озера, образуя в истоках цепь порогов и водопадов. Милутваям — в переводе с корякского «заячья река». Воямполка по-корякски звучит как «ваямпылканывок», то есть «река тонущих». У С. П. Крашенинникова название озера Ажабачьего в низовьях реки Камчатки восходит к ительменскому «ажабе» — «месяц белой рыбы». Название сопки Отгазан в верховьях реки Голыгиной соответствует ительменскому понятию «лес валить». Рядом с Отгазан находится сопка Саану — «питательная». Ряд характерных ительменских топонимов приводит участник Второй Камчатской экспедиции студент А. Горланов: реки Ичумач — «березовая», Кчаунч — «испорченная», Пшамакунган — «безрыбная». Можно привести еще множество примеров, свидетельствующих о том, что древние обитатели Камчатки, как и все первобытные народности, давая наименование какому-либо географическому объекту, прежде всего исходили из его оценочно-

бытовой характеристики. Вполне очевидно, что эти типы географических названий были очень устойчивыми, как и основа, на которой они возникали. Время их появления не поддается даже приблизительной датировке. А вот период закрепления их в русской языковой практике можно определить довольно точно.

Взглянем на первые чертежи и карты Камчатки. Их чертили на основе фактов, сообщенных русскими первопроходцами, побывавшими на полуострове. Составители карт и дополнительных сведений к ним, так называемых «легенд», были людьми пытливыми и стремились зафиксировать все полученные географические сведения: расположение рек, населенных пунктов, расстояния между ними, особенности рельефа и, разумеется, названия. Так был составлен и один из ранних чертежей Камчатки, принадлежавший перу замечательного сибирского картографа Семена Ульяновича Ремезова. В основу чертежа, который так и назывался — «Чертеж вновь камчадалские земли», то есть новооткрытых земель, легли в основном данные похода Владимира Атласова. Чертеж составлен на рубеже XVII—XVIII веков и содержит небольшое число географических названий. Но это — первые камчатские топонимы, закрепленные на таком официальном документе, каковым являлась карта. Они еще весьма условны и приблизительны, эти названия, поскольку чаще всего не записывались на месте, а говорились по памяти, к тому же и времени после возвращения казаков с Камчатки проходило немало. Вот так, благодаря расспросам очевидцев, изучению их рассказов — «скасок», «отписок», «доездов» и попали на ремезовский чертеж первые камчатские названия, которые мы без особого труда «угадываем» и сегодня. В первую очередь это наименования рек: Кигил (Тигиль), Кинчик (Кихчик), Воемпаллха (Воямполка), Люторка (Олюторка). Вместе с ительменскими, корякскими названиями на чертеже Ремезова появляются пока немногочисленные русские: реки Таловка, Пустая, Лесная, Русакова, Березовка, сопка Горела, острог Верхней Камчатской. Примечательно, что в основе первых русских топонимов тоже преобладают физико-географические и ориентирно-описательные характеристики. Это названия-компасы, данные людьми, ходившими в неведомую камчатскую землю.

Пройдет еще двадцать пять лет, и в начале XVIII века исследователь и знаток полуострова казак Иван Петрович Козыревский собственноручно начертит карту Камчатки, на которую ляжет новый пласт географических названий, отражающий короткий, но удивительно емкий этап освоения и исследования камчатской земли. К известным уже нам топонимам на чертеже Козыревского 1726 года добавится множество новых: Ича, Аглу-комина, Крутогорова, Конпакова (Колпакова), Кыхчик, Большая, Опала, Явина, Чажма, Кроноцкая, Шемячик (Семячик), Малкова, Ашача (Асача), Колбачик (Толбачик), Калигерская губа, Авача. Это названия рек, морских заливов, островов — топонимы, входящие в группу так называемых гидронимов. Именно они преобладали на чертежах С. У. Ремезова. Это было естественно, поскольку именно по морским берегам и речным системам

полуострова двигались русские землепроходцы, и гидронимы попали на карту первыми. Но в отличие от ремезовских чертежей карта Ивана Козыревского пополняется целым рядом названий событийно-исторического звучания, отражающих более основательное изучение и освоение полуострова. Вот несколько примеров.

Река Воровская на западном побережье Камчатки. Слово «вор» когда-то означало «бунтовщик», «злодей». Происхождение названия связано с частыми столкновениями казаков с жителями приречья.

Большерецкий острог. В надписи на своей карте Козыревский поясняет: «И на показанной Большой реке острог и ясачное зимовье... поставил, и с бою аманатов взял, и в вечной ясачной платеж привел».

Река Голыгина на юго-западе Камчатки. Названа по фамилии якутского казачьего десятника Ивана Голыгина, погибшего в этом районе.

Рядом с изображением реки Козыревской автор помещает любопытную надпись: «Река прозванием Козыревская. Сначала иноземцов в ясак призвал отец мой, Петр Козыревский».

Есть на карте И. П. Козыревского и топоним, ставший легендарным, и объяснение его происхождения, до сих пор вызывающее споры ученых. Это знаменитая река Федотовщина. Здесь помещена следующая надпись: «Зимовья два были. У прошлых годах из Якуцка города морем на кочах были на Камчатке люди... Два коча, сказывали. И зимовья знать и поныне». Справедливости ради нужно отметить, что топоним Федотовщина, зимовье Федотово, Федотовско зимовье есть и на более ранних русских чертежах Камчатки. В одних случаях эти названия помещаются в районе реки Воемля (Лесная), в других — в среднеречье Колымы. Топоним, связанный с именем Федот, встречается и на более ранних чертежах Восточной Сибири.

Большинство топонимов, о которых шла речь выше, относятся к группе антропонимов — весьма многочисленной семье географических названий, происходящих от личных имен и фамилий русских людей, в основном казаков. Время рождения этих антропонимов — конец XVII — начало XVIII столетий. Таких названий сравнительно немного: остров Верхотурова, реки Голыгина, Козыревская, Ивашка, Шестакова, Трапезникова заимка и некоторые другие. Современниками этих названий являются антропонимы, образованные от личных имен коренных жителей Камчатки. Эта группа географических названий значительно шире. И вот почему.

Историк С. Б. Окунь приводит примечательный документ, где русским правительством предписывалось выяснять на местах «у тех народов князей и лучших людей», записывать их и «иметь к ним ласку и привет, и бережение, чтоб они великому государю служили верно и радетельно и улусных людей своих ото всякой шалости унимали, а иных немирных иноземцов под его, великаго государя, высокодержавную руку призывали, и на всякие их службы великаго государя милостью обнадеживать, и кто из них такую службу покажет, о том писать в Якуцк, а тем людям за такие службы прислана будет великаго государя милость, подарочное жалованье...»

Таким образом, «проведывая» новые земли, русские первопроходцы имели определенную цель, диктовавшуюся общей государственной политикой.

Просматривая «ясачные росписи», различного рода «скаска», «доношения», «отписки», можно найти немало доказательств неуклонного соблюдения правительственных инструкций.

«И будучи мы, раби твои, на Большой реке... лутчего иноземца Кушугу с родниками ласкою и приветом под твою высокодержавную руку с ясачным платежом из острогу его вызывали...» (Из челобитной Д. Анцифорова и И. Козыревского).

«1731 году сентября 27 дня Машурина острогу ясачной лутчей тойон Начика в скаске своей сказал...» (Из «доношения» штурмана Я. Генса).

Названия рек, острожков вполне сознательно связывались русскими с именами или прозвищами живших там «лутчих людей» — тойонов. При этом следует учесть, сами местные жители никогда не называли географические объекты людскими именами. На это указывал еще С. П. Крашенинников, отмечавший, что «камчадалы ни рек, ни озер, ни гор, ни островов именами людей не называют». Следовательно, можно приблизительно верно определить время рождения антропонимов, в основе которых лежат имена местных жителей. Это конец XVII — начало XVIII веков. Именно тогда в русских документах появились названия рек — Амшигачева, Чекавина. Брюмкина, Вахиль, Карымчина, Налачева, Облуковина, Опала, Колпакова, селений — Ганалы, Карымай, Начики, Апача, Пиначево, многие другие географические названия, восходящие к собственным именам ительменов, коряков, чукчей.

Как следствие уже более глубокого изучения полуострова, в первой трети XVIII века в языковой практике русских поселенцев, в картографических материалах и других документах появляются названия самых разнообразных географических объектов: рек и речных притоков, озер, горных систем, урочищ — часто более второстепенного значения. Это русская топонимия, дополнившая, и частью вытеснившая местную, несшая физико-географическую окраску: реки Белая, Белоголовая, Большая, Быстрая, Мутная, Еловка, Ключовка, Морошенная, Лесная, Лиственничная, Бобровка, Поперечная, Половинная, Пустая, Сопочная, Сухая, Горячая, Шумная, Таловская и др., озера Курильское, Култушное, Дальнее, мысы Маячный, Желтый... Процесс пополнения этой группы названий, начавшийся в конце XVII века, продолжается и в настоящее время. Однако основной комплекс названий крупных географических объектов — внутренней гидросистемы, большинства горных возвышенностей и примечательных деталей ландшафта — можно считать сложившимся в официальной практике уже ко второй трети XVIII века. Свидетельством этому — огромный топонимический материал, отложившийся в классическом труде С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки».

Менее «заселенной» названиями оставалась береговая линия полуострова. Освоение этих «белых пятен» камчатской топонимии

начиналось одновременно с изучением прибрежной зоны Камчатки. Этот процесс был более поздним и длительным, и связан он, главным образом, с плаваниями русских моряков и гидрографическими исследованиями в прикамчатских морях.

Поворотным пунктом камчатской истории стал 1716 год. В этом году впервые был проложен морской путь из Охотского порта к западному побережью полуострова. По пути, открытому русскими мореходами, двинулись исследователи. В течение пятнадцати последующих лет к берегам Камчатки и прилегающих к ней территорий снаряжались экспедиции Я. А. Елчина (1718 г.), первых русских геодезистов тихоокеанских земель И. Б. Евреинова и Ф. Ф. Лужина (1718—1722 гг.), Первая Камчатская экспедиция В. И. Беринга (1725—1730 гг.), морской поход штурмана И. Федорова и геодезиста М. С. Гвоздева (1732 г.). В результате были значительно уточнены береговые очертания полуострова. Но существенных дополнений к уже имевшейся номенклатуре географических названий внесено не было. Например, В. И. Беринг в ходе Первой Камчатской экспедиции ограничивался картографическими пометками общего характера: «гора, которая в Кроноках», «гора на Аваче, которая горит», «гора на Жупаново».

В составлении детальных географических карт камчатского побережья несомненная заслуга принадлежит талантливому участнику Второй Камчатской экспедиции В. И. Беринга — А. И. Чирикова штурману Ивану Фомичу Елагину. Высокая точность проделанной им работы была подчеркнута его непосредственным руководителем, капитаном А. И. Чириковым. Примечательна экспликация Чирикова к карте южной части Камчатки, составленной И. Ф. Елагиным:

«Карта плоская камчатской земли Южного угла, которая сочинена по описи в 740 году посланным от капитана командора Беринга по предложению капитана Чирикова штурманом Елагиным. А описывана от Большой реки по западному берегу до конца Южного угла и вся залива Аваченская с надлежащими пеленгами, мерою сухим путем, а от Южного угла до Шипунинского мысу восточная сторона описывана морем с судна, которая опись приемлется за наивернейшую прежних описей». В «наивернейшей» описи Ивана Елагина, которому выпала честь подготовить на Камчатке необходимые условия для предстоящего плавания пакетботов экспедиции, были закреплены географические названия, ранее на картах не отмеченные. Это «Камбалина река» и «Камбалинская сопка», «Авачинская губа» и «Аваченская сопка», «река Паратунка», «Виллюйченская сопка» и др. Штурман Иван Фомич Елагин является и автором первой известной нам карты Авачинской губы. Именно благодаря этой карте мы знаем сейчас некоторые, не существующие ныне, ительменские названия в акватории Авачинской губы и в ее устье: Вауа — мыс Маячный, Коюмы — мыс Станицкого, Нитей — мыс Входной, Сапосма — мыс Безымянный, Ниакина — гавань Петропавловская, Нитасью — мыс Сигнальный, Ниукач — остров Хлебалкина, Уташам — мыс Северный полуострова Завойко.

Участник двух экспедиций В. И. Беринга штурман И. Ф. Елагин положил начало огромному комплексу гидрографических работ в камчатских морях, продолжавшихся с конца 30-х годов XVIII века вплоть до начала XX столетия. Начальный этап этих исследований был выполнен людьми, служившими на северо-востоке и плававшими на кораблях, построенных в первых тихоокеанских портах России. Нельзя не вспомнить об этих отважных и неутомимых исследователях уже потому, что имена многих из них остались на географических картах и принадлежат истории.

Работы И. Ф. Елагина, В. А. Хмелевского и других участников Второй Камчатской экспедиции продолжил С. П. Крашенинников, составивший географическое описание всего полуострова и, в частности, его побережий. Позднее, в своем классическом труде, Крашенинников ввел в научный оборот сотни местноязычных и русских географических названий, записанных им на камчатской земле. Это — наиболее полный перечень камчатских топонимов по их состоянию на конец 30-х — начало 40-х годов XVIII века

В 1761—1762 годах, отправившиеся из Охотского порта штурманы В. А. Хмелевский и И. Балакирев описали и положили на карту Гижигинскую и Пенжинскую губы.

В 1764 году вышедший на галиоте «Св. Екатерина» из Охотского порта лейтенант И. Синдт сделал опись восточного берега Камчатки от Авачинского залива до мыса Хатырка.

В 1775 году по распоряжению главного командира Камчатки М. К. Бема штурманский ученик Г. Измайлов составил карту северной части полуострова, причем маршрут исследователя пролегал берегом от Большерецка к Тигилю и далее — к реке Пустой. Здесь Измайлов пересек полуостров и вышел на восточное побережье, спустился к реке Уке, откуда вновь отправился на западный берег и замкнул маршрут в Большерецке.

В 1787 году сержант геодезии Елистратов произвел опись полуострова (ныне носящего его имя) на западном берегу Пенжинской губы.

В 1790 году геодезисты Худяков и Гилев осуществили опись восточного берега от мыса Шипунского до мыса Лопатка.

Так, на протяжении более чем полувека от начала работы Второй Камчатской экспедиции все более расширялись и уточнялись географические представления о береговой черте полуострова Камчатка и прилегающих к нему территорий. Совершенствовались карты и, соответственно, увеличивалась номенклатура географических названий. Причем, нужно особо подчеркнуть одну характерную особенность этого процесса: появление новых и трансформация, переосмысливание уже существовавших побережных географических названий носила особый характер. Здесь были свои методы. Чаще всего, когда моряки присваивали название какому-либо объекту или меняли прежнее, они «привязывались» к самому приметному со стороны моря соседствующему ориентиру. На Камчатке такими ориентирами были, конечно, сопки, горные вершины. А поскольку многие из них были именованы еще в первой трети XVIII века, то название сопки обычно

передавалось береговому объекту. Это делалось в ряде случаев намеренно, чтобы облегчить заботы навигаторов. В самом деле, какой, скажем, ориентировочный признак несло ительменское название бухта Наякшин? Никакого. Очевидно, так и рассудили гидрографы П. Ильин и П. Скрыпов, проводившие в 1830 году детальную опись береговой полосы от мыса Шипунского до мыса Лопатка. Они дали новое название бухте, отмеченной в описи их предшественника, сержанта А. Гилева, под именем Наякшин. Так и возник второй гидроним: бухта Вилючинская. Появление нового названия гидрографы прокомментировали так: «Бухта Вилючинская простирается в берег на норд-вест на четыре мили, шириною около мили. Вершина ее примыкает к подножью известней сопки Вилючинской и принимает здесь вытекающую из хребтов речку того же названия». Так, для простоты ориентировки получил единое наименование целый комплекс соседствующих географических объектов. А вот появление в описи Ильина, и Скрыпова других гидронимов, к примеру, мыс Ловушек, кекур Караульный, Тюленья отмель, Фальшивые островки и др., связано с причинами чисто навигационного свойства. Этот принцип в работе гидрографов был основным.

К концу XVIII века русская топонимия суши полуострова в общих чертах сформировалась. Ее взаимоотношения с топонимией местноязычной были неоднозначными. В районах с сильным влиянием русского языка местные топонимы частично ассимилировались, перейдя в разряд субстратных, т. е. несущих следы древних камчатских языков. Часть местноязычных топонимов (сравнительно небольшая) была вытеснена новыми названиями. Однако доля русской топонимии была островком в безбрежном море коренных географических названий. Процесс же формирования топонимии побережий Камчатки продолжался, и начало XIX столетия стало в известном смысле поворотным этапом. Именно этому столетию топонимия камчатского побережья обязана столь пышным разнообразием географических названий, вызывающих живейшее любопытство, пристальный интерес любознательного человека.

Первая треть XIX века в истории отечественного флота проходила под флагом великих русских кругосветных мореплаваний. Дальневосточные моря и земли занимали в них важнейшее место и особое — Камчатка, где находился тогда единственный русский тихоокеанский порт. Начиная с первого десятилетия XIX века у берегов Камчатки побывали кругосветные и полукругосветные экспедиции И. Ф. Крузенштерна на шлюпе «Надежда» (1804, 1805 гг.), В. М. Головкина на шлюпе «Диана» (1811 г.), О. Е. Коцебу на бриге «Рюрик» (1816 г.), В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка» (1818 г.), М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева на шлюпах «Открытие» и «Благонамеренный» (1820, 1821 гг.), О. Е. Коцебу на шлюпе «Предприятие» (1824 г.), Ф. П. Врангеля на шлюпе «Кроткий» (1826 г.), М. Н. Станюковича на шлюпе «Моллер» (1827, 1828 гг.), Ф. П. Литке на шлюпе «Сенявин» (1827, 1828 гг.), В. С. Хромченко на военном транспорте «Америка» (1832 г.), А. Л. Юнкера на транспорте «Або» (1841), И. В. Вонлярлярского на транспорте

«Иртыш» (1845 г.), Г. И. Невельского на транспорте «Байкал» (1848 г.) и др. Эти плавания оставили заметный след в развитии географических представлений о дальневосточных морях и землях. Имена руководителей экспедиций, командиров кораблей, офицеров флотских экипажей, ученых запечатлены на картах и напоминают нам о выдающейся эпохе русского кругосветного мореплавания. Эти имена продолжают пространный список географических названий полуострова, данных в чью-то честь.

Мы можем встретить на картах и в лоциях имена начальников Камчатки, служивших здесь в различные годы: капитана 2-го ранга А. В. Голенищева, генерал-майора В. С. Завойко, капитана 2-го ранга Ф. Е. Станицкого, помощника начальника Камчатки капитан-лейтенанта П. Ф. Кузмищева.

Остались в камчатской топонимии названия кораблей: бота Охотской флотилии «Алеут», парусно-винтовых крейсеров «Африка», «Забияка», клипера «Вестник», шхун «Ермак», «Сахалин», «Сибирь», «Сторож», военных транспортов «Шилка», «Якут», канонерских лодок «Манджур» («Маньчжур»), «Сивуч», пароходов «Кострома», «Минеола».

Памятью о работах геодезистов, военных топографов, гидрографов, офицеров корпуса флотских штурманов остались на картах Камчатки и в лоциях имена поручика И. М. Божедомова, капитана 2-го ранга Н. Гаупта, мичмана Я. В. Драхенфельса, лейтенанта К. Е. Енгальчева, штабс-капитана Н. Н. Лелякина, капитана А. Ф. Машковцева, штабс-капитана А. А. Ресина, поручика В. Е. Семенова, капитан-лейтенанта И. Н. Сущева, лейтенанта Г. Р. Тобизина, прапорщика А. Хлебалкина и др. Особое место занимает в этом ряду фигура гражданского моряка, замечательного гидрографа-энтузиаста Фридольфа (Фабиана) Кирилловича Гека, чье имя носят несколько географических объектов. О Ф. К. Геке необходимо упомянуть уже потому, что он является автором десятков географических названий на картах и в лоциях дальневосточных морей.

В 1885 году, во время плавания в Беринговом море, владивостокский «вольный» шкипер Ф. К. Гек на шхуне «Сибирь» произвел детальную опись прежде не обследованной части корякско-чукотского побережья от бухты Карага до бухты Дежнева. Тогда же им впервые обстоятельно описаны южный и западный берега острова Карагинского. 1900 году Ф. К. Гек на шхуне «Сторож» выполнил промеры у восточного берега Камчатки между мысами Шипунским и Поворотным и сделал опись некоторых участков юго-восточного побережья, в том числе заливов Кроноцкого и Камчатского и бухт Бечевинской, Тихирки, Моржовой.

По материалам кропотливой и весьма точной по исполнению работы Ф. К. Гека Главное Гидрографическое управление издало «Планы гаваней и бухт на восточном берегу Корякской земли и на полуострове Камчатка и «Карту залива Корфа с гаванями». Если говорить о топонимии, то, в сущности, довольно значительная часть наименований географических объектов обязана своим существованием шкиперу Ф. К. Геку. Это, прежде всего, бухта его имени в заливе Корфа и названные именами его судов бухты

Сибирь и Сторож в заливах Корфа и Камчатском. Затем — ряд названий описательного и чисто гидрографического свойства: мысы Ориа и Ара (по гнездившимся там птицам), Аргали (по наличию горных баранов), озеро Тюленье, бухты Глубокая, Сомнения, Иматра, мысы Красный и Крещенный Огнем...

Многие названия, данные Ф. К. Геком, носят посвяtitельный характер и даны в честь его друзей и родных (бухты Анастасии, Наталии, Рессина, Линдгольма), военных и государственных деятелей (генерала М. Д. Скобелева, генерал-майора Витгенштейна, генерал-губернатора Приамурья А. Н. Корфа). Несколько особняком в этом ряду стоят данные Геком названия бухт в честь святых апостолов Петра и Павла, возможно, в память об экспедиции В. Й. Беринга — А. И. Чирикова.

В 1880 году на Дальнем Востоке организуется специальная гидрографическая экспедиция, получившая название «Отдельная съемка Восточного океана». В первый период своей деятельности экспедиция занималась в основном описью залива Петра Великого, Татарского пролива и Амурского лимана. Через восемь лет после создания «Отдельной съемки» на ее базе была основана Гидрографическая экспедиция Восточного океана, которую спустя несколько лет возглавил Борис Владимирович Давыдов, впоследствии крупнейший гидрограф дальневосточных морей. В 1911 году экспедиция Б. В. Давыдова развернула работы в Охотском море. Они закончились в 1920 году, охватив все охотоморские побережья и выйдя на восточный берег Камчатки в районе острова Карагинского и подойдя таким образом к исходному пункту, откуда в 1885 году начал съемки шкипер Ф. К. Гек. А в 1923 году во Владивостоке была издана знаменитая Давыдовская лоция, капитальный труд, обобщивший результаты деятельности русских гидрографов Дальнего Востока. Чрезвычайно обстоятельное, изложенное прекрасным языком навигационно-гидрографическое описание Бориса Владимировича Давыдова носит название — «Лоция побережий РСФСР Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно». Эта лоция содержит огромное число топонимов побережий полуострова, русских и местноязычных.

С советским периодом камчатской истории связан новый пласт камчатской топонимии, отразивший, в первую очередь, наиболее существенные явления и события в жизни полуострова. На карте Камчатки появилась географические названия, связанные с именами первых камчатских большевиков, деятелей Коммунистической партии и Советского государства, героев Великой Отечественной войны, ученых.

Дело, начатое первопроходцами, имена которых увековечены на картах Камчатки, продолжают многочисленные исследователи и научные экспедиции. Продолжается широкое комплексное изучение полуострова, строятся новые населенные пункты, осваиваются новые территории. Составляются самые различные карты полуострова, в их числе физико-географические, социально-экономические, землеустроительные. А это значит, что к великому множеству уже известных топонимов добавляются

другие, еще неизвестные науке. И, наконец, рождаются новые географические названия. Процесс этот бесконечен, ибо он — порождение истории.

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ

Мыс Лопатка

Мыс Лопатка — самая южная оконечность полуострова Камчатка. На русских картах и чертежах начала XVIII века мыс носил названия Нос, Камчадалский Нос, Южный угол, Курильская Лопатка, Лопатка. Происхождение названия в его окончательном варианте первый исследователь Камчатки С. П. Крашенинников объяснял в середине XVIII столетия сходством очертаний мыса с человеческой лопаткой. Однако более точный смысл названия следует все же искать в русских сибирских говорах, где слово «лопаток» обозначает плоский мыс, песчаную отмель. П. Ф. Кузмищев, составивший в период своего пребывания на Камчатке (1826—1832 гг.) словарь «особых поморских и речных слов», поместил в нем местный гидроним «лопатка» со следующим толкованием: «всякий выдавшийся в море плоский мыс». Берега Лопатки действительно низкие, сложенные песками и галькой. С моря мыс выглядит ровной, чуть возвышенной площадкой, рассеченной узкой ложбиной. Местное (ительменское) название мыса — Капуры, об этом упоминает С. П. Крашенинников.

Мыс Лопатка считается южной границей бывшего расселения коренных жителей Камчатки ительменов, испытавших здесь сильное влияние соседей — островитян. Не случайно первые русские, появившиеся в этих местах, называли тех и других курильцами, отсюда и один из вариантов названия мыса — Курильская Лопатка. Работавшая на Лопатке в 1972—1979 годах археологическая экспедиция Т. М. Диковой обнаружила в этом районе древнеительменские стоянки — следы первых обитателей мыса.

О существовании Курильской Лопатки и ее жителях впервые стало известно на рубеже XVII—XVIII веков из сведений легендарного «камчатского Ермака» В. В. Атласова. На основании исследованных недавно архивных материалов о походе казака Осипа Аргунова известный советский историк Б. П. Полевой предполагает, что Владимир Атласов достиг острия Лопатки и поставил там крест.

Затем здесь побывал служилый человек Михайла Наседкин. В 1706 году он добрался со своим отрядом до южного предела камчатской земли. Дальше был «перелив», за ним виднелась другая земля. Так, в 1706 году было получено достоверное свидетельство о существовании Курильских островов. Пять лет спустя сведения М. Наседкина закрепили казаки Данила Анцифоров и Иван Козыревский. Их отряд, пустившись на байдарках в плавание с Лопатки через пролив, ступил на берег острова Шумшу, обеспечив приоритет России в открытии Курильского архипелага. И. П. Козыревский

составил и первый реалистический чертеж Южной Камчатки где очертания мыса Лопатка близки к современным. Сведения о Лопатке постоянно уточнялись и дополнялись другими исследователями. В их числе первые русские геодезисты, посланцы Петра Первого, И. Б. Евреинов и Ф. Ф. Лужин, моряки Первой (1725—1730 гг.) и Второй (1732—1743 гг.) Камчатских экспедиций В. И. Беринга и А. И. Чирикова, навигаторы Охотской (Сибирской) флотилии, участники русских кругосветных плаваний первой половины XIX века. В дальнейшем описанием южно-камчатских берегов и отдельных его участков занимались офицеры Корпуса флотских штурманов и Гидрографической экспедиции Восточного океана.

В последнем десятилетии XIX века мыс Лопатка оказался на Камчатке единственным, хотя и не постоянным, местом обитания многочисленного прежде калана. В 1892 году этот факт подтвердил известный камчатский промысловик и следопыт П. М. Корякин. Обнаруженное им лежбище было объявлено достоянием государственной казны. Начиная с 1897 года, предпринимаются меры к организации на Лопатке сезонной охраны. Однако попытки сохранить вновь появившегося морского бобра были малоэффективными и не спасали его от набегов американских и японских шхун. Огромный урон стаду был нанесен в годы гражданской войны. Японские хищники, не ограничиваясь беспощадным истреблением редчайшего зверя, использовали варварские способы отпугивания калана от камчатских берегов, вынуждая его искать прибежища на Курильских островах. Они выпускали в прибрежные воды Лопатки нефть, обливали лежбища керосином, смолой. Браконьерские рейды в этот район продолжались и в тридцатые годы.

С 1983 года мыс Лопатка с прилегающими территориями включен в зону созданного Южно-Камчатского биологического заказника республиканского значения. Это решение было вызвано необходимостью обеспечить благоприятные экологические условия для обитания лопаткинского стада каланов. С этого времени плавание у берегов мыса резко ограничено и находится под контролем рыбвода.

Есть в истории Лопатки еще одна примечательная страница. В августе 1945 года расположенная на мысе 945-я береговая артиллерийская батарея под командованием старшего лейтенанта С. И. Соколова обеспечила огневую поддержку десантной операции войск Камчатского оборонительного района по взятию острова Шумшу — цитадели японского милитаризма. Сохранившиеся с того времени орудия батареи в районе маяка хорошо видны как с восточного, так и западного прибрежий мыса Лопатка.

Бухта Три Сестры

Бухта Три Сестры названа по трем скалам-кекурам того же имени, расположенным у входа и являющимся самым характерным ориентиром этой части побережья. Ввиду небольшой величины бухта отмечается лишь на детальных картах Юго-Восточной Камчатки. Историю бухты Три Сестры

вполне закономерно начать с 1740 года. Именно в этом году штурман мичманского ранга И. Ф. Елагин, один из самых одаренных и трудолюбивых офицеров Второй Камчатской экспедиции В. И. Беринга — А. И. Чирикова, осуществил на боте «Св. Гавриил» первую морскую опись берега от мыса Лопатка до Авачинской губы. Составленная Елагиным на основании описи «Карта плоская камчатской земли Южного Угла» получила высокую оценку Чирикова как «наивернейшая». Карта сделана по результатам наблюдений с судна моряком, не рискуя особо приближаться к незнакомому берегу. Поэтому его очертания не детализированы. Елагин это признавал и в качестве объяснения приводил в рапорте довод, который можно считать своего рода первой геодезической характеристикой юго-восточного побережья: «И от того Камчатского Угла до Авачинской губы подле моря по восточному берегу сухим путем описи сочинить никак невозможно, понеже подлегли тамо великия горы и каменные утесы, которыя ни пешему человеку и по здешнему обычаю на собаках никоим образом пройтить невозможно». Но есть на карте среди других елагинских надписей одна, заслуживающая особенного внимания. Именно на карте Елагина впервые появляется название «Гавриил», помещенное примерно в том месте, где на позднейших чертежах изображается река Гавриил, затем река Гавриловская, впадающая в бухту Три Сестры. Не исключено, что надпись Елагина — свидетельство попытки высадиться с бота «Св. Гавриил» в первом на пути от Лопатки удобном для рекогносцировки месте.

Работу Елагина продолжил в 1790 году участник экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева (1785—1794 гг.) сержант геодезии Гилев, осуществивший опись берега от мыса Шипунского до Лопатки на байдаре. Возможно, название «Три Сестры» появилось в то время. В 1830 году данные описи Гилева были уточнены капитаном корпуса флотских штурманов П. И. Ильиным, совершившим плавание на байдаре от Авачинской губы до мыса Лопатка. Гидрографическим исследованиям Ильина сопутствовала благоприятная погода, позволившая провести значительный объем работ. Можно допустить, что название Три Сестры возникло в тот период времени. Во всяком случае, в атласе М. Д. Тебенкова (1852 г.) оно уже присутствует как обозначение юго-западного входного мыса. Сама же бухта, очевидно, получила одноименное название в конце XIX века, когда начала посещаться людьми. Это было связано с организацией охраны каланьего стада Лопатки. Один из сторожевых постов располагался в бухте Три Сестры. Промысел калана был разрешен с конца сентября до начала июня. Поэтому охрана имела сезонный характер. Ежегодно из Петропавловска отправлялась к Лопатке специальная партия из двух казаков-егерей и пяти промышленников. Партия высаживалась в бухте Три Сестры и зимовала, занимаясь охраной и нормированным промыслом ценного морского зверя. Судя по рапортам и донесениям начала этого века, сохранившимся в камчатском фонде Центрального Госархива РСФСР, караул мыса Лопатка вел регулярные метеорологические, гидрологические и др. наблюдения. В 1983 году бухта Три Сестры включена в зону Южно-Камчатского зоологического заказника

республиканского значения. Плавание в этом районе строго регламентировано и находится под контролем органов рыбвода.

Сопка Камбальная

Камбальная сопка (2 160 м) — самый активный из действующих вулканов южной части полуострова, замыкающий почти тысячекилометровую вулканическую дугу Камчатки. На вершине конуса сопки расположены три кратерные впадины. Самая крупная из них имеет диаметр до трехсот метров и глубину сто метров. Признаки вулканической деятельности проявляет северный кратер, где наблюдаются выходы парогазовых фумарольных струй.

Сопка получила название по начинающейся у ее подножия реке Камбальной, впадающей в залив Камбальный на юго-западном побережье полуострова.

В 1805 году во время плавания первой русской кругосветной экспедиции под командованием И. Ф. Крузенштерна, Камбальная была названа горой Кошелева — в честь принимавшего экспедицию в Петропавловске главного командира Камчатки генерал-майора П. И. Кошелева. Оба названия сосуществовали на равных правах более ста лет. В отчетах геологического отряда Камчатской экспедиции Русского Географического общества (1908—1910 гг.) горе Кошелева возвращено прежнее, старинное русское название, имя же Коше лева носит соседний вулкан, расположенный в нескольких километрах к северо-западу.

В старых логиях часто можно встретить иное название Камбальной — Первая Сопка. Оно было дано в связи с тем, что Камбальная является первой, считая от мыса Лопатка, сопкой, служащей самым приметным ориентиром при плавании у юго-восточного побережья полуострова.

Мыс Сенявина

Мыс Сенявина — это юго-западный входной мыс бухты Вестник на юго-восточном побережье полуострова. В старых логиях носил местное, ительменское название — Инканюш, по одноименной реке, впадающей в бухту Вестник. В 1954 году решением Камчатского облисполкома переименован в мыс Сенявина — в честь выдающегося русского флотоводца Д. Н. Сенявина. Это название служит напоминанием и о плавании у камчатских берегов кругосветной экспедиции на шлюпе «Сенявин» под руководством известного русского мореплавателя Ф. П. Литке.

Дмитрий Николаевич СЕНЯВИН (1763—1831) — адмирал русского флота, ученик и сподвижник Ф. Ф. Ушакова. В 1780 году был выпущен из Морского корпуса мичманом, с 1782 года плавал на кораблях Черноморского флота, принимал активное участие в строительстве Севастополя. В 1786 году отличился в сражении с турецким флотом у острова Фидониси, через три года, командуя кораблем «Навархия» в составе эскадры Ф. Ф. Ушакова,

участвовал в бою с турецким флотом при Калиакрии. В 1798 году, командуя кораблем «Св. Петр» в эскадре вице-адмирала Ушакова, перешел из Севастополя в Средиземное море, где, возглавив отряд кораблей, с боем овладел крепостью на острове Св. Мавры. За взятие крепости Сенявин был награжден орденом Анны 2-й степени. Вернувшись в Россию, служил капитаном Херсонесского порта, флотским начальником в Ревеле. В 1805 году под руководством Д. Н. Сенявина в Средиземное море была отправлена эскадра для боевых действий против французов, затем против турок. Здесь в полной мере проявился талант Сенявина как замечательного флотоводца, продолжившего и развившего наступательную тактику Ф. Ф. Ушакова. Под командованием Сенявина русские моряки изгнали французов из Черногории, овладели островом Тенедос, одержали две блестящие победы над турецким флотом у Дарданелл и при Афонской горе. В 1813 году, попав в немилость к Александру I, Сенявин был уволен с флота. В 1827 году он был вновь зачислен на морскую службу и назначен командующим эскадрой для похода в Англию. Часть эскадры Сенявина была отправлена в Средиземное море для участия в освободительной войне греческого народа против турецкого владычества. 8 октября 1828 года этот отряд одержал блестящую победу над турецко-египетским флотом при Наварине. Д. Н. Сенявин умер в 1831 году в чине адмирала. Он воспитал блестящую плеяду русских морских офицеров. В числе его учеников были главный командир Камчатки капитан 1-го ранга, впоследствии адмирал П. И. Рикорд и участник Наваринской битвы, первый военный губернатор Камчатки, руководитель героической обороны Петропавловска в 1854 году генерал-майор В. С. Завойко, впоследствии адмирал русского флота.

Бухта Вестник

Бухта Вестник вдается в юго-восточный берег полуострова между мысом Сенявина и расположенным в 16 милях к северо-востоку мысом Желтым. Название бухте дано в 1882 году в честь русского военного клипера «Вестник», на котором было тогда осуществлено первое подробное гидрографическое обследование этого участка берега.

Клиперу «Вестник» довелось сыграть значительную роль в изучении тихоокеанских побережий России. Корабль был построен на Охтенской верфи Петербурга в 1860 году, плавал на Балтике и на других европейских морях. Затем клипер отправился на Дальний Восток, где был включен в состав Тихоокеанской эскадры. В отряде кораблей под командованием контр-адмирала Н. В. Копытова выполнял различные крейсерские операции, в том числе и связанные с охраной русских побережий Берингова и Охотского морей. Одновременно офицеры клипера осуществляли необходимые гидрографические работы. На «Вестнике» была проведена опись и составлены планы бухты Низменной на побережье Сахалина, острова Тюленьего в Охотском море. В 1882 году клипер под командованием капитана 2-го ранга Ф. К. Авелана базировался на порт Петропавловский.

Команда его вместе с экипажем крейсера «Африка» принимала участие в установлении памятника «Слава» в Петропавловске и торжествах в честь 28-й годовщины разгрома англо-французского десанта. В том же 1882 году штурманские офицеры корабля произвели гидрографическое обследование полуострова Кроноцкого, уточнив его истинное положение, и бухты на юго-восточном берегу Камчатки, получившей имя клипера.

Вплоть до конца 70-х годов XIX века бухта ввиду своей отдаленности практически не посещалась людьми. Положение изменилось после заключения в 1875 году трактата между Россией и Японией, по которому в обмен на южную часть Сахалина русское правительство уступило Японии Курильские острова. Не согласившаяся принять японское подданство часть жителей Урупа, Парамушира, Симушира, в большинстве своем обжившаяся там со времен деятельности Российско-Американской компании, алеуты, а также айны, выразили желание переселиться в Петропавловск. Спустя некоторое время, в 1880 году, 70 переселенцев были отправлены в бухту Вестник (тогда еще безымянную). Колонистам было предоставлено право заниматься промыслом калана. Однако дело это не пошло из-за крайней малочисленности зверя, бывшего тогда на грани полного исчезновения. Поселенцы бухты Вестник, отрезанные от внешнего мира, попали в тяжелое положение. Брошенные, по сути дела, на произвол судьбы, они вынуждены были обратиться к камчатской администрации с просьбой переселить их в другое, более удобное место. В 1888 году большинство их было отправлено на Командоры. Сейчас единственным напоминанием об этой истории является название Алеутские Россыпи, данное расположенному в районе бухты Вестник крупному месторождению пемзы.

Сопка Ильинская

Сопка Ильинская названа по одноименной реке, берущей начало со склонов этого вулкана и впадающей в бухту Вестник. Вплоть до конца XIX века сопку чаще называли Озерной — по расположению ее у северо-восточного берега озера Курильского. Имелось и третье название, чаще использовавшееся моряками — Вторая Сопка. Это название встречается в старых морских лоциях и дореволюционных картах. Дело в том, что Ильинская после Камбальной сопки была вторым, самым приметным ориентиром на пути следования от мыса Лопатка.

Правильный конус действующего вулкана Ильинского отлично виден с моря на расстоянии полутора десятков миль от берега. Вершина сопки чуть срезана — это последствие взрыва 1801 года. Там расположен двойной кратер диаметром около 600 и глубиной до 200 метров. Последнее из крупных извержений Ильинской (Озерной) сопки произошло в 1901 году, обломками изверженных пород было покрыто обширное пространство вплоть до восточного морского побережья. После этого извержения вулкан проявляет слабую фумарольную деятельность.

Название Ильинская сопка было окончательно закреплено на картах участниками Камчатской экспедиции Русского Географического общества, изучавшими вулкан в 1910 году. Происхождение же этого названия, данное сначала реке, возможно, связано с деятельностью капитана корпуса флотских штурманов П. И. Ильина, проводившего в 1830—1831 годах морскую опись восточного берега Камчатки от мыса Лопатка до мыса Шипунского.

Примечательна судьба этого человека, отдавшего восточным морям России более тридцати лет бессменной службы. В 1809 году **Петр Иванович ИЛЬИН** поступает в Охотский экипаж юнгой. Через два года оканчивает Охотское штурманское училище и принимает участие в знаменитом плавании П. И. Рикорда на шлюпе «Диана» из Охотска к Кунаширу для освобождения плененного японцами известного русского мореплавателя В. М. Головкина. В 1816—1817 годах штурманский помощник унтер-офицерского чина П. И. Ильин плавает на бриге «Меркурий» у берегов Англии, Франции, Голландии. В 1817—1819 годах он совершает кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка» под командованием В. М. Головнина. С той поры Ильин почти не покидает Северо-Востока России. В 1820—1824 годах он принимает участие в Усть-Янской экспедиции лейтенанта П. Ф. Анжу, будущего адмирала, крупнейшего исследователя Арктики. В январе 1827 года в звании штабс-капитана корпуса флотских штурманов Ильина командируют на Камчатку. В 1830 году его производят в капитаны, и по распоряжению главного командира Камчатки А. В. Голенищева он предпринимает опись восточного берега полуострова.

Работы проводились на байдаре с четырьмя гребцами в сопровождении камчатского садовника Ридера, проводившего в пути ботанические наблюдения. Отправившись из Петропавловского порта 17 июля 1830 года, Ильин достиг мыса Лопатка 4 августа и, обогнув его, добрался в конце августа до Большерецка. Опись, которой сопутствовала хорошая погода, проводилась Ильиным с помощью секстана, секундных часов, подзорной трубы и пелькомпаса и была совершена с большим знанием дела. Работа Ильина повторила на качественно новом этапе первую опись данного района побережья, произведенную в 1740 году первооткрывателем Петропавловского порта штурманом И. Ф. Елагиным.

Человек не знатного происхождения, честный и знающий офицер, Петр Иванович Ильин подвигался по службе медленно. Десять лет он заведовал Охотским штурманским училищем, исполняя одновременно множество других должностей, и умер в 1842 году в чине подполковника, имея лишь одну награду за многолетнее добросовестное служение русскому Дальнему Востоку. Жизнь этого беззаветного труженика восточных морей России еще ждет своего исследователя.

Сопка Желтовская

Сопка Желтовская расположена в 6,7 мили к северо-востоку от сопки Ильинской. Восточный склон этого вулкана спускается к бухте Вестник.

Сопка Желтовская имеет высоту 1953 метра и относится к типу стратовулканов: ее конус образован продуктами излившихся лавовых потоков. На вершине конуса находится кратер, заполненный водой. Одно из крупнейших извержений вулкана произошло в 1823 году. Затем, после столетнего перерыва, Желтовская сопка вновь проявила активную вулканическую деятельность, продолжавшуюся два месяца. Последнее извержение вулкана отмечено в 1972 году. С той поры Желтовская находится в стадии фумарольной активности.

Вплоть до конца прошлого века в местном камчатском языковом обиходе вулкан носил ительменское название Уташуд. Оно было передано и небольшому островку, расположенному в бухте Вестник. Под названием Желтовская сопка вулкан окончательно закрепился на картах в результате работ в этом районе геологического отряда Камчатской экспедиции Русского Географического общества (1908—1911 гг.). Вулкан назван по мысу Желтому, замыкающему с северо-востока бухту Вестник и находящемуся примерно на траверзе сопки Желтовской. В свою очередь, мыс Желтый получил название в 1830 году по преобладающему цвету своих обрывов. Название дано капитаном корпуса флотских штурманов П. И. Ильиным, проводившим гидрографическую съемку юго-восточного побережья полуострова (см. «Сопка Ильинская»).

В морской навигационной практике, начиная с XIX столетия, чаще использовалось другое название вулкана – Третья Сопка, в связи с тем, что после Камбальной и Ильинской сопки Желтовская является третьим, самым приметным ориентиром на пути следования от мыса Лопатка к северо-востоку.

Залив Авачинский

Авачинский залив вдается в юго-восточную часть Камчатского полуострова между мысом Поворотным и полуостровом Шипунским. Залив получил название по бухте (губе), являющейся его частью.

На русских чертежах и картах первой четверти XVIII века из-за отсутствия точных географических сведений этот район побережья наносился весьма условно, и река Авача чаще всего изображалась впадающей прямо в океан.

Впервые достоверные очертания Авачинского залива, а также его название были нанесены в 1729 году на итоговой карте Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринга (1725—1730 гг.). Они были сделаны на основе морской инструментальной съемки. Следует отметить, что бот экспедиции «Св. Гавриил» был первым морским судном, побывавшим в заливе. В июне 1729 года Беринг несколько раз приближался к берегу в районе горла Авачинской губы, и штурманы корабля с достаточной ясностью нанесли на карту входные мысы, получившие позднее названия Маячный и Безымянный, мыс Шипунский и другие географические объекты залива.

Работы по его дальнейшему изучению были продолжены участниками Второй Камчатской экспедиции (1732—1743 гг.) в связи с необходимостью детального обследования подходов к Авачинской губе, выбранной Берингом для базирования кораблей экспедиции. Не исключено, что этим делом впервые занялись в 1737 году подпоручик И. Свистунов и подштурман Е. Родичев, посланные Берингом из Охотска для составления карты Авачинской губы. Трудно судить, что им удалось сделать без судна, погибшего у реки Большой. Карта первых разведчиков Авачинской губы не сохранилась. Однако, судя по тому, что результаты работы Свистунова и Родичева не удовлетворили Беринга, приоритет в исследовании Авачинского залива следует отдать штурману мичманского ранга И. Ф. Елагину, который в 1740 году довел до конца дело своих предшественников в Авачинской губе и, кроме того, представил руководителю экспедиции карту побережий от устья реки Большом до мыса Лопатка и от Лопатки до урочища Вауа (мыс Маячный). Опытный штурман, И. Ф. Елагин достаточно верно нанес на карту южную часть Авачинского залива, включая бухту Вилючинскую. В 1742 году работу Елагина продолжил к северу другой участник экспедиции Беринга гардемарин Андреян Юрлов, сделавший геодезическую съемку берега от горла Авачинской губы до мыса Кроноцкого. В рапорте и приобщенной к нему карте Юрлов тщательно отметил навигационные особенности побережья, речных устьев, породы деревьев и качество леса применительно к строительству судов. А. Юрлов провел первое подробное описание Вилючинской бухты.

Обследование Авачинского залива проводилось обычно в совокупности с его знаменитой губой.

Сведения И. Ф. Елагина и А. Юрлова существенно дополнил и расширил еще один участник Второй Камчатской экспедиции, известный исследователь полуострова С. П. Крашенинников. Его описание района береговой части залива содержит ценнейшие сведения по истории, этнографии, о населенности побережья залива и происхождении географических названий его объектов.

Исследованиями Авачинского залива и прибрежной его части, уточнением различных деталей занимались в дальнейшем участники экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева геодезист А. Гилев (1790 г.), капитан корпуса флотских штурманов П. И. Ильин (1830 г.), штабс-капитан П. Скрыпов (1835 г.), офицеры Отдельной съемки и Гидрологической экспедиции Восточного океана (1880—1920 гг.). Описанием Авачинского залива, его отдельных частей занимались также иностранные мореплаватели Д. Кинг (1779 г.), Ж. Ф. Лаперуз (1787 г.), Ф. Бичи (1827 г.).

Бухта Русская

Бухта Русская расположена в юго-западной части Авачинского залива. До 1952 года наносилась на карты под местным, ительменским названием — Ахомтен.

Первое обследование бухты произвел в 1790 году сержант геодезии А. Гилев, участник экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева. Гилев, занимавшийся описью береговых районов от Авачинской губы до Лопатки и северных Курил, сделал, в частности, первые промеры бухты Ахомтен с бухтой Тихиркой, представил отчеты о проделанной работе и карты.'

В 1830 году исследования А. Гилева продолжил капитан корпуса флотских штурманов П. И. Ильин, проводивший по распоряжению главного командира Камчатки А. В. Голенищева морскую съемку восточного побережья от Авачинской губы до Лопатки. На основе своей описи Ильин сделал частную карту бухты Ахомтен, отметив ее навигационное значение как «пристанища» для крупных морских судов. Гидрографические данные П. И. Ильина были использованы в дальнейшем при составлении новейшей карты Камчатки, изданной в 1851 году Гидрографическим департаментом. Часть маршрутного журнала Ильина, касающаяся бухты Ахомтен, является, по сути дела, первой лоцией этого района и представляет своеобразный пример гидрографического документа того времени:

«Бухта Ахомтен вдается к юго-западу на две и одну вторую мили, шириною в половину мили. При входе в нея берега утесисты, северный вообще крут и каменист, с камнями и рифами подле него, южный низмен. Кругом горы, в вершине. множество камней, названных по видимым на них тюлениям Тюленною отмелью. Глубина, полагаю, незначительная, грунт на отмелях камень и песок».

Ильин не делал промеров бухты, но его предшественник Гилев определил глубины «при входе пятнадцать сажен, на середине — пять, к краям мельче». «Бухта Тихирка, примыкающая к Ахомтену,— продолжает далее Ильин,— вдается к западу, невелика, в полмили длиною. Берега ее утесисты, только в вершине песчаная низменность. Глубина от пяти до семи и трех четвертей сажен, грунт камень и песок. В вершину ее впадает речка, другая речка, Быстрая, при входе, с северной стороны».

Вплоть до конца 30-х годов XX века бухта Русская (Ахомтен) использовалась как место временного отстоя судов при неблагоприятных для плавания условиях. Суда заправлялись здесь и пресной водой, которая по сведениям моряков могла долго сохранять прекрасные вкусовые качества.

С началом Великой Отечественной войны и возросшей опасностью плавания в прикамчатских водах бухта Русская становится одним из основных пунктов формирования караванов транспортных судов, следовавших из портов Канады и США во Владивосток со стратегическими грузами.

В 70-е годы, с развитием океанического рыболовства, увеличением промыслового и рыбообрабатывающего флотов, бухта Русская начинает активно использоваться для заправки судов пресной водой из природных водохранилищ, перегруза рыбопродукции, промыслового вооружения, смены судовых экипажей.

Узкая, глубоко вдавшаяся в сушу бухта Русская, с крутыми, обрывающимися к воде склонами сопков, напоминает по своей форме фиорд и

является одним из живописнейших мест в окрестностях Петропавловска. Сюда проложен морской туристический маршрут.

Остров Старичков

Почти на одной линии с северным берегом бухты Саранной, на расстоянии 1,5 мили от побережья расположен небольшой скалистый остров Старичков. Длина его не превышает одной мили, ширина вдвое меньше. Находясь всего в 5,5 мили на юго-запад от входа в Авачинскую губу, остров имеет крупное навигационное значение при подходе к берегу в этом районе. Как приметный ориентир, указывающий близость губы при плавании с юга, остров начинает использоваться уже с конца 30-х годов XVIII века. На карте И. Ф. Елагина, (1740 г.) он именуется Вилучинским. В 1789 году известный русский мореплаватель Г. А. Сарычев вводит в официальные документы другое его название — Старичков — «по имени небольших морских птиц, делающих на нем себе гнезды в великом множестве» (имелись в виду топорки). Подробное гидрографическое описание острова Старичкова и прилегающего к нему района сделал в 1830 году капитан корпуса флотских штурманов П. И. Ильин. Его наблюдения не лишены интереса и сегодня:

«В бытность мою здесь два раза случилось заметить, что течение, идущее из океана, всегда стремится в параллель северного берега острова, следующее же между материком и островом, встречая поперечное, производит толчею. Когда течение идет от зюйд-веста, с крепким ветром, тогда волнение, останавливаясь на рифе, чрезвычайно возвышает воду и потопляет весь низменный берег. При убыли течение стремится из Авачинской губы к острову, более через потайники, лежащие почти на середине между островом и первым мысом при входе в Авачинскую губу, обнаруживающиеся при волнении, но в другое время вовсе незаметные. На западной стороне острова всегда можно найти пресную воду».

В 1908 году геолог Н. Г. Келль обнаружил на острове Старичковом пластинчато-сланцевые песчаники с отпечатками древних водорослей и тонкостенных раковин.

Бухточка Фальшивая

В одной миле к северо-западу от северного входного мыса бухты Русской в берег неглубоко вдается бухточка Фальшивая. Выходящая к ней, широкая долина реки Фальшивой при наблюдении с моря создает ложное впечатление о большой, глубоко врезанной в материк бухте. Это обстоятельство и послужило поводом для названия бухточки.

Бухта Жировая

Бухта Жировая расположена между мысами Крутым и Раздельным. На первых русских картах носила название Инадин ительменского

происхождения. Первоначальное русское название бухты — Южная Жировая. Поводом для него, очевидно, послужили регулярные подходы в этот район авачинской жирующей сельди, промысел которой велся вплоть до 50-х годов XX. века.

Бухта Вилючинская

Соседняя с Жировой бухта носит название: Вилючинская. Она глубоко врезана в материк в северо-западном направлении. При длине от середины входа в нее до вершины в четыре мили и ширине немногим более мили бухта имеет почти параллельные берега. В вершине ее берег резко поворачивает под прямым углом. к северу и становится низменным, принимая реку Вилючу, берущую начало от подножья одноименного вулкана. Бухта получила название от вулкана Вилючинского (Вилючикского), обособленное положение и характерный силуэт конуса которого служат прекрасным ориентиром при подходе к берегу.

Прежнее, ительменское название бухты — Ниашкин (Наякшин). Первые исследования ее связаны с деятельностью Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга — А. И. Чирикова. Производивший опись этого района в 1740 году штурман И. Ф. Елагин составил затем «Карту Камчатской земли Южного угла», где пометил «Вилюйченскую сопку». Но бухту ему, видимо, осмотреть не удалось. Это сделал по специальному поручению А. И. Чирикова гардемарин Андреян Юрлов (1742 г.), которого можно считать первым исследователем Вилючинской бухты. Работы Юрлова продолжал в 1790 году участник экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева сержант геодезии А. Гилев. Он, в частности, сделал промеры глубин, отметив 18 сажен на середине бухты и до 25 при входе в нее. Первая детальная (частная) карта Вилючинской бухты была выполнена капитаном корпуса флотских штурманов П. И. Ильиным по данным его описи 1830 года. Сохранилось и принадлежащее ему описание бухты, свидетельствующее о высокой по тому времени точности наблюдений:

«Бухта Вилючинская простирается в берег на норд-вест на четыре мили, шириною около одной мили. Вершина ее примыкает к подножию известной сопки Вилючинской и принимает здесь вытекающую из хребтов речку того же имени. В вершине бухты берег низменный, но имеющий к морю узкую, булыжную низменность, по южную не высокий, но утесистый, во многих местах усыпанный камнями. С моря бухта закрывается далеко выдавшимся от северного края рифом, названным «Фальшивыми островками».

Находящаяся по соседству с Авачинской, бухта Вилючинская нередко служила прибежищем для судов, направлявшихся в Петропавловск. Однако, открытая восточным и северо-восточным ветрам, бухта таила для укрывавшихся здесь кораблей немалые опасности. Об одной из трагедий, случившейся в этом районе в ноябре 1811 года, писал известный русский путешественник К. Т. Хлебников:

«Корабль «Юнона» потерпел крушение при устье реки Вилюя во время сильного шторма, и при том погибли командир судна и весь экипаж, кроме трех матросов, спасшихся неожиданно, и что они нашли бывших там за ловлею рыбы наших людей и ими сюда доставлены. Ужас объял меня при сем горестном и плачевном известии. На другой день мы поехали на гребных судах к месту кораблекрушения, и какое поразительное зрелище нам представилось! Прилив с моря по речке Вилюю поднимался более трех верст, и на всем том пространстве находили разнесенные течением мертвые тела или оторванные и искаженные части их, замеченные песком и опутанные морским поростом; иных находили зацепленных за деревья. Но всего ужаснее было видеть поднятых и заброшенных в ущелины между камнями, рукою или ногою и всем телом висящих в воздухе. Девять тел были собраны и погребены, и участь, постигшая мореплавателей, тронула нас до глубины сердца».

Вплоть до 50-х годов XX века бухта Вилючинская в местном языковом обиходе именовалась и Северной Жировой. Она использовалась как сезонная база петропавловских рыбаков для промысла и обработки авачинской сельди.

Камни Лаперуза

Камни Лаперуза (бывшие Фальшивые камни) — это два плосковершинных рифа и шесть камней меньшего размера, лежащих в 2,8 кабельтова от мыса Зеленого, северо-восточного входного мыса бухты Вилючинской. Название дано в память о пребывании на Камчатке морской французской экспедиции под командованием Ж. Ф. Лаперуза.

Французский мореплаватель **Жан Франсуа Гало де ЛАПЕРУЗ** (1741—1788) в 1785 году возглавил экспедицию на фрегатах «Буссоль» и «Астролябия». Целью экспедиции, одной из крупнейших в XVIII веке, было изучение северной части Тихого океана, открытие новых земель, проведение обширных научных исследований. Плавание, в котором приняли участие более 240 моряков, известных ученых, предполагалось закончить через четыре года.

Покинув берега Франции 1 августа 1785 года, корабли обогнули мыс Горн и в феврале 1786 вошли в Тихий океан. Они посетили остров Пасхи, Гавайский архипелаг. В июне экспедиция достигла северных берегов Аляски. Затем фрегаты пересекли океан и, обследовав морское пространство между Филиппинами и Японией, вошли в Японское море, после чего они направились к Татарскому проливу и материку, поднялись за 51-й градус северной широты.

Лаперуз был у самого входа в узкий пролив, у самого порога открытия, которое позднее сделает Г. И. Невельской. Однако, принимая во внимание постоянное уменьшение глубин к северу, руководитель экспедиции пришел к ошибочному выводу, что Сахалин — полуостров, соединяемый с материком песчаным перешейком. Корабли повернули назад и, пройдя пролив между островами Сахалин и Хоккайдо (пролив Лаперуза), вышли из Японского

моря в Тихий океан. Оставляя слева гигантскую дугу Курильских островов, Лаперуз начал подниматься к высоким широтам, и 6 сентября 1787 года «Буссоль» и «Астролябия» прибыли в Петропавловский порт.

Плавание от Франции до Камчатки длилось два года. Маленький гарнизон порта под командованием прапорщика Хабарова гостеприимно встретил мореплавателей. Через несколько дней из Верхнекамчатска в Петропавловск прибыл комендант Охотского края Козлов-Угренин, находившийся в поездке по Камчатке. По просьбе французов хозяева русского порта отправили на корабли семь голов крупного рогатого скота, различное продовольствие. В письме сибирскому генерал-губернатору Лаперуз тепло поблагодарил жителей порта за гостеприимство: «Я не мог бы в собственной стране, у моих лучших друзей, встретить более теплого приема, чем здесь, на Камчатке»,— писал он французскому послу в Петербург. Помощь русского порта мореплавателям высоко оценило французское правительство, наградившее через год коменданта Петропавловского порта прапорщика Хабарова медалью с изображением Людовика XVI. Пребывание фрегатов Лаперуза в Петропавловске длилось более трех недель. За это время французские моряки смогли полностью подготовить свои корабли к предстоящему дальнему плаванию. В знак глубокого уважения к делам своих предшественников гости соорудили деревянные гробницы над могилами преемника Д. Кука капитана Ч. Клерка и участника Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга астронома Делиль де ла Кройера. Перед отходом «Буссоли» и «Астролябии» из Петропавловска Лаперуз препоручил хозяевам порта судьбу своего помощника, вице-консула Ж. Б. Лессепса, которому предстояло отправиться сушей из Камчатки в Петербург и далее во Францию с почтой экспедиции. Он был единственным участником плавания, которому суждено было вернуться на родину.

Фрегаты Лаперуза покинули Авачинскую губу 30 сентября 1787 года и направились к Австралии. Из поселка Порт-Джексон (ныне город Сидней) Лаперуз отправил во Францию свое последнее донесение, в котором сообщал о намерении посетить острова Меланезии. Оставив Порт-Джексон в 1788 году, экспедиция пропала без вести. Лишь спустя сорок лет исследователь Ж. С. Дюмон-Дюрвиль, а в 1959 году известный ученый Г. Тазиев окончательно подтвердили предположение о гибели кораблей в районе острова Ваникоро в архипелаге Веракрус.

В честь пребывания экспедиции Ж. Ф. Лаперуза в Петропавловске установлен памятник. Именем известного французского мореплавателя названы рифы у бухты Вилучинской и другие географические объекты. Самый первый памятник выдающемуся французскому мореплавателю был установлен в Петропавловске в 1843 году в виде деревянной, обшитой железом колонны с надписью: «Лаперузу». Был заменен в 1882 году.

Мыс Станицкого

Мыс Станицкого расположен в юго-западной входной части Авачинской губы и служит одним из главных ориентиров при заходе в нее.

Назван в честь капитана 2-го ранга Ф. Е. Станицкого, начальника Камчатки в 1822—1828 годах. Название мысу дано, предположительно, командиром английского военного фрегата «Блоссом» капитаном Ф. В. Бичи, заходившим в Петропавловский порт в 1826 и 1827 годах. На карте штурмана И. Ф. Елагина (1740 г.) мыс был обозначен под названием Каюмы. Возможно, это слово якутского происхождения и переводится, как «скалы», «высокий скалистый обрыв». Участники Второй Камчатской экспедиции, в составе которой было много сибиряков, пользовались и якутскими географическими терминами. Вплоть до конца XIX века чаще употреблялось название мыса, данное первостроителем Петропавловского порта, исследователем Авачинской губы И. Ф. Елагиным.

Мыс Станицкого является одним из генеральных навигационных ориентиров при заходе в Авачинскую губу. Поэтому в 1952 году по решению Главного управления гидрографической службы СССР на мысе Станицкого было начато строительство маяка, поскольку установленный здесь ранее на трехметровой пирамиде автоматический маячный огонь уже не соответствовал условиям мореплавания и был, к тому же, ненадежен. В 1954 году на мысе Станицкого закончилось сооружение восьмигранной бетонной башни светового маяка высотой 8 метров, жилых и технических зданий. 27 ноября 1954 года на маяке Станицком была введена в действие звукосигнальная установка, предупреждавшая возможности выхода судов на каменистую подводную гряду у мыса Станицкого. Спустя два года, 13 ноября 1956 года, вступила в строй световая башня маяка с дальностью ночной видимости огня 20 миль. В мае 1959 года маяк Станицкий был разрушен землетрясением. Работы по восстановлению зданий и модернизации оборудования продолжались до 1961 года. В 1967—1979 годах на мысе Станицкого были успешно проведены испытания первой в нашей стране опытной ветродизельэлектрической установки. В период 1977—1978 годов на маяке смонтированы новый светооптический аппарат с радиусом ночной видимости огня 22,3 мили и прожекторная подсветка световой башни. Первым начальником маяка Станицкого был Н. К. Дашевский, один из опытных специалистов камчатской гидрографической службы.

Губа Авачинская

Авачинская губа известна русским с начала XVIII столетия. Уже через шесть лет после похода «камчатского Ермака» В. В. Атласова у Авачинской губы осенью 1703 года побывал отряд служилых людей под началом Родиона Преснецова, направлявшийся из Верхнекамчатского острога к восточному берегу полуострова. Последующие посещения губы связаны с походами Ивана Таратина и Афанасия Поповцева (1707 г.), Ивана Козыревского (1711, 1715 гг.), Даниила Анцифорова (1712 г.). Сохранились сведения о посылке И. Козыревским отряда Федора Балдакова на байдарках из Авачинской губы на Лопатку и Курилы (1715 г.). Сообщенные русскими первопроходцами факты легли в основу данных так называемой «Якутской карты», где устье реки

Авачи (Вавачи) изображено с признаками морского залива, губы. Первое, достаточно реалистическое изображение Авачинской (Вавачинской) губы появилось на чертеже сибирского картографа С. У. Ремезова, известном под названием «Чертеж похода Козыревского» (1713 г.).

Название губы имеет ительменское происхождение и дано русскими по самой крупной реке, впадающей в нее. Это соответствовало традициям того времени. В русской языковой практике, на чертежах и картах первой трети XVIII века названию Авача предшествовали несколько вариантов: Суаачу, Вовача, Вавача и др. Исследователь Камчатки Г. В. Стеллер записал у местных жителей, ительменов, вариант Гшуабач, причем, применительно к самой губе. Есть предположение, что Гшуабач — это искаженное ительменское Кшчуапач («кшчу» — залив, озеро, «апач» — отец).

Интерес русских к Авачинской губе все более возрастал. Это диктовалось необходимостью более широкого исследования Курильских островов, развития контактов с Японией. Плавание Федора Балдакова в 1715 году из Авачинской губы к Лопатке и Курилам свидетельствует о том, что географические преимущества губы для осуществления таких задач были уже хорошо осознаны. Несомненный интерес к Авачинской губе проявлял и руководитель Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринг. Так, в 1727 году, находясь в Большерецке, Беринг собирал сведения о плаваниях служилых людей от Авачи на юг. В июне следующего года Беринг на боте «Св. Гавриил» дважды прошел около входа в губу, и штурманы судна впервые нанесли на карту очертания входных мысов. В том же году Беринг получил дополнительные известия об этом районе, а, возможно, и о губе от своего посланца, ботового подмастерья Федора Козлова.

Таким образом, Беринг в то время уже имел определенные представления об Авачинской губе, что позволило ему уже в период подготовки ко Второй Камчатской экспедиции выбрать губу как одно из вероятных мест для зимнего укрытия кораблей.

Позднее для принятия окончательного решения Берингу потребовались дополнительные сведения. За ними в 1735 году отправился участник Второй экспедиции поручик В. Вальтон, предпринявший первую попытку гидрографического исследования губы. Однако Вальтон не смог довести до конца порученное дело. В 1737 году его работу продолжили подпоручик И. Свистунов и подштурман Н. Родичев. Но, потеряв судно на устье реки Большой, они, в основном, ограничились геодезическими наблюдениями. И. Свистунов и Н. Родичев составили карту губы и построили при устье реки Авачи первые русские сооружения: маяк, казарму и другие постройки.

Результаты второй разведки Авачинской губы снова не удовлетворили Беринга, и 29 сентября 1739 года из Охотска на Камчатку отправился бот «Св. Гавриил» под командой штурмана мичманского ранга И. Ф. Елагина. Выйдя из устья реки Большой после зимовки, бот «Св. Гавриил» 10 (21) июня 1740 года впервые в истории мореплавания вошел в Авачинскую губу.

Закладывая в гавани Ниакиной (Петропавловской) первые строения будущего порта, Елагин одновременно занимался детальными

исследованиями Авачинской губы. Он составил первую обстоятельную карту губы с указанием глубин, рельефа берегов, растительности, местных (ительменских) географических названий. Сведения Елагина дополнил другой участник экспедиции Беринга, студент С. П. Крашенинников. По их данным в то время на берегах Авачинской губы существовало несколько ительменских селений (острогов). Одно из них, Анкомп, располагалось на песчаной косе с южной. стороны гавани Ниакиной (Петропавловской). Острог Анкомп русские переименовали в Аушин — по имени тойона селения. На противоположной стороне губы находился Тареин острог, где тойоном был ительмен Тареин (Тарей). Позднее на берегу Тарьинской бухты возникла поселки Старая и Новая Тарья.

6 (17) октября 1740 года в Авачинскую губу прибыли пакетботы Второй Камчатской экспедиции «Св. Петр» и «Св. Павел». Эта дата считается днем основания Петропавловского порта, города Петропавловска. Участники экспедиции продолжили работы И. Ф. Елагина по исследованию губы. Была промерена бухта Раковая, получившая название по обилию морских раковин. В 1741 году, во время зимовки пакетботов, были впервые определены астрономическим методом ее широта и долгота, координаты урочища Вауа (мыс Маячный), от которого в дальнейшем велось штурманское счисление.

4 июня 1741 года из Авачинской губы началось историческое плавание пакетботов «Св. Петр» и «Св. Павел» под руководством В. И. Беринга и А. И. Чирикова. Результатом этого плавания явились выдающиеся географические открытия.

В 1779 году Авачинскую губу дважды посетили корабли английской кругосветной экспедиции Д. Кука. Англичане осуществили морскую съемку губы, составили по ее результатам карту.

В 1787 году Авачинская губа принимала фрегаты французского мореплавателя Ж. Ф. Лаперуза, а два года спустя — участников русской экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева. Перу Г. А. Сарычева, впоследствии адмирала, руководителя гидрографической службы России, принадлежит одна из блестящих характеристик Авачинской губы:

«По пространству Авачинской губы с побочными ее заливами может в ней стоять на якорях спокойно многочисленный флот. Жаль, что эта превосходная, от природы устроенная гавань, находится в таких отдаленных морях, где нет российского флота, и чрез то остается без пользы. Но может стать, со временем, будет она важнейшей и нужною пристанью, когда купечество наше обратит внимание на выгоды торговли с Китаем, Япониею и прочими ост-индскими странами и распространит мореплавание по здешним морям. Тогда Авачинская губа будет главным сборищем судов, отправляемых как за промыслами на острова и в Америку, так и для торгу в Ост-Индию, ибо на здешних морях, принадлежащих России, нет удобнее и безопаснее сего места для пристани судам».

В 1804—1805 годах исследования Авачинской губы продолжили участники первой русской кругосветной экспедиции под командованием И.

Ф. Крузенштерна. С расширением деятельности Российско-Американской компании Авачинская губа становится одним из важнейших пунктов на пути следования русских кругосветных и полукругосветных экспедиций и судов РАК.

После экспедиции И. Ф. Крузенштерна губу посещают корабли В. М. Головнина (1809, 1818 гг.), Л. А. Гагемейстера (1810, 1829 гг.), О. Е. Коцебу (1816, 1824 гг.), М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева (1821 г.), С. П. Хрущева (1822 г.), М. П. Лазарева (1823 г.), Ф. П. Врангеля (1826 г.), М. Н. Станюковича (1827 г.), Ф. П. Литке (1827 г.), В. С. Хромченко (1832 г.), И. И. Шанца (1835 г.), А. Л. Юнкера (1841 г.), И. В. Вонлярлярского (1845 г.), Г. И. Невельского (1849 г.) и других мореплавателей. В этот период значительно пополняются научные представления об Авачинской губе за счет исследований Г. И. Лангсдорфа, В. Прейса, Э. Гофмана, А. Постельса, Ф. Китлица, К. Мертенса, К. Дитмара.

С 1850 года, в связи с учреждением русского крейсерства в дальневосточных морях для охраны побережий и территориальных вод России, губа Авачинская определяется как постоянное место базирования (стационар) русских военных кораблей.

Первым таким крейсером был прибывший летом 1854 года в Петропавловский порт корвет «Оливуца» под командованием капитан-лейтенанта И. Н. Суцова. Крейсерские операции были прерваны войной 1853 — 1856 годов и затем продолжались вплоть до конца XIX века. Офицеры охранных кораблей проводили и гидрографические работы. Исследования Авачинской губы в этот период связаны в первую очередь с деятельностью известных гидрографов дальневосточных морей К. С. Старицкого и М. Л. Онацевича. В июле 1888 года в Авачинскую губу прибыл корвет «Витязь» под командованием капитана 1-го ранга С. О. Макарова. Будущий автор классического труда «Витязь» и Тихий океан» осуществил комплекс гидрологических наблюдений в губе. Сведения об Авачинской губе, накопленные в дореволюционный период исследований, были обобщены в лоции Б. В. Давыдова, изданной во Владивостоке в 1923 году.

250 лет освоения Авачинской губы существенно изменили облик ее берегов, отложились в географических названиях.

В 1853 году казаки, выходцы из Гижиги, основали на берегу бухты Сероглазки одноименное село. Само же название, данное бухте, существовало уже в 20-е годы XIX века. Несколько ранее, близ устья реки Авачи, на месте древнего ительменского поселения, возникло село Авачинское, откуда начинался речной путь в глубь полуострова.

В 1936 году на берегу бухты Раковой началось строительство первенца камчатской индустрии — судоремонтной верфи и рабочего поселка Индустриального, ставшего затем микрорайоном Петропавловска. К этому же времени относится и появление поселка Моховая на берегу одноименной бухты.

В 1959 году с карты Авачинской губы исчезло название Изменный, данное одновременно острову и полуострову на восточной стороне губы в

XVIII веке. Они были названы именем В. С. Завойко, руководителя Петропавловской обороны 1854 года. Поселки Старая Тарья и Новая Тарья, где в первые годы советской власти были организованы леспромхоз и рыбалка Акционерного Камчатского общества, получили в 50-е годы названия Советский и Приморский. В 1964 году они были объединены в один поселок Приморский. Бухта Тарья и одноименный мыс, отделяющий ее от Авачинской губы, были названы по фамилии выдающегося исследователя Камчатки С. П. Крашенинникова. В 1954 году мыс Пинэкл-Пойнт (Башенный) на восточной стороне губы и холм Дирекшен-Блэф (Определяющий) на северном берегу, названные в 1827 году английским капитаном Бичи, были также переименованы. Первый был назван в честь Героя Советского Союза старшины 1-й статьи И. А. Вилкова, повторившего в августе 1945 года на Курилах подвиг А. Матросова. Второй получил название холм Прицельный. Подвиг соратника Н. А. Вилкова матроса П. И. Ильичева запечатлен в названии бухты Ильичева (бывшая Кожевенная).

Порт Петропавловский

Возникновение Петропавловского порта и города Петропавловска связано с деятельностью Второй Камчатской экспедиции В. И. Беринга — А. И. Чирикова (1732—1743 гг.).

Летом 1740 года, выполняя указания Беринга об исследовании Авачинской губы и выборе там удобной гавани для зимовки строившихся под Охотском кораблей экспедиции, штурман мичманского ранга Иван Фомич Елагин отдал предпочтение небольшой укромной бухте на восточной стороне губы. Выбор был не случаен. Бухта, которую по имени жившего на ее берегу ительменского тойона называли Ниакиной, была прекрасной природной гаванью, надежно укрытой от волнения и обеспеченной пресной водой многочисленных ручьев. Рельеф окружающих берегов, превращающий гавань в естественную крепость, близость устья реки Авачи, где проходил уже знакомый русским путь к Большерецку, административному центру Камчатки,—все эти обстоятельства сыграли решающую роль в определении места для строительства порта.

Бот «Св. Гавриил» под командованием Елагина прибыл в Авачинскую губу 10 июня 1740 года, и посланец Беринга, приступив к работам по возведению необходимых построек на берегу Ниакиной гавани, уже 20 сентября написал рапорт руководителю экспедиции, где сообщил о завершении строительства жилого дома для офицеров, трех казарм и трех амбаров. К рапорту Елагин приложил карту Авачинской губы и план гавани Ниакиной. Этот план с указанием всех возведенных к тому времени построек хранится ныне в Архиве древних карт Гидрографического управления Военно-Морского Флота и является первым графическим изображением Петропавловской гавани и порта.

На плане видно, что И. Ф. Елагин заложил портовые строения на северном берегу гавани, против находившегося на песчаной косе небольшого

ительменского селения Анкомп (Аушин). Вероятнее всего, строительство велось из местного березового и тополевого леса, покрывавшего склоны окрестных сопков. Строителями порта были члены экипажа бота «Св. Гавриил» и умельцы из Верхне- и Нижнекамчатского острогов.

6 (17) октября 1740 года в Авачинскую губу прибыли пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» под командованием В. И. Беринга и А. И. Чирикова. Эта дата считается днем основания порта Святых апостолов Петра и Павла (Санкт-Петропавловского, Петропавловского) и города Петропавловска — Камчатского. Во время зимовки экспедиционных кораблей в Петропавловской гавани экипажи занимались подготовкой к предстоящему плаванию к берегам Северной Америки. В этот период порт продолжал строиться, в частности, было возведено здание церкви. Первое описание Петропавловска той поры принадлежит исследователю Камчатки, участнику экспедиции С. П. Крашенинникову:

«Там построены преизрядные дома, особливо же великолепно по тамошнему состоянию строение камчатской экспедиции, которое стоит около Петропавловской гавани. Вящее еще украшение ему придает церковь с пристойным зданием, что на изрядном месте воздвигнута».

Во время зимовки, готовясь к предстоящему плаванию, участники экспедиции профессор астрономии Петербургской академии Л. Делиль де ла Кройер и геодезист А. Д. Красильников с помощью астрономических наблюдений спутников Юпитера впервые определили географические координаты Петропавловской гавани. Они соответствовали 53° 00' с. ш. и 127° 31' в. д. от Петербургского меридиана.

4 июня 1741 года из Авачинской губы в историческое плавание к берегам Северной Америки отправились, пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел». 10 октября того же года немногочисленная команда Петропавловского порта во главе с прапорщиком П. Левашовым встретила вернувшийся из плавания пакетбот «Св. Павел» под командованием А. И. Чирикова. А летом следующего года на гукоре «Св. Петр», построенном из обломков одноименного пакетбота, до Петропавловска добрались члены экипажа В. И. Беринга, выжившие после зимовки на острове Св. Иулиана (Беринга). Команды Чирикова к тому времени в порту уже не было. Предприняв весной 1742 года второе плавание к Северной Америке, кончившееся на этот раз неудачей, А. И. Чириков увел свое судно в Охотск. Зимой 1742/43 года экипаж «Св. Петра» провел на Камчатке. Лейтенант С. Л. Ваксель, заменивший на острове умершего капитан-командора В. Й. Беринга, отдал должное достоинствам Петропавловской гавани:

«В Петропавловской гавани с удобством могут разместиться на зимовку до двадцати кораблей. В случае необходимости вполне возможен проход туда без якорей и снастей, так как грунт там совершенно мягкий, а гавань настолько защищена, что никаких аварий опасаться не приходится... Короче говоря, это наилучшая гавань, которую мне приходилось когда-либо видеть в своей жизни».

В 1743 году указом Сената деятельность Второй Камчатской экспедиции была прекращена. В течение тридцати пяти последующих лет правительство не проявляло интереса к Петропавловскому порту, и он пришел в совершенное запустение. Внимание русского правительства к Петропавловску пробудилось после появления в Авачинской губе кораблей английской (1779 г.) и французской (1787 г.) кругосветных экспедиций. В 1801 году в России была переведена книга участника экспедиции Лаперуза Ж. Б. Лессеппа. Тщательность описания Петропавловского порта свидетельствовала об отнюдь не праздном интересе автора:

«Петропавловская гавань лежит к северу от входа в Авачинскую губу, которую составляет с южной стороны очень узкий мыс, или коса земляная, на которой построен острог или камчадалский городок. На возвышении к востоку внутри самой гавани стоит дом коменданта... За сим домом почти на одной линии дом гарнизонного капрала, а подальше к северу сержанта. Против самого входа, на возвышении, вдавшемся в море, на котором открылось озеро довольно великое, видны развалины гошпиталя. ...Пониже сих развалин поближе к речке поставлено строение, служащее магазином, или рода арсенала, у которого всегда стоит караул. Сия гавань, по-видимому, сделается важным местом. Вход в сию гавань защищается укреплениями; они служат сверх того прикрытием сей части города, должной строиться по плану на месте бывшего гошпиталя, то есть между губою и озером на возвышении. Равным образом поставлена батарея на косе, отделяющей озеро от Авачинской губы, дабы она защищала сию часть города, по тому же плану вход в сию бухту защищался довольно крепкою батареею на левом, не столь возвышенном берегу поставленною, а корабли, входящие в губу, не могут миновать и избавиться от пушечного выстрела, по причине ветров, бывающих на правом берегу. На самой вершине каменной горы сделана батарея о шести или осьми пушках, из которой стреляли, поздравляя наши фрегаты... Во всем местечке, полагая в том числе и гарнизон, считается жителей не более ста человек, как мужчин, так женщин и детей».

Обостренное внимание Европы к северо-восточным районам Тихого океана, развитие иностранного китобойного промысла в Охотском и Беринговом морях заставляют русское правительство принять некоторые меры к укреплению Петропавловского порта, но они незначительны. По свидетельству известного русского мореплавателя Г. А. Сарычева население порта в 1790 году состояло из 11 камчадалов и 23 казаков во главе с армейским прапорщиком.

Существенные изменения в жизни порта происходят в начале XIX века в связи с интенсивным развитием деятельности Российско-Американской компании и организацией русских кругосветных и полукругосветных плаваний с Балтики на Тихий океан. Порт Петропавловский, единственный в то время на Дальнем Востоке, если не считать крайне неудобного в навигационном отношении Охотска, становится важнейшим пунктом на пути следования кораблей в Русскую Америку. Плаванья И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головнина, О. Е. Коцебу, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангеля и других создали

Авачинской губе славу одной из лучших гаваней мира. Пристальный интерес к Камчатке и главному порту русских на Тихом океане продолжают проявлять иностранцы. В 1926—1927 годах в Петропавловский порт дважды заходит английский военный шлюп «Блоссом» под командованием капитана Ф. В. Бичи. Англичане осуществили съемку Авачинской губы. В 1837 году порт посещает французский фрегат «Венус» капитана Дюптитуара. Не обходят вниманием Петропавловск и заморские купцы. Первое иностранное торговое судно появилось в порту в 1786 году. Это был английский транспорт, пришедший с товарами из Калькутты. За ним последовали другие. В 1812 году в Петропавловск прибывает американский коммерсант П. Добелл, обратившийся затем к русскому правительству с проектом о развитии торговых связей с Камчаткой. Рассуждения предприимчивого американца о выгодах Петропавловского порта свидетельствуют о глубоком понимании значения Петропавловского порта как друзьями, так и недругами России:

«При первом взгляде на положение и выгоды Петропавловского порта увидим, что он получил от природы то, что в Кронштадте надлежало производить искусством, трудами и издержками и сверх того имеет преимущества, коих никакое искусство в другом месте даровать не может. Описанная нами Авачинская губа соединяется с Великим Северным Тихим океаном и бывает свободна от льда с апреля до декабря месяца, иногда и долее. Внутри ее находится гавань, которая, при употреблении на нее тысячной доли денег, издержанных на построение Кронштадтской, сделалась бы превосходнейшим в свете портом. В расстоянии полуверсты от сей гавани находится озеро такой же величины, сообщающееся посредством узкого пролива с Авачинскою губою; с небольшою издержкою можно сделать из него прекрасный док для кораблей. При берегах можно скоро и легко построить пристани. Входы в Авачинскую губу и в гавань, находящуюся внутри ее, узки и укреплены самою природою. Если поставить на возвышенных местах пушки, то можно воспрепятствовать входу всякого корабля и в случае нужды защищать гавань от сильного неприятеля. Рыбная ловля на полуострове Камчатке при надлежащем распоряжении одна в состоянии основать выгодную торговлю. Оттуда можно прибыть в 10 или 12 дней на один из островов Японских, в 40 — на берега Северной Америки, в Калифорнию и на острова Филиппинские, Марианские, в 40 или 50—на самые южные острова Южного Тихого моря, на берег Малайский, в Китай, Кохинхину и Сиам. Словом, нет в свете гавани или места, которое имело бы столь выгодное для торговли положение и было бы окружено в столь близком расстоянии плодоносными и многочисленными странами, изобилующими самыми роскошными произведениями искусства и природы. Посредством северных мехов и произведений рек и океана, орошающих ее берега, Камчатка может приобретать драгоценнейшие плоды Калифорнии, Филиппинских островов, редкие изделия Азии и Америки. При мерах, принимаемых Правительством в нынешнее время, должно надеяться, что сия

важная часть России будет приведена в цветущее положение и что торговля ее вскоре затмит коммерцию западных стран».

Стремясь ограничить проникновение иностранного торгового капитала на Камчатку, царское правительство в 1828 году утверждает положение о предоставлении камчатским купцам права заграничной торговли сроком на 10 лет. Это право впоследствии неоднократно продлевалось.

В 40-е годы XIX века международная обстановка на Тихом океане обострилась. Экспансия англичан в Китае, массовое вторжение американских китобоев в русские территориальные воды, самовольный заход иностранных кораблей в Авачинскую губу, наконец, американская военно-дипломатическая миссия commodora М. К. Перри в Японию, затрагивающая интересы России,— все это вызывало серьезное беспокойство в русских правительственных кругах. Побывавший в 1849 году в Петропавловске генерал-губернатор Восточной России Н. Н. Муравьев с тревогой писал в Петербург:

«Я много видел портов в России и в Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал; Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россией, чтоб завладеть ею, и потом заключить мир, но уже Авачинской губы она нам не отдаст».

2 декабря 1849 года правительственным указом Охотский порт с морским управлением был упразднен и перенесен в Петропавловск. Одновременно была образована особая Камчатская область на правах губернии во главе с губернатором из чинов Морского ведомства. Первым губернатором области и одновременно командиром Петропавловского порта стал бывший командир Аянского порта капитан 1-го ранга Василий Степанович Завойко, получивший вскоре звание генерал-майора. В. С. Завойко энергично приступил к строительству оборонительных сооружений Петропавловского порта. Работы по его защите были еще далеки от завершения, когда Петропавловск осадил неприятельский флот. Вошедшая в Авачинскую губу соединенная англо-французская эскадра под командованием контр-адмиралов Д. Прайса и Ф. де Пуанта, блокировала Петропавловскую гавань. Противник, имевший троекратное преимущество в артиллерии и живой силе, намеревался с ходу захватить главный тихоокеанский порт России. Решающие сражения развернулись 20 и 24 августа 1854 года. Подготовив десант, неприятель попытался огнем корабельных орудий подавить мощь береговых батарей и стоявших в гавани фрегата «Аврора» и транспорта «Двина». Защитники города яростно сопротивлялись. Силы были неравны. Один за другим замолкали береговые редуты. Чудеса героизма показали комендоры Смертельной батареи на Сигнальном перешейке, занимавшей ключевые позиции на подступах к гавани и порту. Лишь уничтожив последнее орудие батареи, противник решился на высадку десанта из 800 человек. Начался последний штурм. Руководившие обороной генерал-майор В. С. Завойко и командир «Авроры» капитан-лейтенант И. Н. Изыльметьев двинули навстречу англо-французским стрелкам все оставшиеся силы. Несмотря на подавляющее превосходство в

людях, противник не смог устоять против сокрушительного удара русских штыков. Десант был сброшен с отвесных утесов Никольской сопки в воды Авачинской губы. 26 августа, похоронив убитых на берегу Тарьинской бухты, англо-французская эскадра с позором покинула Авачинскую губу. Иностранные газеты писали по этому поводу: «Русскими создана твердыня в столь ничтожном месте, как Петропавловск, где англичане проглотили такую пилюлю, которая останется позорным пятном в истории просвещенного мореплавания...» На фоне общих неудач России в Крымской войне победа защитников Петропавловска явилась, по выражению академика Е. В. Тарле, «лучом солнца, вдруг прорвавшимся сквозь мрачные тучи».

В 1855 году Петропавловский порт был эвакуирован на устье Амура. С открытием Татарского пролива и амурского устья, возникновением Владивостока (1860 г.) и продажей Аляски в 1867 году Петропавловск утратил значение главного русского порта Тихого океана. Население Петропавловска, достигшее к 1854 году 1500 человек, сократилось до 400. Порт вплоть до начала русско-японской войны использовался лишь в качестве базы русских охранных крейсеров.

В 1875 году известный дальневосточный предприниматель А. Ф. Филиппеус, заключив с правительством контракт, начал грузопассажирское обслуживание побережий Дальнего Востока на собственном пароходе «Камчатка». Это судно, отправлявшееся из Владивостока, в течение десяти лет сравнительно регулярно заходило в Петропавловск. В 1886 году управление Добровольного флота организовало морскую грузопассажирскую линию Владивосток — Петропавловск с заходом на побережья полуострова. Первым судном, обслуживавшим эту линию, был пароход «Владивосток».

В 1894 году у подножья сопки Сигнальной была построена первая метеостанция, перенесенная четыре года спустя к Петропавловскому маяку. В 1910 году в Петропавловске начал работать телеграф. В 1914 году население города достигло уровня 50-х годов XIX века — 1500 человек.

Несмотря на то, что в 1909 году Петропавловск вновь получил статус областного центра, он продолжал оставаться провинциальным заштатным поселением, влачившим жалкое существование. Он сохранялся таким вплоть до конца 20-х годов, перенеся гражданскую войну и разруху, все тяготы становления советской власти, характерные для дальневосточных окраин.

В 30-е годы в Петропавловске строится ряд крупных промышленных объектов: судоремонтная верфь, жестянобаночная фабрика, механический завод. Город выходит за свои традиционные границы: на южном склоне сопки Мишенной появляются улицы так называемого Акограда, в районе верфи растет поселок Индустриальный.

В 1943 году начинает функционировать морской торговый порт, сыгравший в военную пору немаловажную роль в обслуживании морских конвоев, шедших на Владивосток из портов США и Канады.

В 50-е годы в Петропавловске сосредоточивается крупнейший на Дальнем Востоке рыболовецкий, а также транспортный флот, развивается авиационное сообщение с материком и побережьями полуострова.

Административный центр Камчатки становится городом трех портов: морского грузопассажирского, рыбного и воздушного. Он утверждается в этом звании в 60-е годы; на которые приходится период кардинальных преобразований в социально-экономической, научной, культурной жизни.

Ныне Петропавловск, перешагнувший по числу жителей за 250-тысячную отметку, стал крупным индустриальным, научным, культурным центром Дальнего Востока.

Маяк Петропавловский

Петропавловский маяк установлен на северо-восточной стороне устья Авачинской губы, на мысе Маячном. Чугунная, конической формы световая башня маяка предназначена для визуального определения входа судов в Авачинскую губу. Безопасность мореплавания в этом районе обеспечивают также звуковая и радиотехническая установки маячного комплекса.

Петропавловский (Дальний) маяк в известном смысле слова можно считать ровесником города Петропавловска-Камчатского. Действительно, участник Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга — А. И. Чирикова, первостроитель города штурман И. Ф. Елагин, составивший в 1740 году первую обстоятельную карту Авачинской губы, поместил на ней надпись, свидетельствовавшую о возведении к тому времени маяка: «Маяк, на котором жгут огонь в ночное время». На плане Авачинской губы, датированном 1741 годом, появился уже рисунок маяка в виде башни. Местонахождение его уточнил в том же году А. И. Чириков: «...учреждено от нас быть маяку на месте, называемом Вауа». Вауа — это урочище у входа в губу, от которого, начиная с 1740 года, велись счисления координат плавания и штурманская прокладка на картах. Существует мнение, что урочище Вауа — это нынешний мыс Вертикальный, находящийся в 1,2 мили к северо-востоку от входа в Авачинскую губу. Однако это не согласуется с данными участников Второй Камчатской экспедиции, располагавшими Вауа «при устье» губы на северной его стороне. Вероятнее всего, это правый входной мыс, который по расположенному там маяку стал именоваться сначала Дальним, затем Маячным.

Построенный для обеспечения плавания судов Второй Камчатской экспедиции, Петропавловский маяк продолжал действовать и в последующие годы. Дневным его ориентиром, служил деревянный сруб, ночным — разводимый неподалеку костер. По этому маяку в Авачинскую губу входили фрегаты крупнейших морских экспедиций XVIII века Д. Кука и Ф. Лаперуза, корабли И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева.

В конце XVIII столетия на месте обветшалого маячного строения был сооружен небольшой деревянный дом с флагштоком, служивший одновременно жильем для маячной команды. Ночным сигналом по-прежнему служил костер, разводившийся при необходимости. Впрочем, такая необходимость возникала в исключительных случаях, поскольку суда не рисковали заходить в Авачинскую губу ночью, предпочитая дожидаться

рассвета в заливе. Маяк действовал лишь в летнее время и то нерегулярно, так как суда приходили в Петропавловский порт редко.

Поскольку особой нужды в маяке не было, он даже не числился по Гидрографическому департаменту. Вспомнить о маяке пришлось в начале XIX века, когда через Петропавловский порт пролегали пути первых русских кругосветных и полукругосветных экспедиций, кораблей Российско-Американской компании. Однако прошло еще немало времени, прежде чем 13 июля 1833 года появилось «Извещение мореплавателям», обозначающее местонахождения и характер действий камчатских маяков, в их числе и Дальнего. В 1846 году начальник Камчатки капитан 1-го ранга Р. Г. Машин рапортовал генерал-губернатору Восточной Сибири о необходимости «Дальний маяк освещать лампами вместо дров, для чего выслать из С.-Петербурга маячные рефракторы со всеми принадлежностями». Переписка длилась более двух лет, пока в 1848 году не было принято окончательное решение о строительстве нового Петропавловского маяка.

21 августа 1848 года из Кронштадта на Дальний Восток отправился транспорт «Байкал» под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Невельского. В мае следующего года транспорт прибыл в Петропавловский порт, доставив среди прочих грузов маячное оборудование. Строительство маяка продолжалось около года. Судя по рапорту начальника Камчатки, маяк начал действовать с 1 июля 1850 года. Сооруженное из лиственничного леса здание маяка располагалось на высоте 137 метров над уровнем океана и было видно с расстояния более 20 миль. Примерно такую же дальность видимости в ночное время обеспечивал огонь осветительного аппарата маяка. Первым его смотрителем был прапорщик Губарев, отличившийся через несколько лет при обороне Петропавловска. Следует отметить, что построенный по специальному инженерному проекту Дальний (Петропавловский) маяк был первым на русских побережьях Тихого океана.

В августе 1854 года команде Петропавловского маяка под началом унтер-офицера Яблокова выпала честь первой открыть боевые действия против неприятельской англо-французской эскадры, направлявшейся на штурм Петропавловска. Передав 17 августа сигнал «Вижу военную эскадру из 6 судов», команда маяка, спустя некоторое время, вступила в бой с пароходом «Вилаго», обстреляв его из единственного имевшегося здесь орудия.

Спустя несколько месяцев после героической обороны Петропавловска было принято решение о переводе главного тихоокеанского порта на устье Амура. С 1855 года, в связи с эвакуацией Петропавловского порта утрачивает свое значение и Петропавловский маяк. Снова вспомнить о нем пришлось в начале 80-х годов XIX века в связи с расширением крейсерских операций по охране русских побережий Тихого океана и развитием судоходства между Петропавловским портом и Владивостоком.

В 1885 году, согласно решению Гидрографического департамента, на мысе Дальнем (Маячном) было выбрано место для строительства нового маяка. Летом 1886 года в Петропавловск прибыл пароход «Кострома»,

доставивший из Владивостока конструкции деревянной маячной башни. Она была смонтирована под руководством мастера Плюхарского, и маяк вступил в строй 6 сентября 1886 года. Одновременно при маяке был поставлен и дом для смотрителей. Спустя десять лет вместо деревянной башни была смонтирована из чугунных секций новая. У маяка была также возведена жилая казарма, другие постройки. От маячного городка вниз, к бухте Шлюпочной, протянули узкоколейную дорогу с канатным приводом, обеспечивавшую доставку необходимых грузов от пирса. Маяк начал действовать 1 июня 1897 года. Световой механизм и чугунная башня маяка сохранились по настоящее время. В современный маячный комплекс входят также радиомаяк и наутофонная (звукосигнальная) установка.

Река Халактырка

Река Халактырка впадает в Авачинский залив в 6,3 мили к северо-востоку от мыса Маячного. С морской стороны устье определяется по расположенным против него двум кекурам. Ительмены, встреченные русскими первопроходцами в этом районе, называли реку Кылыты. Название было трансформировано казаками и звучало первоначально как Калахтырь, Калахтырка, заменившись впоследствии более удобной для русского произношения формой Халактырка. С. П. Крашенинников, побывавший здесь в 1741 году, упоминает о существовании близ устья реки небольшого ительменского селения Макошху, где тойоном был Апауль. Многочисленные археологические находки на отдельном скалистом останце около устья реки Халактырки, свидетельствуют, что ительмены жили в этом месте издавна.

В конце XIX – начале XX века в селе Халактырка начали селиться русские, занимавшиеся, как и местные жители, рыболовством, охотой, земледелием. Небольшое село Халактырка в годы гражданской войны на Камчатке стало одним из опорных пунктов партизанских отрядов и групп, блокировавших выход белогвардейцев из Петропавловска к населенным пунктам восточного побережья. Партизанским отрядом, базировавшимся в Халактырке, командовал В. М. Чекмарев, один из организаторов Чукотского ревкома. В декабре 1921 года в селе Халактырка действовал штаб партизанских отрядов во главе с камчатскими большевиками И.Е.Лариным, М. И. Савченко-Славским, Н. П. Фроловым. В 1958 году село Халактырка в связи с расположением его в цунамиопасной зоне было упразднено. В 1986 году неподалеку от озера Халактырка, дающего начало одноименной реке, возведен комплекс Петропавловской ТЭЦ-2.

Река Налачева

Налачева (Налычева) — одна из крупнейших рек, впадающих в Авачинский залив.

Впервые под названием Налочева река нанесена на «Чертеже похода Козыревского» (1713 г.). Однако река была известна русским еще до похода

первооткрывателя Курильских островов И. П. Козыревского. Сохранились сведения о походе, совершенном в 1703 году отрядом сына боярского Т. Р. Кобелева, побывавшего на побережьях Авачинского и Кроноцкого заливов. В отчете Кобелева значится помещенная севернее реки Калахтырь река Кошенич с располагавшимся там селением тойона Налача. Река Кошенич согласно существовавшей традиции была названа Налачевой.

Побережье Авачинского залива впервые подробно описал исследователь Камчатки С. П. Крашенинников (1741 г.). Он упомянул о стоявшем близ устья Налачевой ительменском селении Шотохчу. Этим селением (острогом) в середине XVIII века заканчивалась территория, находившаяся в ведении большеерецких приказчиков. Далее, вплоть до реки Чажмы, побережье находилось «под присудом» Верхнекамчатского острога.

В годы гражданской войны на Камчатке небольшое село Налачево было зоной действий партизанских отрядов, блокировавших захваченный белогвардейцами Петропавловск. Налачевские добровольцы принимали участие в разгроме белогвардейцев и восстановлении советской власти на полуострове.

В 10,3 мили от мыса Налачева в лоции указано затонувшее судно. Это минный тральщик ТЩ-610. 15 октября 1945 года два корабля Петропавловской военно-морской базы ТЩ-523 и ТЩ-610, проводившие операции по обезвреживанию Авачинского залива от мин, действовали в квадрате южнее мыса Налачева. Разыгравшееся волнение послужило причиной гибели ТЩ-610, просевшего корпусом ниже расчетной глубины и подорвавшегося на mine. Подошедший на выручку ТЩ-523 также подорвался, но остался на плаву и был доставлен в Петропавловск. Шестеро краснофлотцев из экипажа ТЩ-610 похоронены на старом кладбище Петропавловска в районе сопки Мишенной.

Река Островная

Река Островная впадает в Авачинский залив к северо-востоку от устья Налачевой. Река известна русским с начала XVIII века. Ительменское название реки и сведения о ней впервые дал С. П. Крашенинников (1741 г.): «Коакачь река от Налачевой верстах в 26, казаки называют оную Островной, для того, что против устья ее на море близ берега есть небольшой каменный островок, где летом живут камчадалы для промыслу рыбы и морских зверей». Остров, о котором упоминает Крашенинников, назван впоследствии его именем. Крашенинников приводит сведения о стоявшем у реки небольшом ительменском остроге, тойоном которого был Вахиль, уточняет, что у Островной есть «знатный промысел» сивучей, а также приводит случай появления в этом районе морских бобров (каланов).

Остров Крашенинникова

Остров Крашенинникова расположен в 6,6 мили к северо-востоку от мыса Налачева. Заполняющие остров возвышенности достигают 212 метров.

При длине около одной мили он имеет вдвое меньшую ширину и со всех сторон круто обрывается к океану. Остров отделен от коренного берега проливом шириной до 0,8 мили. Остров назван в честь С. П. Крашенинникова, выдающегося исследователя Камчатки. Название дано в 1831 году капитаном корпуса флотских штурманов П. И. Ильиным, проводившим морскую съемку этого района.

Степан Петрович КРАШЕНИННИКОВ родился в октябре 1711 года в Москве, в семье солдата Преображенского полка. С 1724 по 1732 годы обучался в Славяно-греко-латинской академии. В 1732 году в числе лучших учеников был отправлен в Петербург для участия во Второй Камчатской экспедиции, которая длилась с 1733 по 1743 годы и составила целую эпоху в истории географических открытий и исследований. Одной из задач экспедиции было описание малоизученных территорий Сибири. Большое значение при этом придавалось научным исследованиям на Камчатском полуострове. Эта сложнейшая работа выпала в основном на долю молодого студента С. П. Крашенинникова, включенного в академический отряд экспедиции в качестве помощника профессоров Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина.

Путь Крашенинникова по сибирским землям длился более трех с половиной лет. За это время он проявил себя пытливым, способным исследователем, имевшим все данные для самостоятельной работы. Эти качества сыграли решающую роль при назначении его в командировку на Камчатку, где Крашенинникову предстояло одному выполнить обширную программу исследований. Необходимо отметить, что до него на Камчатке не был еще ни один ученый.

В начале октября 1737 года Крашенинников на боте «Фортуна» прибыл из Охотска в Большерецк. В устье реки Большой судно потерпело крушение. Оставшись практически без научного снаряжения, молодой ученый приступил к работе, продолжавшейся четыре года. В январе 1737 года Крашенинников совершил первую поездку из Большерецка в глубь полуострова. Весной 1738 года он направился на юг Камчатки, где описал горячие источники в долине реки Озерной. В начале зимы исследователь выехал в один из самых длительных маршрутов, осмотрев глубинные районы полуострова, в особенности долину реки Камчатки. Крашенинников вернулся в Большерецк по западному берегу Камчатки в апреле 1739 года. Следующее путешествие он совершил зимой 1740 года, отправившись из Нижнекамчатского острога вдоль тихоокеанского побережья к северу. Ученый пересек самую узкую часть полуострова по долинам рек Караги и Лесной, по охотскому берегу, добрался до реки Тигиль. Поднявшись к ее истокам, он вышел к верховьям реки Еловки и спустился по ней к Нижнекамчатску. Весной 1741 года Крашенинников предпринял свое последнее путешествие на север Камчатки.

Все маршруты были совершены на собачьих упряжках, лодках-батах, пешком. Общая протяженность их составила около шести тысяч километров. За время путешествий исследователь пересек полуостров десять раз, что

позволило точно определить характер его рельефа. Крашенинников описал четыре камчатских «носа» (полуострова) — Шипунский, Кроноцкий, Камчатский, Озерной, образуемые ими заливы, несколько бухт, в их числе Авачинскую. Он проследил течение крупных рек полуострова, среди них и Камчатки от ее верховий до устья. Ученый исследовал и все высочайшие «горелые сопки» — Авачинскую, Корякскую, Кроноцкую, Ключевскую, Толбачик. При этом он выступал как геолог и географ, ботаник и зоолог, историк, этнограф, лингвист.

Покинув Камчатку 12 июня 1741 года, Крашенинников вернулся в Петербург в феврале 1743 года. В 1745 году, на заседании Академии наук, где М. В. Ломоносову было присвоено звание профессора, Крашенинников был утвержден адъюнктом. В апреле 1750 года ему было присвоено звание «профессора натуральной истории и ботаники». Все это время ученый неустанно работал над рукописью своей книги о Камчатке. Она увидела свет в 1756 году под названием «Описание земли Камчатки». Автора уже не было в живых. Степан Петрович Крашенинников умер 25 февраля 1755 года, обремененный тяжелой болезнью и крайней нуждой. Его книга — монументальный труд, лучшее в мировой литературе XVIII века страноведческое описание малоизвестной земли, не потерявшее огромного значения и сегодня. Книга С. П. Крашенинникова была вскоре, переведена на немецкий, английский и голландский языки и стала образцом для многих поколений русских и иностранных исследователей. Жизнь и научный подвиг великого сына русского народа и по сей день привлекает внимание ученых, писателей, художников. Именем С. П. Крашенинникова назван еще ряд географических объектов

Река Вахиль

Река Вахиль впадает в Авачинский залив к северо-востоку от мыса Налачева. Известна русским с начала XVIII века. Название реки восходит к ительменскому имени Вахиль. Так звали тойона небольшого острожка, расположенного в этом районе во время Второй Камчатской экспедиции.

Бухта Бечевинская

В 3,5 мили к юго-востоку от устья реки Вахиль в основание полуострова Шипунского вдается бухта Бечевинская. Вход в нее расположен между окруженным рифами мысом Ловушек и противоположным береговым уступом, изобилующим подводными скалами. Входные мысы бухты Бечевинской представляли в прошлом серьезную опасность для попадавших в этот район парусных судов. 25 сентября 1762 года здесь потерпел крушение корабль «Святой архистратиг Гавриил» с командой промышленников, возвращавшихся на Камчатку с Аляски и Алеутских островов, который принадлежал иркутскому купцу Ивану Бечевину, широко известному в свое время в Сибири. Обладая огромными богатствами и незаурядной

предприимчивостью, Бечевин обратился к правительству с просьбой построить и снарядить на собственные средства судно в Охотске. Он намеревался отправиться «мимо Курильских островов круг Камчатского носу... к полуденным и северным странам на прежде обретенные... и на неизвестные земли и острова даже до Анадырского устья». Предприятие, затеянное иркутским купцом, было в достаточной степени рискованным: эпоха открытия и исследования великой Алеутской гряды только вступала в пору своей молодости. Просьба Бечевина была удовлетворена Сенатом, и люди его построили под Охотском судно, с помощью которого предполагалось развернуть обширные промыслы и торговлю на островах и землях Тихого океана. По своей величине и мореходным качествам «Гавриил» заметно превосходил собратьев, ходивших в то время по тихоокеанским морям. Мореходом на судно был назначен знаменитый Гаврила Пушкарев, ходивший еще с Берингом на «Св. Петре» и переживший трагическую зимовку на острове Беринга.

Ивану Бечевину не было суждено дожидаться осуществления своего замысла. В 1758 году он был схвачен со многими иркутскими купцами по обвинению в незаконном производстве вина и утайке кабацких сборов от казны. Следствие вел известный своей жестокостью на всю Сибирь ревизор Крылов. В декабре 1759 года Иван Бечевин закончил жизнь на дыбе в пыточной канцелярии Иркутска и был похоронен в построенной им незадолго до смерти Тихвинской церкви. Между тем, затеянная Бечевиним экспедиция продолжалась, хотя «Гавриил» и был отобран в казну. 16 сентября 1759 года Г. Пушкарев вывел судно из охотского устья и, добравшись до камчатского берега, зазимовал у реки Белоголовой. Затем он перебрался на реку Большую и двинулся оттуда к югу. В июне 1760 года, пройдя Второй Курильский пролив, направился на северо-восток и осенью достиг островов Атту и Атха Алеутской гряды. Там он зазимовал. Летом 1761 года Пушкарев продолжил плавание и, миновав Исанотский залив, высадился на коренном берегу Аляски. После экспедиции Беринга - Чирикова это было второе посещение русскими Аляски. Перезимовав на острове Умнак, промышленники пустились в обратный путь, к Камчатке. В трюме «Св. Гавриила» лежала богатая добыча: шкуры каланов, лисиц, выдр. В Авачинском заливе судно попало в сильный шторм и оказалось в бедственном положении. Пушкарев с трудом нашел прибежище в одной из бухт Шипунского полуострова.

Через несколько лет Т. И. Шмалев, видный администратор и исследователь края, дал бухте название Гавриил. В экспликации к карте Камчатки, составленной в 1764-1765 годах, Шмалев упомянул о «неизвестной в главных командах на Камчатском берегу гавани Св. архистратига Гавриила». Отдавая таким образом приоритет открытия бухты Г. Пушкареву, Шмалев подчеркнул, что название дано в честь зимовки в бухте «судна «Св. Гавриил», бывшего компании иркутского купца Ивана Бечевина». В пояснении к карте есть сведения, что чертеж бухты Пушкарев доставил Шмелеву по прибытии в Охотск. Сообщил он и первые

гидрографические сведения об открытой бухте: «ко входу и отстою малых транспортных судов немного уступает Петропавловской гавани. Грунт во оной мелкая дресва и песок».

Название, данное бухте Т. И. Шмалевым, не прижилось среди камчатских мореходов. Вскоре они стали именовать ее по фамилии владельца «Св. Гавриила». В 1791 году морскую съемку бухты Бечевинской осуществил известный русский мореплаватель и гидрограф Г. А. Сарычев. В 1830 году этот район был описан с байдары капитаном корпуса флотских штурманов П. И. Ильиным. В 1900 году бухту обследовал владивостокский шкипер Ф. К. Гек, командовавший в то время шхуной «Сторож». Он составил план южной части бухты, который был в следующем году уточнен и дополнен мичманом В. В. Драхенфельсом, офицером военного транспорта «Якут», проводившего гидрографические работы у восточного побережья Камчатки.

Полуостров Шипунский

Изображение Шипунского полуострова впервые появилось в 1726 году на «Чертеже Камчадальского Носу и морским островам», сделанном известным камчатским землепроходцем И. П. Козыревским, под названием Шипун. Название ведет происхождение от имени тойона Шипы, главы ительменского острожка, о котором упоминается в камчатских документах второго десятилетия XVIII века,— так называемых «ясачных книгах». Среди надписей на «Чертеже» есть замечание Козыревского, что он бывал в этом месте «морем». Это могло случиться в 1711—1713 годах, во время его походов на юг Камчатки, итогом которых явилось открытие Курильских островов. О существовании Шипунского острожка в районе «Шипунского Носа» говорит также С. П. Крашенинников, побывавший там в 1739 году. Первые описи этих берегов сделали: в 1742 году — участник Второй Камчатской экспедиции гардемарин А. Юрлов и в 1790 году — унтер-офицер геодезии Худяков из экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева. Эти сведения на более совершенной научной основе дополнил в 1831 году капитан корпуса флотских штурманов П. И. Ильин, осуществивший геодезическую съемку от Авачинской губы до Шипунского полуострова, и морскую съемку его южной стороны. В 1835 году северную часть Шипунского полуострова связал воедино со съемкой П. И. Ильина штабс-капитан корпуса флотских штурманов П. Скрыпов.

Шипунский полуостров и особенно его оконечность с выдавшимися далеко в море каменистыми банками и рифами представлял серьезную опасность для парусных судов. Поэтому вплоть до конца XIX века этот район был изучен довольно слабо. В 1900 году его обследовал на шхуне «Сторож» известный владивостокский шкипер и гидрограф Ф. К. Гек, составивший несколько частных карт. В 1901 году гидрографическими работами у берегов Шипунского полуострова занимались офицеры военного транспорта «Якут» под командой капитана 2-го ранга С. И. Новаковского. Мичман корабля В. В.

Драхенфельс осуществил съемку побережий Шипунского полуострова со шлюпки, существенно уточнив данные Ф. К. Гека.

В 1937 году на оконечности мыса Шипунского была построена деревянная 12-метровая башня светового маяка, дополненного в 1944 году радиоустановкой. В 1964 году была установлена новая башня светового маяка с радиусом видимости 25 миль, более современное оборудование радиомаяка, построены жилое и технические здания. Спустя десять лет на мысе Шипунском появилась вторая башня светомаяка для обеспечения большей безопасности мореплавания.

Залив Кроноцкий

Залив Кроноцкий расположен между полуостровами Шипунским и Кроноцким. Длина Кроноцкого залива от мыса Шипунского на юге до мыса Козлова на севере немногим более ста миль, наибольшее углубление берега залива к северо-западу доходит до 37 миль. Кроноцкий залив известен русским с начала XVIII века под названием Бобровое море. Происхождение названия связано с наличием у берегов морского бобра (калана), к концу XVIII столетия уничтоженного промышленниками. Позднее залив стал именоваться Кроноцким — по названию крупнейшей реки этого района.

Мыс Наквасина

В 1954 году расположенный на северо-восточном берегу полуострова Шипунского мыс Штейна, названный в 1900 году Ф. К. Геком в честь президента Оранжевой республики, был переименован в мыс Наквасина. Так на карте Камчатки появилось новое название связанное с одним из эпизодов открытия и освоения Командорских островов.

В августе 1747 года из устья реки Камчатки к Командорским островам отправился на шитике «Св. Петр» сержант Нижнекамчатской команды Е. С. Басов. Двумя годами раньше он с товарищами впервые высадился на открытый им остров, получивший потом название Медный. Во второе плавание судно с партией промышленников повел якутский служилый человек Дмитрий Наквасин, считавшийся опытным мореходом. Шитик Басова попал в шторм и был выброшен на берег второго командорского острова, тогда еще безымянного. Здесь басовцам пришлось испытать все муки северной робинзонады.

Во время зимовки промышленники тщательно обследовали остров. Отправившись на северную оконечность его, кормщик Наквасин обнаружил на берегу выходы самородной меди. Басов придал открытию должное значение. Вернувшись в Нижнекамчатск, он доставил помимо добытой пушнины запас наломанной в утесах острова медной руды. Часть ее была отправлена в Охотск, затем в Иркутск. В сибирской столице, ознакомившись с камчатской посылкой, немедленно переправили ее в Петербург. Там находка Наквасина попала в руки М. В. Ломоносова. Исследовав образцы со

всей тщательностью, ученый с удовлетворением сообщил в императорский Кабинет, что камчатская чистая самородная медь, как и выделенная из руды, «швецкую медь добротой превосходит и от японской добротой не разнится чувствительно».

Заинтересовавшись открытием Д. Наквасина, правительство предприняло попытки дальнейшей разведки островной меди. В отправленной из Иркутска специальной инструкции Е. С. Басову предлагалось отчитаться о том, каков путь до «показанного острова, где найдена им самородная медная руда... И той найденной самородной меди в утесе довольно ль имеется, и сколько жил в том утесе, и какою толщиною значит, и тот утес камня крепкого или разборного, и каким образом оною (медь) доставать и инструменты иметь надлежит».

Ни Басову, ни Наквасину не суждено было выполнять правительственную инструкцию. Ко времени получения ее в Нижнекамчатске Басов, впав в последнюю нищету, решился на отчаянный шаг. Пытаясь поправить свое положение, он отлил фальшивые деньги из запаса той самой островной меди, на которую возлагал так много надежд. Первооткрывателя острова Медного постигла жестокая кара. Изувеченный палачом, он умер на Нерчинской каторге. Затерялись и следы Дмитрия Наквасина. Память о первых разведчиках острова Медного была впоследствии увековечена в названиях мысов в Анадырском заливе (мыс Басова) и на Шипунском полуострове (мыс Наквасина).

Бухта Моржовая

В 11 милях к северу от мыса Шипунского в полуостров того же имени вдается бухта Моржовая, крупнейшая в Кроноцком заливе. Вход в нее, шириной 4 мили, лежит между островом Моржовым (Бензенгр) и мысом Аргали (местное название горного барана). Длина бухты от линии входных мысов до вершины достигает 6,5 мили. Очертания бухты Моржовой позволяют условно разделить ее на две части: северную и южную. Происхождение названия бухты связано с былым обитанием в этих местах моржей, последний случай встречи с которыми отмечен в 1909 году. Вплоть до конца XIX века бухта была практически неизвестной мореплавателям, что объяснялось малоизученностью этого района и неблагоприятными метеорологическими условиями, характерными для северного побережья Шипунского полуострова. Описи участника Второй Камчатской экспедиции А. Юрлова (1742 г.) и гидрографа П. Скрыпова (1835 г.) не внесли достаточной ясности в представления об этом районе. Нужда в более точных сведениях о нем возникла к концу XIX века с развитием русских крейсерских операций по охране камчатских побережий от иностранных хищников. В 1900 году бухту Моржовую описал со шхуны «Сторож» шкипер Ф. К. Гек, составивший частную карту и давший ряд названий ее географическим объектам. В 1901 году сведения Гека подтвердили офицеры военного транспорта «Якут», отметившие высокую точность и тщательность

гидрографической съемки капитана шхуны «Сторож». По предложению командира «Якута» С. И. Новаковского южная часть бухты получила название Моржовый Угол.

В начале 30-х годов бухта Моржовая становится базой первой советской китобойной флотилии под руководством известного дальневосточного капитана А. И. Дудника. Местом стоянки китобазы «Алеут» была избрана южная часть бухты — Моржовый Угол, где на берегах до наших дней сохранились массивные якорные цепи, на которые крепились швартовые концы. При «Алеуте» работали три китобойца: «Авангард», «Трудфронт» и «Энтузиаст», промышлявшие в Кроноцком и Авачинском заливах.

В настоящее время бухта Моржовая используется моряками как надежное убежище от штормов, а также место для перегруза рыбной продукции.

Бухта Калыгирь

Бухта Калыгирь вдается в основание Шипунского полуострова с севера. Впервые под названием Калигерская губа ее отметил на карте И. П. Козыревский, первооткрыватель Курильских островов. Калигерская губа нанесена на его «Чертеже Камчадалского Носу и морским островам» (1726 г.). Побывавший спустя тринадцать лет в этом районе исследователь Камчатки С. П. Крашенинников упоминает о существовании озера Калиг и реки Калигары, под которыми легко угадываются современные озеро Большой Калыгирь и река Калыгирь. «Помянутое озеро,— отмечает Крашенинников,— лежит близ моря к северу, и в длину верст на 20, а в ширину верст на 6 простирается. От устья Калига залегла версты на 4 к югу внутренняя губа, где кончится ширина... Шипунского носу». Внутренняя губа, о которой говорит Крашенинников, это и есть Калыгирская губа, или бухта Калыгирь.

Район Калыгирской бухты был издавна населен ительменами. Крашенинников упоминает о находившемся близ устья реки Калыгирь небольшом селении Кыннат. Через это селение в старину проходил прямой путь по Шипунскому полуострову, связывавший побережья Кроноцкого и Авачинского заливов. Следы этого пути сохранились до настоящего времени. Ительменское селение прекратило существование в 30-е годы XIX века, когда по распоряжению камчатской администрации жители побережья Кроноцкого залива были переселены в глубь полуострова.

В конце XIX века, в связи с развитием на полуострове рыбных промыслов, на месте бывшего ительменского острожка Кыннат возникло село Калыгирь. Жители его занимались добычей рыбы и охотничьим промыслом.

В годы гражданской войны на Камчатке жители села Калыгирь в составе партизанских отрядов приняли участие в разгроме белогвардейцев.

Река Жупанова

Жупанова — самая крупная из рек, впадающих в Кроноцкий залив. Известна русским с начала XVIII века. С.П.Крашенинников приводит ительменское название реки—Катангыч (Картангыч), уточняя, что одновременно употреблялось и другое название — Шопхад (Шопгад, Жупгад),— по стоявшему близ устья селению ительменов. «Шопхад прослыла она у камчадалов по острожку того имени, который прежде сего бывал на ее устье, а острожек так назван по великому изобилю в тюленях, которых жители на привальном льду промышляли и как кряжи поленицами клали, ибо Шопхад значит кряж или толстый отрубок». Под названием Чупанова река помечена на чертеже И. П. Козыревского, известном под названием «Карта Восточной Сибири от Лены до Камчатки» (1726 г.). По реке Жупановой в XVIII веке проходил путь, связывавший Верхнекамчатский острог и верховья, реки Камчатки с прибрежными ительменскими селениями Кроноцкого залива (Бобрового моря).

В 1897 году на устье реки Жупановой возникло одноименное село, жители которого, русские и камчадалы, занимались рыболовством и охотой. В 1931 году здесь была создана база Жупановского рыбоконсервного завода Акционерного Камчатского общества. Сам завод, располагавшийся на южном берегу Семячикского лимана, был перенесен позднее на 1,5 мили южнее, в более удобное место, где начал развиваться поселок Жупановского рыбокомбината (Новое Жупаново). Село на устье реки, получившее название Старое Жупаново, было упразднено. Жупановский рыбокомбинат был закрыт в конце 70-х годов в связи с истощением рыбных ресурсов.

Река Семячик

Река Семячик впадает в одноименный лиман отделенный от Кроноцкого залива узкой песчаной косой.

Под названием Шемеч (Шемяч) река известна русским с начала XVIII века. В «ясачных книгах» 1702 — 1704 годов сохранились сведения о походе служилых людей из Верхнекамчатска к Бобровому морю (Кроноцкому заливу). В этих сведениях упоминается река, на которой стояло ительменское село Шемеч. В период 1721—1722 годов реку под названием Шемачик нанес на свою карту Иван Евреинов, один из геодезистов, посланных Петром Первым на Тихий океан. Наконец, в 1726 году реку Шемячик поместил на своем «Чертеже Камчадальского Носу и морским островам» И. П. Козыревский. В 1739 году восточный берег полуострова обстоятельно описал С. П. Крашенинников. Из рек, впадающих в Бобровое море, исследователь особо отметил «знатную» реку Шемеч. «При сей речке,— отметил он,—две вещи достойны примечания. 1. Что около вершин ее находятся кипящие воды великими колодцами. 2. Что на южном берегу объявленной губы по низменным холмикам растет малое число пихтовнику, котораго дерева нигде на Камчатке более не примечено». С. П. Крашенинников был первым

ученым, отметившим существование у реки Семячик горячих источников и уникальной, широко известной сейчас, рощи пихты грациозной.

На реке Семячик Крашенинникову удалось записать местное ительменское предание, связанное с пихтовой рощей: «Оной лес у камчадалов как заповедной хранится, так что никто из них не токмо рубить его, но и прикоснуться не смеет, ибо уверены они преданиями стариков своих... что всяк, кто ни дерзнул им прикоснуться, бедственной смертью кончается. Впрочем, сказывают они, что сей лес вырос над телами камчадалов, которые некогда будучи в походе против неприятелей так оголодали, что несколько времени принуждены были одною лиственничною коркою питаться, а напоследок померли на реченом месте».

В 1928 году на южном берегу Семячикского лимана возникло село Семячик (Семлячик), являвшееся центральной базой Семлячикского (Жупановского) рыбокомбината Акционерного Камчатского общества. Позднее рыбокомбинат был перенесен на 1,5 мили южнее, к более удобной бухточке у мыса Памятник. На устье же лимана был организован рыболовецкий колхоз «Красный партизан». Колхоз и рыбокомбинат были упразднены в конце 60-х годов в связи с истощением местных рыбных ресурсов. В бывших поселках созданы научные стационары Кроноцкого государственного биосферного заповедника. Южная граница его проходит по южному берегу Семячикского лимана.

Река Кроноцкая

Река Кроноцкая берет начало из одноименного озера. Имеет длину свыше 40 километров и при впадении в залив образует узкий лиман. О реке Кроноцкой, первоначально называвшейся русскими Лиственничной, упоминается в «Чертежной Книге Сибири», составленной в 1701 году тобольским картографом С. У. Ремезовым. Это свидетельствует о том, что река Кроноцкая (Лиственничная) была известна русским землепроходцам уже на рубеже XVII—XVIII веков. В 1713 году на так называемом «Чертеже похода Козыревского» были обозначены ительменские острожки Кроноки и Нижние Кроноки. Примерно в то же время этот район под названием Кроноки фигурирует в камчатских «ясачных книгах».

Первое описание реки сделал побывавший там в 1739, году С. П. Крашенинников. Он и привел ительменский вариант названия — Крода-кыг («крон» — лиственница, «кыг» — река). Небольшие рощи лиственницы камчатской, а также отдельные деревья сохранились в бассейне реки Кроноцкой и у Кроноцкого озера до настоящего времени. В 40-е годы XVIII века на реке Кроноцкой стояли ительменские острожки Ешкун и Кроноки. Первое геодезическое описание прибрежного района реки Кроноцкой сделал участник Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга — А. И. Чирикова гардемарин А. Юрлов, проводивший опись побережья от Авачинской губы до Кроноцкого острога (1742 г.). В 1835 году эти исследования продолжил штабс-капитан корпуса флотских штурманов П. Скрыпов, прошедший

байдарой от устья реки Камчатки до мыса Шипунского. Дореволюционный период гидрографических работ у побережья Кроноцкого залива был завершён шкипером Ф. К. Геком (1900 г.), С. Р. де Ливроном (1902—1909 гг.) и крупнейшим исследователем дальневосточных морей Б. В. Давыдовым (1920 г.). В начале 20-х годов в районе реки Кроноцкой отряд известного геолога Дальнего Востока П. И. Полевого начал полевые изыскания на нефть.

Река Богачевка

Река Богачевка впадает в северный угол лимана, образованного рекой Кроноцкой. Эта небольшая река приобрела известность в 1921 году в связи с обнаружением местными охотниками в речной долине выходов нефти. Первые работы по изучению Богачевского нефтепроявления были предприняты в 1923 году геологом Дальгеолкома П. И. Полевым, совершившим трудное и рискованное путешествие для взятия проб богачевской нефти и геологического обследования района. В 1940 году изыскания на реке развернула специальная партия Богачевской нефтеразведки, проводившая буровые работы. Деятельность ее была прервана войной и возобновилась в 50-е годы. В дальнейшем работы на Богачевском нефтепроявлении были прекращены как неперспективные. С реки Богачевки началась история советских геологических исследований на Камчатском полуострове.

Залив Камчатский

От мыса Кроноцкого морской берег делает поворот на северо-запад, затем постепенно склоняется к северу и северо-востоку, доходя до устья реки Камчатки, затем резко сворачивает к юго-востоку, подходя к мысу Камчатскому. Заключенная между мысами Кроноцким и Камчатским часть океанского пространства носит название залив Камчатский. Ширина входа в залив — около 80 миль, в сушу он вдаётся на 40 миль. Старорусское название залива — Камчатское море. Происхождение его связано с рекой, впадающей в залив и являющейся крупнейшей на полуострове. В июле 1728 года, отправившись из устья реки Камчатки на северо-восток, В. Й. Беринг впервые нанес на карту новый гидроним «Камчатская залива». Оба названия сосуществовали вплоть до конца XVIII века. Камчатский залив (Камчатское море) известен русским землепроходцам с начала XVIII века, хотя существуют предположения, что он мог быть известен русским задолго до знаменитого похода В. В. Атласова. В 1703 году к устью реки Камчатки вышел казак Михаил Многогрешный, с его именем связывается обретение первых представлений о заливе Камчатском.

Река Чажма

Река Чажма (Малая Чажма) впадает в западный угол Камчатского залива. Небольшая береговая излучина в районе речного устья носила в

старых логиях название бухта Чажма. Изображение реки впервые встречается на карте И. Б. Евреинова (1722 г.), одного из геодезистов, посланных Петром Первым для описания Камчатки и Курильских островов. В XVIII веке река Чажма служила границей административных территорий Большерецкого и Верхнекамчатского приказов. С. П. Крашенинников упоминает о стоявшем близ устья Чажмы небольшом ительменском острожке Кашхау (1739 г.). Через долину реки Чажмы в старину проходил кратчайший путь от западного берега Камчатского залива на Нижнекамчатский острог.

На берегу небольшого лимана, образованного рекой перед впадением в залив, рядом с выходами горячих термальных вод, построено здание Чажминского кордона Кроноцкого лесничества.

Река Сторож

Река Сторож впадает в Камчатский залив к северо-западу от устья реки Большой Чажмы. Река Сторож подходит к заливу двумя рукавами, сливающимися вместе перед самым устьем. В 1,5 мили к северу от устья в 30-е годы была построена рыбалка Акционерного Камчатского общества.

В 1900 году река была нанесена на карту под названием Сторож владивостокским шкипером Ф. К. Геком, командиром шхуны «Сторож». С этим судном связаны многие страницы истории Дальнего Востока.

В 1892 году русским охранным крейсером в районе Командорских островов была конфискована американская шхуна «Мария», хищничавшая в русских водах. Шхуна была передана в распоряжение Приморского областного управления и получила название «Сторож». Она использовалась для охраны побережья от корейско-русской границы до бухты Ольга. Это было деревянное двухмачтовое судно с парусным вооружением и усиленным дубовой обшивкой корпусом, длиной 93 фута, шириной более 22 футов, с полной грузоподъемностью, равной 131 тонне. По мере необходимости «Сторож» принимал помимо 15 человек экипажа небольшую воинскую команду. В плавании на судне постоянно находился чиновник областной администрации. Экипаж набирался из владивостокских моряков. Нередко на «Стороже» проходили практику курсанты Владивостокских мореходных классов, затем Владивостокского училища дальнего плавания.

В 1893 году командиром шхуны «Сторож» был приглашен опытный дальневосточный мореход Ф. К. Гек. Вскоре шхуна была облечена правами таможенного надзора и с того времени постоянно носила таможенный флаг. В период ремонта в Японии на судне установили паровую машину, позволявшую развивать скорость без парусов до 8 узлов. Занимаясь охранными операциями у побережья Приморья, Ф. К. Гек по поручению военного губернатора производил одновременно гидрографические работы. Результаты их получили высокую оценку Главного Гидрографического управления, издавшего несколько карт и планов Гека. Поступив в конце прошлого века в распоряжение Министерства Государственных имуществ,

охранная шхуна «Сторож» крейсировала в водах Берингова моря, где Гек продолжал заниматься гидрографическими описями, на этот раз камчатского берега. В 1900 году шкипер Ф. К. Гек осуществил со шхуны гидрографические исследования районов восточного побережья полуострова от Авачинской губы до острова Карагинского. В этом году «Сторож» побывал и у реки, названной по имени судна.

После смерти Гека в 1904 году «Сторож» продолжал еще несколько лет плавать под таможенным флагом в русских дальневосточных морях. Позднее на смену пионеру русской дальневосточной береговой охраны пришли специальные крейсерские суда «Лейтенант Дыдымов» и «Командор Беринг».

Мыс Шуберта

Мыс Шуберта расположен на западном берегу Камчатского залива. Описан в 1900 году шкипером Ф. К. Геком со шхуны «Сторож». Назван Геком в честь военно-политического деятеля бурской республики Трансвааль генерала П. Жубера (1834—1900). В русской транскрипции фамилия Жубера была дана неточно, и в дальнейшем мыс наносился на карты под названием мыс Шуберта. В начале 30-х годов здесь, на месте сезонной рыбалки, возник небольшой поселок Шубертово, где располагался рыбоконсервный завод АКО. Поселок упразднен в 1964 г.

Бухта Чаячья

Севернее мыса Чаячьего, которым заканчивается западное побережье Камчатского залива, берег образует небольшую впадину, носящую название бухта Чаячья. В 1900 году шкипер Ф. К. Гек, занимаясь описью этого района, назвал безымянный прежде мыс мысом Крюгера — по фамилии президента бурской республики Трансвааль П. Крюгера (1825—1904). Это же название получила и соседняя бухта. До революции в бухте Крюгера, неподалеку от устья небольшой речки, была построена сезонная рыбалка, на месте которой позднее возник рыбоконсервный завод и поселок Акционерного Камчатского общества, которому было дано название Крюгер.

Решением Камчатского облисполкома (1952 г.) и Хабаровского крайисполкома (1953 г.) мыс Крюгера и одноименная бухта были переименованы в мыс Чаячий и бухту Чаячью. Поселок Крюгер существовал до 1964 г.

Устье реки Камчатки

В истории освоения русскими людьми северо-восточной части Тихого океана река Камчатка и ее устье занимают одно из важнейших мест.

О существовании большой реки, впадающей в Восточное море (Тихий океан), русским землепроходцам стало известно задолго до того, как окончательно оформились географические представления о Камчатке как

полуострове. Впервые изображение реки с названием Камчатка появилось в 1667 году на чертеже сибирского воеводы П. И. Годунова как результат походов Ф. Чюкичева, И. Камчатого, И. Ермолина, И. Рубца и других, пока безымянных героев доатласовского времени.

Первые обширные сведения о реке Камчатке доставил в Сибирь в начале XVIII века казачий пятидесятник В. В. Атласов, побывавший на реке во время своего знаменитого похода. В 1697 году сподвижники Атласова построили в верховьях реки первое русское поселение на полуострове—Верхнекамчатский острог, а в 1703 году казак Михаил Многогрешный основал в низовьях реки зимовье, на месте которого вырос позднее Нижнекамчатск. Существуют сведения, что в том же году М. Многогрешный побывал со своими людьми на устье реки Камчатки. Таким образом, уже на рубеже XVII—XVIII веков русские прошли самую большую реку полуострова от верховий до устья и имели о ней конкретные представления. Со временем эти представления все более уточнялись. В дальнейшем реке Камчатке была уготована важнейшая роль в осуществлении задач Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринга (1725—1730 гг.). Руководитель экспедиции выбрал реку как базу для строительства морского судна, а ее устье как отправной пункт плавания на северо-восток. 4 июня 1728 года команда Беринга заложила у Нижнекамчатска (район города Ключи) бот «Святой архангел Гавриил». Он был построен из местного лиственничного леса и спущен на воду 10 июля того же года. 14 июля пионер камчатского морского судостроения вышел из устья реки Камчатки, положив начало эпохе русских плаваний в северо-восточных водах Тихого океана.

23 июля 1732 года на том же боте «Св. Гавриил» по маршруту Беринга из устья реки Камчатки отправились подштурман И. Федоров и геодезист М. Гвоздев. В результате этого плавания было окончательно установлено существование пролива между Азиатским и Северо-Американским континентами. Это было выдающееся географическое открытие XVIII века.

Река Камчатка и ее устье занимали заметную роль в разработке проектов Второй Камчатской экспедиции (1732—1743 гг.). Руководитель экспедиции В. Й. Беринг рассматривал реку Камчатку как одно из вероятных мест для строительства экспедиционных кораблей и вывода их в плавание к берегам Северной Америки. В сентябре 1739 года Беринг направил штурмана И. Ф. Елагина из Охотска на Камчатку, поставив перед ним в числе главных две задачи: описать Авачинскую губу и обследовать в навигационном отношении устье реки Камчатки. Прибыв в Большерецк, Елагин поручил второе задание своему помощнику, штурману Василию Хметевскому. Весной 1740 года, по вскрытии реки Камчатки ото льда, Хметевский сделал промеры устья. Глубины его оказались до 7,5 футов. Между тем, осадка построенных под Охотском пакетботов «Святой Апостол Петр» и «Святой апостол Павел» в «полном грузу» составляла от 9 до 9,5 футов. Результаты разведки Хметевского вынудили Беринга отказаться от мысли использовать реку Камчатку как исходный пункт плавания к американским берегам. Этим

пунктом стала подготовленная Елагиным к приему пакетботов гавань Ниакина (Петропавловская) в Авачинской губе.

Начиная с 1743 года, устье реки Камчатки и отстроенный выше по течению новый Нижнекамчатский острог становятся плацдармом для осуществления крупнейших географических открытий и исследований на северо-востоке Тихого океана. 16 июля 1745 года сержант нижнекамчатской команды Емельян Басов, выйдя из устья Камчатки в плавание на шитике «Св. Петр», открыл остров Медный. 19 сентября того же года из устья реки Камчатки отправился в плавание шитик «Св. Евдокия» морехода М. Неводчикова. Итогом этой экспедиции стало открытие Ближних островов Алеутской гряды. В период 1750—1757 годов русскими мореходами и промышленниками были открыты Крысьи и Андреяновские острова Алеутского архипелага. В последующие годы на русские карты легли острова Лисьи — последние подступы к полуострову Аляска. Нижнекамчатские мореходы и промышленники были первыми после участников экспедиции В. Й. Беринга — А. И. Чирикова русскими людьми, ступившими на коренной берег северо-американского континента. Их походами и исследованиями открываются первые страницы истории Русской Америки.

25 июня 1791 года в плавание к Алеутским островам отправилось построенное у Нижнекамчатского острога судно «Черный Орел» экспедиции И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева. К этому времени справа от устья реки Камчатки, рядом с небольшим ительменским острожком, была построена большая землянка, служившая складом для провианта и снаряжения. К концу XVIII века русские уже достаточно прочно обжились на устье, о чем свидетельствует название Соловаренная Кошка, отмеченное в местной топонимии в 1807 году. Активное судоходство в устье реки потребовало более тщательного изучения навигационных особенностей этого района. В 1828 году от устья реки Камчатки к северу начал морскую опись побережья командир шлюпа «Сенявин» Ф. П. Литке, издавший впоследствии атлас карт. В 1835 году от устья реки Камчатки к юго-западу начал морскую опись берега штабс-капитан корпуса флотских штурманов П. Скрыпов. В 1848 году прапорщик Киренский снял план устья реки Камчатки. На следующий год работы были продолжены поручиком Савиным, осуществившим опись берега, прилегающего к речному устью. К этому же времени относятся первые известные нам попытки транспортировки морем в Петропавловский порт сплавленного к устью камчатского лиственничного леса. Это предприятие, организованное по инициативе камчатского губернатора В. С. Завойко, пришлось свернуть из-за опасного характера речного устья. К концу 40-х годов XIX века относятся первые упоминания об Усть-Камчатске (Усть-Приморском) как селении.

В 1881 — 1882 годах охраной русских территориальных вод у восточного побережья Камчатки занимался крейсер «Африка». Старший штурман корабля Э. Г. Егерман в опубликованных позднее «Лоцманских заметках» приводит несколько характерных для Усть-Камчатска и его

окрестностей деталей. Коса, составлявшая левый приустьевой берег реки, носила название Заречная кошка. «Ширина ее около двух кабельтов, высота, постепенно понижаясь к устью,— не более 8 фут в большую воду. Вследствие своей незначительной высоты коса эта плохо видна с моря из-за бурунов и сливается с лежащим за нею более высоким правым берегом реки, на котором видны строения Усть-Камчатска». Егерман отмечал наличие маяка и створных знаков, указывавших фарватер через бар. Маяк был построен в виде четырехугольной башни с флагштоком. Поднятый флаг обозначал полную воду, спущенный — малую. Заход судов в реку с осадкой более 12 футов запрещался. Проводку через устье обеспечивал местный лоцман. Профессия эта передавалась в Усть-Камчатске по наследству, расход на содержание лоцманской службы брала на себя казна. В 1882 году селение Усть-Камчатск насчитывало 14 жилых домов и 108 жителей. Основное население составляли казаки на государственной службе, занимавшиеся помимо этого рыболовством, охотой, огородничеством.

В 1870 году в связи с ликвидацией дел Российско-Американской компании известный владивостокский предприниматель А. Ф. Филиппеус заключил с правительством десятилетний контракт на доставку казенных грузов по северным пунктам Охотского и Берингова морей. Для этих целей был куплен небольшой пароход «Камчатка», совершавший в летне-осенний период довольно регулярные рейсы между портами Японии, Владивостоком, Аянтом с обязательным заходом в Петропавловск и Усть-Камчатск. Для погрузо-разгрузочных работ пароход брал на палубу паровой катер и два деревянных кунгаса. С 1886 года транспортные операции на Усть-Камчатск осуществляли суда Добровольного флота, пароходства КВЖД и других судовых компаний Дальнего Востока.

Весной 1896 года в Усть-Камчатске был создан рыболовный участок Русского Товарищества котиковых промыслов. Агенты его предприняли попытку организовать на устье промышленный «семужный» посол лосося по архангельскому способу. Попытка закончилась неудачей: чавыча, доставленная через Сан-Франциско в Петербург, оказалась непригодной. В дальнейшем в Усть-Камчатске производили посол лосося японским «сухим» способом. Продукция вывозилась в Японию, реализация ее давала хорошие доходы.

Усть-Камчатск стал средоточием интересов многих русских и японских рыбопромышленников. К 1910 году здесь развернули свои рыбалки крупные предприниматели Х. Бирич, Г. А. Крамаренко и японский промышленник Суцуми. Работали три завода. Самый мощный из них, принадлежавший Биричу (впоследствии ярому белогвардейцу), выпускал консервы в банках собственного производства. Они шли на рынки Австралии, Канады, Англии. Ежегодный (сезонный) объем продукции завода Бирича достигал 4 тысяч ящиков (48 фунтовых банок на ящик). Тот же Бирич ежегодно отправлял на продажу в Японию до миллиона штук чавычи японского посола «бара».

Перед первой мировой войной в Усть-Камчатске развернули активную деятельность известные дальневосточные предприниматели братья Демби.

Построенные ими рыбоконсервные заводы отвечали самым современным требованиям того времени. Название Дембиева коса, где стояли оба предприятия Демби, можно услышать в Усть-Камчатске и сегодня.

В период первой мировой войны Усть-Камчатск стал крупнейшим на обоих побережьях полуострова населенным и промышленным центром, значительную часть жителей которого, особенно в период путины, составляли рабочие рыбных промыслов. Они с сочувствием встретили известие о победе Октябрьской революции.

В годы гражданской войны в Усть-Камчатске был создан крупный партизанский отряд под командованием Созутова и уполномоченного Камчатского облнарревкома А. С. Лукашевского. Отряд принял участие в разгроме белогвардейцев в Хайрюзове и Тигиле, а осенью 1922 года совершил труднейший переход к Петропавловску из Усть-Камчатска. 16 июля 1925 года в Усть-Камчатске оформилась, созданная ранее большевистская ячейка. 2 сентября 1930 года состоялась первая Усть-Камчатская партконференция, избравшая районный комитет партии.

В 1927 году вступил в строй первенец советской рыбной промышленности полуострова — Усть-Камчатский рыбоконсервный завод.

Ныне Усть-Камчатск — крупнейший рыбопромышленный, лесоперевалочный поселок — порт восточного побережья полуострова, административный центр Усть-Камчатского района.

Мыс Камчатский

Мыс Камчатский является оконечностью полуострова Камчатского, выступающего от коренного берега примерно на 30 миль к востоку и разделяющего заливы Камчатский и Озерной. Мыс Камчатский представляет собой низменную песчано-галечниковую косу. В 1,5 кабельтова от острия мыса расположена группа высоких скал, получившая по своему характерному облику название Камень-Город. В конце XVIII века в этом районе обитала колония бобров (каланов). Промыслом их занимались жители небольшого русского поселения, располагавшегося в соседней бухте Лахтак.

Мыс Камчатский вплоть до 20-х годов XIX века носил старорусское название Камчатский Нос. Впервые под названием мыс Камчатский его нанес на карты известный русский мореплаватель Ф. П. Литке. Подробное описание мыса сделано офицерами крейсера «Африка» в 1882 году. Первое геологическое исследование этого района осуществлено в 1910 году геологическим отрядом Камчатской экспедиции Русского Географического общества. В 1912 году частное гидрографическое исследование этого района произвели штурманы ледокольных пароходов «Таймыр» и «Вайгач», осуществившие астрономические и магнитные измерения.

Бухта Лахтак

К северу от указанной во всех лоциях осыпи Лахтак расположена неглубоко вдающаяся в берег одноименная бухточка. Первое описание ее

сделал подпоручик геодезии Савин в 1849 году. Бухта Лахтак является единственным, расположенным поблизости от Усть-Камчатска местом, где можно укрыться от ветров северных и северо-восточных румбов. Поэтому бухта долгое время служила для якорных стоянок различных судов, переживавших здесь неблагоприятные ситуации в открытом заливе и в устье реки Камчатки. Нередко здесь же на борт брались усть-камчатские лоцманы, обеспечивавшие затем заходы в устье или рейдовые операции. В конце XVIII века в бухте Лахтак существовало поселение русских промышленников, занимавшихся добычей морских бобров в районе мыса Камчатского. В 1882 году морскую съемку бухты Лахтак произвели офицеры крейсера «Африка», патрулировавшего прибрежные воды Камчатки и Командорских островов.

Мыс Африка

Мыс Африка находится в 15 милях к северо-востоку от мыса Камчатского. Название мысу дано в 1882 году офицерами крейсера «Африка» по имени своего корабля.

В 1878 году русское правительство приобрело в Северо-Американских Штатах пароход «Саратога». Он был переоборудован в Филадельфии и получил название «Африка». Пароход совершил плавание в Кронштадт и вошел в отряд крейсеров Балтийской эскадры. Современники отмечали красивый внешний вид корабля, имевшего 293 фута длины и 38 футов ширины. Рангоут «Африки» был исполнен в клиперном варианте, но без бушприта. Крейсер брал до 900 тонн угля, рассчитанного на 30-суточный переход без парусного вооружения. В 1880 году крейсер «Африка» под командованием капитан-лейтенанта Е. И. Алексеева принял участие в переходе из Кронштадта на Дальний Восток отряда балтийских кораблей под флагом вице-адмирала С. С. Лесовского. Переход был связан с необходимостью усиления русской Тихоокеанской эскадры в связи с неблагоприятной обстановкой на Дальнем Востоке.

10 июля 1881 года «Африка» под флагом контр-адмирала А. Б. Асланбегова отправилась из Владивостока для проведения охранных крейсерских операций к Сахалину, затем — на Камчатку. Из Петропавловска крейсер вышел в августе к Алеутским островам, затем в Сан-Франциско, Гонолулу, на Маркизские острова, в Новую Исландию, Сингапур и 25 мая 1882 года закончил плавание в Нагасаки. 15 августа того же года «Африка» вновь прибыла в Петропавловск на смену клиперу «Вестник», функционировавшему в качестве охранного корабля в водах Камчатки. 24 августа 1882 года команды крейсера «Африка» и клипера «Вестник» приняли участие в праздновании 28-й годовщины обороны Петропавловска и церемонии открытия монумента «Слава» на Петропавловской кошке. Сводную экипажную роту на этой церемонии возглавлял старший артиллерийский офицер «Африки» лейтенант В. Ф. Руднев — будущий командир легендарного крейсера «Варяг». С 16 сентября по 18 октября 1882 года крейсер «Африка» осуществлял контроль русских территориальных вод

в Беринговом море, занимаясь одновременно гидрографическими работами. В мае 1883 года «Африка» вернулась на Балтику. Офицеры крейсера произвели морскую опись берегов полуострова Камчатка с мысами Камчатский и Африка, составили частные планы Петропавловской гавани, устья реки Камчатки, бухты Старая Гавань на острове Беринга и острова Тюлений в Охотском море.

С крейсером «Африка» связана еще одна памятная страница русской истории. На этом корабле выдающийся изобретатель А. С. Попов проводил первые опыты по радиосвязи.

Река Столбовская

Река Столбовская (Столбовая) берет начало из небольшого озера, расположенного на перешейке полуострова Камчатского. Ительменское название реки — Унагкыг. Столбовской она была названа в начале XVIII века в связи с расположением ее устья против находящихся в море надводных рифов, имеющих форму столбов. На это обстоятельство обратил внимание С. П. Крашенинников, отметивший что «казаки называют оную реку Столбовскою для того, что с южную ее сторону есть в море неподалеку от берега три каменные столба».

Крашенинников упоминает о существовавшем близ устья реки острожке Столбовском (Агуйкунч) и приводит ительменскую легенду о нападении касаток на острог и разрушении ими береговых утесов, в результате чего образовались каменные столбы в море. Река Столбовская была хорошо известна в древности. По ней проходил прямой путь от побережья Озерного залива к устью реки Камчатки. Местные жители и казаки поднимались по реке на батах к озеру, затем от устья впадающей в озеро речки Точкальнум к ее верховьям. Далее баты волоком перетаскивались к истокам реки Пежаныч (Перевальной), впадающей в озеро Нерпичье. Этим путём пользовались долгое время промышленники, добывавшие ценного морского зверя на побережье залива Озерного.

Мыс Начикинский

Мыс Начикинский является северной оконечностью одноименного полуострова в Карагинском заливе. Первоначальное название его — Укинский Нос — было дано в начале XVIII века в связи с расположением около реки Уки. Название Начикинский мыс получил в 30—40-е годы XVIII века по одноименной реке, у которой жил тойон Начика, глава ительменского острожка Пильгенгилш.

Река Озерная.

В крайней северо-западной части залива Озерного в него впадает река Озерная. По своему расположению на восточном берегу полуострова

Камчатка и в отличие от одноименной реки на западном побережье она часто называется Озерная-Восточная. Староительменское название реки — Кооч-агжа, что означает «Еловское устье». Перевод приводит С. П. Крашенинников, отмечая, что по Озерной проходил путь от побережья залива к верховьям реки Еловки (ительменское Кооч) и далее — в долину реки Камчатки. Другая дорога — летом на батах, зимой на собачьих упряжках — шла от Уки через реку Начику к вершине реки Озерной и далее в глубь полуострова. На перекрестке этих путей вплоть до начала 30-х годов XX века стояло старинное ительменское село Верхнее Озерное (в отличие от Нижнего или Усть-Озерного, стоявших близ устья реки). Первые известия о реке Озерной относятся к началу XVIII века. Происхождение названия реки было связано с тем, что она брала начало из озера. Существование его в истоках реки Озерной современными данными не подтверждается. Не исключено, что озеро исчезло в результате каких-либо тектонических процессов в этом районе. В конце XVIII века известный русский мореплаватель Г. А. Сарычев ввел в гидрографическую номенклатуру названия «полуостров Озерной» и «мыс Озерной».

Река Ука

Река Ука впадает в одноименную губу северо-восточного побережья полуострова. «В помянутую губу,— отметил побывавший здесь в 1740 году С. П. Крашенинников пали три реки, а имянно Енгакынгыту, Укуваем и Налачева или Улкаденгыту. Над Укою и Налачёвой есть по острожку, из которых первый Балаганум, а другой Пилгенгилш называется. Отсюда начинается жилище сидячих коряк, а до сего места живут камчадалы». Таким образом, Крашенинников отметил реку Уку как границу расселения ительменов (камчадалов) и оседлых коряков-карагинцев. Это подтверждается и спецификой географических названий данного района. Часть из них, например, Балаганум, Налачева, Начика, ительменского происхождения, причем, два последних — собственные имена живших у рек тойонов. Рядом соседствуют названия, несущие, несомненно, корякские топонимические основы: -гыту, -гытгын («озеро»), пилген — пыльгыльгэтын («течь») и др. Укуваем — значит «сельдевая река».

Река Ука и Укинская губа известны русским с начала XVIII века. Река отмечается на чертежах Камчатки уже с первой четверти этого столетия. По сведениям С. П. Крашенинникова первые русские зимовья на реке Уке были построены в 1704 году партией анадырских служилых людей под началом Андрея Кутыина. В 1765—1766 годах на устье Уки зимовал экипаж галиота «Св. Екатерина» под командой лейтенанта И. Синдта, руководителя русской морской экспедиции к Берингову проливу. И. Синдт составил первое гидрографическое описание Укинской губы. Десять лет спустя от устья Уки начал геодезическое описание побережья до реки Олюторы поручик Измайлов.

В период русско-японской войны 1904—1905 годов село Ука, расположенное близ устья реки, подверглось бандитскому нападению пиратствующих японских шхун.

В 1918 году в селе Ука был создан один из первых на полуострове сельский Совет, который возглавил демобилизованный солдат Самуил Левченко. Советская власть удерживалась в Уке и в период разгула колчаковцев. В августе 1919 года высадившийся с охранного судна «Якут» белогвардейский десант захватил село и зверски расправился с местным Советом. Председатель его, С. Левченко, был расстрелян, несколько советских активистов белогвардейцы высадили на пустынный остров Карагинский. После разгрома колчаковщины в Уке была создана промысловая артель, на базе которой в годы коллективизации организовался рыболовецкий колхоз имени Левченко. Село упразднено в 1974 г.

Остров Маньчжур

В юго-восточной части Укинской губы, отделенный от полуострова Начикинским проливом, шириной около 1,5 мили, расположен остров Маньчжур. Вплоть до начала XX века остров носил местное название Инуш-Семень, известное и современным жителям-корякам. Под названием Маньчжур остров нанесен на карту до 1904 года офицерами канонерской лодки «Маньчжур» («Манджур»). Этот корабль был в свое время хорошо известен на Дальнем Востоке. Он был построен в 1887 году в Копенгагене по одному проекту с «Корейцем», легендарным соратником «Варяга». Водоизмещение его — 1418 тонн, длина 84 метра, ширина 12,4, осадка 4,8 метра. Две машины по 1000 лошадиных сил развивали скорость до 14 узлов. Вооружение — 14 орудий разного калибра и минный аппарат. После постройки «Маньчжур» несколько месяцев плавал в Средиземном море, затем совершил переход на Дальний Восток. Корабль базировался на Владивосток до осени 1889 года, затем совершил плавание в порты Китая и Японии. Весной 1890 года «Маньчжур» вернулся во Владивосток. Принимая участие в плаваниях Тихоокеанской эскадры, канонерская лодка каждую осень ходила к острову Тюленьему снимать охранную команду. В 1895—1896 годах «Маньчжур» базировался на Чемульпо в Корее. Перед началом русско-японской войны корабль использовался как патрульный крейсер. В июле 1903 года, в пору особого разгула японских хищников в водах Камчатки, экипаж «Маньчжура» задержал у юго-западного побережья полуострова 12 японских шхун с двумястами человек команды. Шхуны были конфискованы, японцы арестованы и отправлены во Владивосток. Охранными операциями в территориальных водах Камчатки «Маньчжур» занимался и после русско-японской войны 1904—1905 годов.

Река Хайлюля

Река Хайлюля впадает в Укинскую губу в 13,5 мили к северо-западу от устья реки Уки. Названа в первой трети XVIII века по имени жившего в этом

районе коряка Холюли, тойона селения Уакамелян. Позднее на месте этого острожка, располагавшегося в миле от устья, у правого рукава реки, выросло селение Хайлюля. На морском побережье, в междуречье Уки и Хайлюли, в конце 20-х годов были построены Хайлюлинский рыбоконсервный завод и несколько сезонных рыбалок.

Река Русакова

Река Русакова впадает в пролив Литке в 15 милях к северо-востоку от устья Хайлюли. В истории Камчатки эта река занимает заметное место, с ней связаны еще не выясненные до конца эпизоды проникновения русских землепроходцев на Камчатский полуостров. Впервые река Русакова упоминается на «Чертеже вновь Камчадалские земли», сделанном тобольским картографом С. У. Ремезовым в конце XVII века. В основу чертежа легли сведения о камчатском походе пятидесятника Владимира Атласова, совершенном в 1697 году. Однако в самих «скасах» Атласова упоминаний о реке Русаковой нет, хотя, несомненно, название ее дано было атласовцами или их неизвестными предшественниками. Загадкой топонима «река Русакова» впервые заинтересовался С. П. Крашенинников. Он записал местное название реки—Чанук-кыг, а также версию, из которой следовало, что «тойоны, которые владеют тамошними острожками, происходят от российского поколения, чего ради река по ним называется Русаковою». Не располагавший в 1740 году точными фактами, Крашенинников ограничился предположением, что русские, жившие некогда в этих местах, «спустя несколько лет после Федота-кочевщика туда прибыли».

На эту фразу Крашенинникова историки обращали внимание неоднократно, пытаясь выяснить, кто же из русских землепроходцев задолго до Атласова бывал в землях карагинских коряков. Не раз возвращался к этой загадке известный советский историк Б. П. Полевой. Он пришел к выводу, что название реки — Русакова — может быть связано с походами на северную Камчатку в конце 50-х годов XVIII века. Река Русакова, сходясь вершиной с истоками реки Паланы в одном из самых узких мест полуострова, издавна считалась местными жителями кратчайшим путем между восточным и западным побережьями Камчатки. Не исключено, что этим путем могли воспользоваться и первые русские отряды еще за 30—40 лет до открытия Атласова искавшие подступы к полуострову со стороны реки Пенжины на северо-западе и реки Пахачи на северо-востоке.

В начале XVIII века, учитывая географические преимущества реки Русаковой, казаки построили на ней небольшую крепость. В 30-е годы XX века на песчаной косе, отделяющей от моря лагуну реки Русаковой, на месте японской рыбалки возник рыбозавод Акционерного Камчатского общества с поселком Русаково (Старое Русаково). Впоследствии он стал базой Русаковского рыбокомбината (ныне Хайлюлинского РКЗ) и был упразднен в 50-е годы.

Река Ивашка

Река Ивашка впадает в пролив Литке. Второе название реки — Панкара — корякского происхождения, Ивашка известна русским с начала XVIII века, а, возможно, и с 50—60-х годов XVII столетия (см. «Река Русакова»). В начале XVIII века река носила корякское название Нунгын. Была переименована казаками в Панкару по располагавшемуся в этом районе корякскому острожку Панкара. В 50-е годы XVIII века казаками была построена на реке Ивашке небольшая крепость, носившая название Ивашкинский острог. Он занимал выгодное географическое положение, находясь на кратчайших путях, соединявших западный и восточный берега полуострова. В начале 30-х годов XX века неподалеку от лагуны реки Ивашки возникло одноименное село, где было создано корякское товарищество по совместному выпасу оленей и ловле рыбы. Позднее село было перенесено на лагунный остров напротив Русаковского рыбокомбината (ныне Хайлюлинский РКЗ). В 1930 году в селе был организован рыболовецкий колхоз «13-я годовщина Октября».

Ныне село Ивашка — центральная усадьба одного из крупнейших на Камчатке рыболовецких колхозов, названного в честь Г. И. Бекерева, коряка, депутата Верховного Совета СССР

Река Дранка

В 13 милях к северу от устья Ивашки (Панкары) в море впадает река Дранка. Корякское название реки — Утхвям. В середине 20-х годов XX века на правом берегу реки, в двух милях от моря, на месте корякского стойбища Дранка возникло небольшое одноименное село. В 1927 году здесь было организовано товарищество «Рыбак», занимавшееся рыбным промыслом и охотой. В 50-е годы село было упразднено в связи с укрупнением национального рыболовецкого колхоза имени Бекерева, и жители Дранки переехали в соседнюю Ивашку.

В междуречье Ивашки и Дранки в первой половине XVIII века существовал корякский острог Хангат, на который обратил особое внимание С. П. Крашенинников. «Хангата острожек... построен на высокой горе, вокруг его четырехугольной земляной вал вышиною в сажень, а толщиною в аршин. Сверх того внутри острога приставлены к земляной стене высокие жерди, у которых верхушки вилками, а на те вилки положены попережные жерди, у которых к ним приставлены колья... В острог сделаны трои двери, а имянно с восточной, с северной и с западной сторон, да во всех стенах сделано по два окошка вместо бойниц. Тойон сего острожка называется Камак... До сего места, — отмечает Крашенинников, — не видал я укрепленных острожков у тамошних жителей... Коряки... сказывают, что делают то для безопасности от набегов чукоцкого народа».

Река Макаровка

Река Макаровка (Макарка) впадает в море через лагуну в 7 милях к северо-западу от устья Дранки. На Макарьевской косе в конце 20-х годов XX века на месте сезонной рыбалки был построен Макарьевский рыбокомбинат Дальморепродукта, переданный потом Главкамчатрыбпрому. Неподалеку от комбината, на устье реки Каюм, в начале 30-х годов располагалось небольшое селение оленеводческого товарищества «Каюм-Карага». Ныне на Макарьевской косе находятся сезонные рыбалки национального колхоза имени Г. И. Бекерева".

Коса Кострома

В северо-восточной части бухты Караги замыкающий ее мыс Кузмищева переходит постепенно в песчано-галечниковую косу, вытянувшуюся к югу на 3,9 мили. В 1885 году проводивший в этом районе гидрографические работы шкипер Ф. К. Гек назвал косу Песчаной. Это название сохранялось и в начале XX века и лишь после 1913 года на картах появилось новое обозначение: коса Кострома. Происхождение этого названия связано со следующим обстоятельством.

В 1913 году у южной оконечности косы Песчаной потерпел аварию пароход Добровольного флота «Кострома», совершавший коммерческие сезонные рейсы по побережьям Камчатки. Потеряв ориентировку при подходе к бухте Караге (мыс Ложно-Кузмищева был ошибочно принят за мыс Кузмищева), пароход выскочил корпусом на оконечность низменной косы. Снять судно не представилось возможным. Побывавший здесь через семь лет после катастрофы известный дальневосточный гидрограф Б. В. Давыдов нашел «Кострому» еще в сравнительно неплохом состоянии и как специалист отметил, что корпус судна, отлично усматриваемый с моря, может служить прекрасным ориентиром при подходе к бухте Караге. Вероятно, это обстоятельство, немаловажное для навигаторов, и нашло конкретное отражение на морских картах.

В северной части косы расположено село Кострома, где размещается центральная усадьба национального рыболовецкого колхоза «Ударник».

Река Карага

Река Карага впадает в западную часть пролива Литке в 11 милях к северо-востоку от устья лагуны реки Макаровки. Русский топоним Карага восходит к старому корякскому названию реки — Хараныннын («оленняя»). Карага — одна из первых камчатских рек, исследованных русскими землепроходцами в процессе открытия и освоения полуострова.

Первые упоминания о ней на картах встречаются на «Чертеже вновь Камчадалские земли», датированном около 1700 года и содержащем в своей основе сведения о походе В. В. Атласова 1697 года. Однако река,

несомненно, была известна русским значительно ранее знаменитого похода Владимира Атласова.

Архивные изыскания известного советского историка Б. П. Полевого позволили ему сделать вывод, что река Карага, сходящаяся в верховьях с истоками реки Лесной, могла быть известна русским как один из кратчайших путей между камчатскими побережьями еще в 60—70-е годы XVII века.

С. П. Крашенинников, побывавший на реке в 1740 году, отметил эту особенность как главную: «...А вершинами сошлась она с Лесною рекою, на которую с Караги обыкновенно переезжают». Именно этим путем исследователь воспользовался для поездки на западный берег полуострова, отметив еще несколько характерных деталей данного района. «На северном берегу губы на высоком холму стоит Кыталгын острожек, в котором каждой балаган огорожен особливым тыном. Сверх сего острожка есть коряцкое жилище в двух местах по реке Караге, первое от устья верстах в 8 над речкою Гауле, которая течет в Карату с севера, а второе верстах в 10 над озером, от которого верстах в 8 есть другое озерко, потому достойное примечания, что из него выметываются на берег светло-зеленые круглые пузырьки, подобные нашим стеклянным галочкам, от которых, приложенных ко лбу, по объявлению местных жителей, все лицо опухает. Они ж сказывают, что в нем водится белая рыбка длиною вершка в три, которую ловить по их суеверию великий грех».

Первые сведения о существовании на Караге термальных источников принадлежат С. П. Крашенинникову. Острожек Кыталгын, о котором упоминает исследователь, именовался русскими Карагинским. Стоявший на пересечении главных путей, ведущих к Пенжине и олюторским рекам, Карагинский острог называется во многих документах XVIII—XIX веков. Первую геодезическую (глазомерную) съемку этого района сделал в 1755 году штурманский ученик Г. Измайлов. обстоятельную морскую опись карагинского побережья осуществил в 1885 году владивостокский шкипер Ф. К. Гек.

Перед революцией Карага была самым крупным селом побережья от Уки до Анапки. После установления советской власти в районе бухты Карага было создано несколько товариществ по совместному вылову рыбы, выпасу оленей: «Каспо», «Опта», «Ударник». Позднее они объединились в одну рыболовецко-оленоводческую артель, на базе которой был затем организован национальный колхоз «Ударник». 10 декабря 1930 года Постановлением Президиума ВЦИК об образовании в числе других Корякского национального округа с районами первым административным центром Карагинского района было учреждено село Карага. Ныне село Карага является центральной усадьбой крупного оленеводческого совхоза «Карагинский».

Бухта Оссора

Бухта Оссора вдается в западный берег пролива Литке севернее бухты Караги, отделяясь от последней высоким полуостровом, заканчивающимся

мысом Кузмищева. Бухта названа по одноименной, впадающей в нее с северо-запада речке, на первых русских картах, носившей название Очор. Название восходит к корякскому Асоран — «дом горбуши». Практическое использование этой удобной в навигационном отношении бухты были предприняты в середине 30-х годов в связи с изысканиями места для строительства нового административного центра Карагинского района Корякского национального округа. Изыскательские работы было поручено провести летом 1936 года участнику Камчатской землеустроительной экспедиции В. С. Шаталову, впоследствии известному камчатскому специалисту, заслуженному землеустроителю РСФСР.

«Комиссия в составе восьми человек,— вспоминал Шаталов,— осмотрела более пяти предполагаемых мест, и выбор пал на морской берег бухты Оссоры. Это действительно было одно из лучших мест для будущего райцентра. Морской берег возвышается на три-четыре метра, с севера и с востока место закрыто от морских штормов. Площадка под строительство совершенно ровная и сухая, широкая, протяженностью более четырех километров. За площадкой параллельно морскому берегу расположено глубокое проточное озеро. С запада озеро опоясывал высокий увал, покрытый березовым лесом. Как на склонах, так и по плато росло много шиповника, жимолости, рябины, голубики, брусники, можжевельника, красной смородины, малины. На прилегающих холмах— дровяной лес, кедровый стланик, ольха и строительный лес. После выбора места сразу же приступили к планировке... Через двое суток вдоль морского берега появились столбы и колышки — разметка будущих улиц, переулков, кварталов».

С 1941 года построенный на берегу бухты Оссоры одноимённый поселок стал административным центром Карагинского района Корякского национального округа. В годы Великой Отечественной войны вступил в строй Оссорский рыбокомбинат Главкамчатрыбпрома.

Ныне Оссора — современный поселок городского типа, крупный населенный пункт Корякского автономного округа.

Мыс Кузмищева

Мыс Кузмищева расположен у основания косы Костромы и является юго-восточной оконечностью полуострова, разделяющего бухты Карагу и Оссору. Мыс назван в 1828 году командиром шлюпа «Сенявин» капитан-лейтенантом Ф. П. Литке по фамилии помощника начальника Камчатки П. Ф. Кузмищева.

Павел Федорович КУЗМИЩЕВ (1798—1850) оставил заметный след в камчатской истории. Он родился в семье флотского офицера, был отдан учиться в Морской кадетский корпус и выпущен из него в 1814 году мичманом. Военную службу Кузмищев начал в Архангельске, затем был переведен в Кронштадт, где плавал на кораблях легкой эскадры. В 1818 году произведен в лейтенанты и зачислен в 8-й флотский экипаж. Частое

пребывание на берегу молодой офицер успешно использовал для самообразования, занимаясь в основном естественными науками. В 1825 году П. Ф. Кузмищев был произведен в капитан-лейтенанты с одновременным назначением на должность помощника начальника Камчатки.

В Петропавловский порт Кузмищев прибыл осенью 1826 года. За три года пребывания здесь зарекомендовал себя деятельным офицером и вдумчивым исследователем края. Осенью 1830 года капитан-лейтенант Кузмищев вступил в должность коменданта Тигильской крепости. В Тигиле он пробыл два года. С его именем связано устройство тигильской больницы, плодотворные опыты по выращиванию овощей и картофеля, организация школы для местных жителей, где Кузмищев сам и преподавал.

Пробыв на Камчатке около семи лет, объездив с научными целями весь край, Кузмищев в 1833 году вернулся на транспорте «Америка» в Кронштадт. Многомесячное плавание он использовал для систематизации своих многочисленных камчатских записей и наблюдений. В 1836 году капитан 2-го ранга П. Ф. Кузмищев был назначен капитаном Астраханского порта. Четыре последующих года службы на Каспии он успешно совмещал с научными занятиями, удостоившись звания члена-корреспондента Общества сельского хозяйства южной России. В 1844 году капитан 1-го ранга Кузмищев был переведен в Архангельск на должность командира порта. Это было его последнее место службы. В 1846 году он был произведен в контр-адмиралы. Архангельский период жизни Кузмищева был связан с его деятельной работой по созданию метеорологической службы порта, организации портовой библиотеки, школы кантонистов Морского ведомства.

Кузмищев был необыкновенно трудолюбивым человеком. Он занимался исследованием речных фарватеров, отладкой маяков, изучением гидрологического режима Белого моря. С особой любовью он собирал и записывал слова и идиомы поморских говоров и делал это с одинаковой увлеченностью всюду, куда забрасывала его флотская судьба. Перу П. Ф. Кузмищева принадлежат опубликованные в различных изданиях материалы по истории беломорской лоцманской службы, результаты его собственных работ в области сельского хозяйства. Статья Кузмищева «Собрание особых поморских и речных слов, употребляемых на Восточном океане и в Восточной Сибири», опубликованная в «Записках Гидрографического департамента» за 1844 год, и сегодня служит ценнейшим источником для исследования истории русско-камчадалских говоров. Известны также «Заметки о лесах и кустарниках, растущих на Камчатке», опубликованные Кузмищевым в «Лесном журнале» за 1836 год. П. Ф. Кузмищев был избран членом Русского вольного экономического и Русского Географического обществ.

Контр-адмирал Павел Федорович Кузмищев умер 27 июня 1850 года. Похоронен в Соломбале.

Пролив Литке

Пролив Литке разделяет остров Карагинский и восточный берег Камчатского полуострова. Получил название в начале XX века в честь капитан-лейтенанта Ф. П. Литке, в 1828 году впервые описавшего пролив со шлюпа «Сенявин».

Федор Петрович ЛИТКЕ (1797—1882) — известный русский мореплаватель, географ, адмирал. С 1864 года — президент Петербургской Академии наук. В 1817—1819 годах мичман Литке принял участие в кругосветном плавании шлюпа «Камчатка» под командованием В. М. Головнина. Он побывал на Камчатке, Командорских и Алеутских островах, в Русской Америке и на Гавайях.

В 1821-1824 годах Ф. П. Литке возглавил правительственную экспедицию, созданную для исследования Новой Земли. Участникам экспедиции в труднейших условиях Заполярья удалось выполнить большой объем работ по описанию западного побережья Новой Земли от Карских ворот до мыса Нассау. Результаты своих исследований Литке обобщил в книге «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля». Книга принесла молодому ученому-моряку мировую известность.

В 1826—1829 годах капитан-лейтенант Литке руководил кругосветной экспедицией на шлюпе «Сенявин». Перед экспедицией, в которую помимо моряков вошли ученые, были поставлены задана летописанию восточных и юго-восточных берегов Чукотки, изучению малоисследованных участков побережья восточной Камчатки, берегов Охотского моря и Шантарских островов. К выполнению этого обширного плана Литке приступил летом 1828 года. «Обстоятельства,— писал он И. Ф. Крузенштерну осенью 1828 года из Петропавловского порта,— так худо нам благоприятствовали, что мы едва четвертую долю всего предписанного могли исполнить... В южной части Камчатки успели мы определить надежно положение всех главных пунктов — от Авачинской губы до Олюторского мыса, а Карагинский остров описали подробно. Между определенными нами пунктами легко будет вместиť подробную опись берега».

Экспедиция Литке охватила подробный гидрографической съемкой обширные пространства побережий Азиатского материка России с прилегающими островами (острова Карагинский и Верхотурова, берег от мыса Дежнева до устья реки Анадырь), а также океанские острова, в частности, Святого Матвея, Прибылова, некоторые из Алеутских. По возвращении в Европу Литке открыл Каролинский архипелаг с цепью коралловых островов, названных островами Сенявина.

Экспедиции Литке принадлежит заслуга открытия 12 и описания 26 островных групп и отдельных островов. Все новейшие астрономические и гидрографические наблюдения были использованы Литке для составления более 50 карт, которые вошли в Мореходный Атлас, изданный Гидрографическим департаментом Морского штаба в 1835 году. В 1834—

1836 годах вышла книга Ф. П. Литке «Путешествие вокруг света, совершенное... на военном Шлюпе «Сенявине» в 1826, 1827, 1828 и 1829 годах флота капитаном Федором Литке». В это издание были включены работы ученых-натуралистов Постельса, Мертенса, Китлица, принимавших участие в плавании. Труды Литке были высоко оценены А. Гумбольдтом и Ж. Кювье, а выход последнего тома «Путешествий» из печати называли крупным явлением в географической литературе того времени. Ф. П. Литке был главным организатором созданного в 1845 году Русского Географического общества. Избранный вице-председателем общества, Литке руководил им до 1873 года, исключая семь лет, когда он был командиром Ревельского, затем Кронштадтского портов. Будучи президентом Петербургской Академии наук, Литке уделял особое внимание работам Пулковской астрономической и Павловской магнитно-метеорологической обсерватории. Был почетным членом многих русских и иностранных научных учреждений.

В 1873 году Русским Географическим обществом была учреждена золотая медаль имени Ф. П. Литке. В честь знаменитого русского мореплавателя, ученого названы многочисленные географические объекты Новой Земли, островов Франца-Иосифа, архипелага Норденшельда, острова Унимак, юго-западного побережья Охотского моря, Берингова пролива, остров в Чукотском море, пролив между полуостровом Камчатка и островом Карагинским.

Остров Карагинский

Остров Карагинский лежит посередине одноименного залива и отделен от коренного берега полуострова проливом шириной до 25 миль. Это самый крупный остров камчатского побережья. Контурами он напоминает тело морского животного или рыбы. Длина острова между крайней южной его оконечностью (мыс Крашенинникова) и крайней северной (мыс Голенищева) доходит до 60 миль при наибольшей ширине до 20 миль.

Впервые изображение острова Карагинского появилось на «Чертеже вновь Камчадалские земли», составленном по данным похода В. В. Атласова (1697 г.) сибирским картографом С. У. Ремезовым. Чертеж датирован концом XVII века. Очертания острова на нем даны весьма условно, но в районе пролива между камчатским и островным берегами помещена примечательная надпись: «Один [день] перегребу». Участники похода Атласова на острове не были, и появление надписи связано, очевидно, с какими-то дополнительными сведениями, имевшимися у Ремезова. Вполне вероятно, что это были сведения о походе казачьего десятника Ивана Голыгина, совершенном на рубеже XVII—XVIII веков из Анадыря на Камчатку. Известия об этом содержатся на более поздних картах, в частности, «Картах мест от Енисея до Камчатки лежащих», где помещена следующая надпись: «Остров или земля. А на ней люди все неясашные. Бывал на ней Иван Голыгин. Лисицы бурые и сиводушчатые

есть». Содержание этой надписи дополняется сведениями, полученными в Якутске в 1710 году. В них сообщалось, что на острове был Иван Голыгин с товарищами «сам третий», и что «грести де до того острова в байдарках день».

В 1740 году в остроге Карагинском, что на коренном камчатском берегу, побывал С. П. Крашенинников. Он подтвердил сведения о том, что остров обитаем и привел несколько любопытных подробностей: «На помянутом острову живут коряки ж, которых однако прочие за свой род не признают, но называют их Хамшарен, то есть собачьим отродьем, для того, что по мнению их Кутх не сотворил там людей, но одних собак, которые потом в людей переродились... их человек до ста. С матерой земли переезжают к ним летом в лахташных байдарках, а зимой не ездят». Следует отметить, что местное название острова Карагинского— Атъямтын (Собачий) до сих пор помнят старики-коряки, живущие в Карагинском районе.

В первой трети XVIII века остров Карагинский был уже достаточно хорошо известен русским. Достаточно верно он показан на карте геодезиста И. Б. Евреинова, представленной в 1722 году Петру Первому. Однако долгое время остров не представлял особого интереса, поскольку был сравнительно беден ценным пушным зверем. Осенью 1746 года на его восточном побережье потерпело крушение нижнекамчатское судно «Св. Евдоким», возвращавшееся от Алеутских островов. Команда с известным камчатским мореходом М. Неводчиковым с трудом пробралась к западному берегу и, гостеприимно встреченная коряками-островитянами, перезимовала. Летом следующего года промышленники на двух байдарках вернулись в Нижнекамчатск.

В 80-е годы XIX века остров Карагинский, славившийся моржовыми лежбищами, привлек внимание иностранных, в первую очередь, американских хищников. Пользуясь слабым контролем русских территориальных вод, команды американских зверобойных шхун беспощадно уничтожали островного моржа. Так, в 1878 году, в результате набега шхуны некоего Пратта, было полностью истреблено лежбище на мысе Сенявина, насчитывавшее более 1500 моржей. К концу XIX века моржи острова Карагинского были истреблены окончательно. Они начали появляться у островных берегов лишь спустя 60 лет благодаря природоохранным мерам Советского государства.

Первые гидрографические сведения о Карагинском были даны штурманами Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринга, поместивших в 1728 году на карте два географических объекта острова: горы Туманную и Высокую. Первое географическое описание острова Карагинского сделал С. П. Крашенинников. В 1828 году первую морскую съемку осуществили офицеры шлюпа «Сенявин» под командованием капитан-лейтенанта Ф. П. Литке. Экспедиция провела в карагинских водах десять суток. Ф. П. Литке, натуралисты А. Постельс, К. Мертенс, К. Китлиц составили описание рельефа острова, его растительности, животного мира. В августе 1897 года остров посетили на судне «Линнет» американцы Б. Гамильтон и Г. Джонс,

оставившие сведения о населении острова, его хозяйстве, быте. В 1910 году на острове побывал приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, проводивший инспекторскую поездку по тихоокеанским побережьям России и выпустивший затем полезную книгу. В 1912 году остров был детально исследован известным русским ученым С. А. Грюнером и сопровождавшим его И. Е. Лариным, впоследствии партийным и советским руководителем области. С. А. Грюнер оставил подробное физико-географическое описание острова, описание его населения, хозяйства. Гидрографические исследования Карагинского обобщил на основе собственных работ замечательный дальневосточный гидрограф Б. В. Давыдов, автор капитального труда «Лощия побережий РСФСР Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки с островом Карагинским включительно» (Владивосток, 1923).

В первые годы советской власти население острова Карагинского состояло из нескольких семейств кочевых (островных) коряков, насчитывавших до 75 человек, и небольшого числа русских — рыбаков, охотников, звероводов, живших в селах Ягодном (у мыса Горбатого) и Островном (в бухте Ложных Вестей). В 1928—1929 годах на острове работала комплексная экспедиция Тихоокеанской научно-промысловой станции, выяснявшая возможности развития здесь звероводческого хозяйства. В последующие годы развитие островного хозяйства носило комплексное, промыслово-оленоводческое и звероводческое направление. Были предприняты попытки акклиматизации на острове канадской ондатры, песца, американских серебристо-черных лисиц. Созданный в бухте Ложных Вестей Карагинский комбинат АКО был ориентирован на промысел трески. Однако к началу 40-х годов, в силу неблагоприятных климатических циклов, организационных неурядиц, пушное звероводство на острове было свернуто, и попытки определить оптимальный вариант дальнейшей судьбы острова, прерванные войной, в дальнейшем не получили конкретного развития. В 60-е годы сформировалась иная концепция, согласно которой остров Карагинский с его уникальной природой, животными и птицами объявлен в 1976 году комплексным заказником.

Бухта Ложных Вестей

Бухта (губа) Ложных Вестей вдаётся в западный берег острова Карагинского между устьем реки Гнунваям (Половинная) и лежащим в 6,6 мили к северо-западу мысом Семенова. Происхождение названия бухты связано с гидрографическими исследованиями известного русского мореплавателя, ученого Ф. П. Литке на шлюпе «Сенявин» у восточного берега Камчатки. Отправляясь в 1827 году в первое плавание из Авачинской губы к Русской Америке, Литке обратился к помощнику начальника Камчатки П. Ф. Кузмищеву с просьбой собрать сведения о бухте на западном берегу острова Карагинского, известную до той поры лишь по слухам. Литке надеялся использовать в дальнейшем эту бухту как базу для шлюпа с тем, чтобы более тщательно осмотреть берега острова, еще совершенно не

изученные. П. Ф. Кузмищев, отправившись в поездку по Камчатке, постарался собрать у береговых коряков все возможные сведения об острове и его западной бухте. Коряки сообщили, что эта бухта на острове единственная, большая и достаточно глубокая. По возвращении П. Ф. Литке на Камчатку эти сведения были ему переданы. Выйдя летом 1828 года из Авачинской губы, шлюп «Сенявин» отправился на северо-восток. Встав у западного берега острова Карагинского, Литке отправил в район бухты шлюпку для рекогносцировки. Разведку произвели мичман Иван Ратманов и поручик корпуса флотских штурманов Василий Семенов. «Описатели,— отметил Литке,— вернулись поздно вечером, кошка найдена протягающеюся на 7 миль к западу и юго-западу и образующею в верхнем конце гавань. 10 футов глубиною и, следовательно, для малых судов только годною». Поскольку информация П. Ф. Кузмищева о пригодности бухты для укрытия крупных судов не подтвердилась, ей было решено дать название бухта Ложных Вестей. Прилегающий к ней мыс был назван мысом Семенова — в честь штурмана шлюпа Василия Семенова.

Река Кичига

Река Кичига впадает в пролив Литке в 9,4 мили от устья реки Паклаваям. Река Кичига (по Крашенинникову—Кычигин) известна русским с начала XVIII века. Примерно тогда же получила от казаков наименование Воровской — в связи с жившими в этом районе немирными родами коряков-карагинцев.

В XIX веке через корякское селение Кичига (местное название Хоранмыткуны), находившееся в семи километрах от устья реки, пролегал почтовый тракт от Нижнекамчатска на Гижигу.

В годы коллективизации в селе был создан национальный рыболовецко-оленоводческий колхоз «Новая жизнь». В двух милях к югу от устья Кичиги в 30-е годы была построена рыбная база Кичигинского рыбокомбината Акционерного Камчатского общества. База № 1 находилась в одной миле к северу от устья реки Паклаваям.

Остров Шилка

Небольшой остров Шилка лежит к юго-востоку от оконечности северо-восточного входного мыса залива Кичигинского. Корякское название острова — Къюттун («шишка»). Русское название дано в 1906 году офицерами военного транспорта «Шилка», патрулировавшего этот район.

С транспортом «Шилка» связана одна из примечательных страниц истории советского Дальнего Востока.

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции Владивостокский городской комитет РСДРП(б) получил пришедшее по нелегальным каналам письмо американских пролетариев. В послании сообщалось, что буржуазия США намерена окончательно уничтожить

революционный профсоюз «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ). Рабочие Сиэтла просили прислать к ним советских делегатов, чтобы рассказать американцам правду о событиях в России, о революции. Владивостокские большевики решили отправить в Сиэтл моряка Сибирской военной флотилии, члена РСДРП(б) Н. Д. Крюкова. В рейс в Америку наметили отправить военный транспорт «Шилка».

Началась подготовка к плаванию, которое было решено провести под видом обычного коммерческого рейса. Неблагонадежных в политическом отношении матросов перевели на другие корабли, их места заняли большевики с миноносцев. На корабле была тщательно спрятана революционная литература.

11 ноября 1917 года «Шилка» вышла в рейс и 21 декабря, выдержав по пути жесточайший шторм, добралась до Сиэтла. Городские власти запретили команде выход на берег. Американские газеты развернули клеветническую кампанию против владивостокского корабля, расценив его миссию как экспансию русской революции в Америку. Через несколько дней губернатор штата все же разрешил выход в город двум морякам. На пяти тысячном митинге в клубе ИРМ Н. Д. Крюков прочитал приветственное письмо Владивостокского горкома партии рабочим Сиэтла, рассказал о революционных событиях в России, о Советской власти, о Ленине.

Перед выходом «Шилки» в обратный рейс на борт судна были тайно доставлены несколько листов. Это было письмо американских рабочих В. И. Ленину. По возвращении «Шилки» во Владивосток оно было напечатано в газете «Красное Знамя». «Пусть не заблуждается русский народ,— писали американские пролетарии.— Такой вещи, как свобода слова, свобода печати, свобода собраний не существует в Америке, и демократия, о которой болтают капиталисты, только ловушка. Ваша борьба по самому своему существу — наша борьба, ваша победа:—наша победа...»

Залив Уала

Обширный, открытый к югу залив Уала вдается в коренной берег полуострова Камчатка в северном направлении между островом Шилка и полуостровом Ильпырь. Северо-западной частью залива Уала является лагуна Аннуявгын, в которую впадает река Валоваям (в переводе с корякского — «река потерянного устья»). В юго-западной части лагуны, в двух милях от ее устья располагалось старинное корякское село Анапка (Старая Анапка), где в 1935 году возникла рыболовецко-оленоводческая артель «Тумгытум» («Товарищ»). На базе ее позднее организовался один из крупнейших национальных колхозов Карагинского района «Тумгутум» (искаженное от «Тумгытум»). Центральная колхозная усадьба ныне располагается в поселке Ильпырь.

Остров Верхотурова

Остров Верхотурова расположен в северной части пролива Литке, в 21 миле к северу от острова Карагинского. В некоторых источниках носит название Малый Карагинский. Остров Верхотурова невелик: его окружность у основания достигает 4 миль, ширина в поперечнике меньше мили. Остров — возвышенный, имеет форму усеченного конуса с плоскогорьем в верхней части до 300 метров высотой. Берега острова, усеянные множеством подводных и надводных скал, почти со всех сторон, кроме северо-западной, обрываются в море крутыми скалами.

Остров Верхотурова стал известен русским на рубеже XVII—XVIII веков, возможно, и ранее, со времен первых походов в северные земли Камчатского полуострова. Остров назван по фамилии приказчика Протопопова-Верхотурова, погибшего при сборе ясака с коряков-карагинцев. Корякское название острова — Чачамэ («старая женщина»). Первые сведения об острове Верхотурова содержатся в трудах С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера, участников Второй Камчатской экспедиции. По данным Стеллера, приведенным Крашенинниковым, остров изобилует черными лисицами, «которых олюторы, кроме крайней нужды, не ловят, внимая за грех и опасаясь от того крайнего нещастия».

Первая морская опись острова Верхотурова была осуществлена летом 1828 года со шлюпа «Сенявин» под командой известного русского мореплавателя, исследователя Арктики Ф. П. Литке. Первые натуралистические наблюдения на острове провел участник этой экспедиции ученый А. Постельс. В трудах Ф. П. Литке приведены следующие сведения об острове: «От северо-западной стороны протянулся низменный мыс, на котором видны кресты, балаганы и развалины юрт, следы посещений олютор и камчадал, кои переезжают на сей остров для промысла черно-бурых лисиц и иногда для сего тут зимуют. Зверь этот до сих пор исключительно тут водится, на Карагинском острове его нет вовсе, и на соседственном матером берегу весьма немного. Суеверная какая-то боязнь, заставляющая олютор, по словам Стеллера, беречь сего зверя, изъясняет, может быть, то странное обстоятельство, что его по сию пору на столь малом пространстве совершенно не извели». Участники экспедиции Литке застали в 1828 году остров необитаемым, каким он и остался до настоящего времени. Нет, впрочем, достоверных фактов, что остров Верхотурова был заселен и во времена первых русских походов. Случай же с Протопоповым-Верхотуровым, погибшим в 1705 году, может свидетельствовать и о том, что приказчик имел дело с плававшими на остров береговыми коряками-охотниками.

В 1928 году, при организации звероводческого хозяйства на соседнем острове Карагинском, специалисты Акционерного Камчатского общества выпустили на остров Верхотурова шесть пар белого песца. Песцы сильно размножились, однако численность их затем стала резко сокращаться из-за зимних миграций зверя на коренной берег полуострова. Нескольких песцов видели на острове в 60-е годы, но сейчас этого зверя здесь уже нет.

В 20—30-е годы остров Верхотурова регулярно посещался сезонными бригадами зверобоев, занимавшихся здесь промыслом морского зверя. С того времени на северо-западной оконечности острова остался одинокий крест над могилой Арефия Корниловича Комарова, зверобоя из села Шкотово, выходца из знаменитой дальневосточной семьи Комаровых, о которой писал в свое время В. К. Арсеньев.

В 60—70-е годы северо-западные пляжи острова Верхотурова стали вновь постепенно осваивать моржи. Численность их с каждым годом увеличивается, и по последним данным сезонные залежки моржа превысили четыре тысячи голов. В 1975 году учеными и специалистами Биолого-почвенного института ДВНЦ АН СССР и Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства был впервые описан растительный и животный мир острова Верхотурова, оказавшийся уникальным.

В 1976 году остров Верхотурова с его специфической экосистемой был объявлен комплексным заказником областного значения.

Полуостров Ильпырь

Полуостров Ильпырь (Ильпыр) разделяет заливы Уала и Анапка. Вплоть до 30-х годов XIX века носил название Ильпинский Нос (мыс). Известен русским со второй половины XVII века. Условное изображение мыса под названием Ильпен (Илпен) впервые появилось на так называемой «Карте якутского дворянина Ивана Львова», датированной приблизительно 1710 годом. Первое описание мыса Ильпинского дал С. П. Крашенинников со слов Карагинских коряков: «...Ильпинский нос, которой верст на 10 вытянулся в море. Сей нос у матерой земли весьма узок, песчан и так низок, что вода чрез него переливается, а на изголовье широк, каменист и высок посредственно». В описании Крашенинникова 1740 года легко угадываются современные детали полуострова Ильпырь: песчаная коса Милютынен (в переводе с корякского—«заячья») и возвышенная оконечность полуострова с холмом Тааниклынан.

Летом 1828 года залив Карагинский обследовали офицеры шлюпа «Сенявин» под командой Ф. П. Литке. Они приняли за полуостров Ильпинский другой, более приметный с моря, соседний полуостров Говенский и поместили его на карте под новым названием. Визуальная ошибка штурманов «Сенявина» привела к редкому в гидрографической практике случаю: названия мысов Ильпинский, Говена, Олюторский были смещены Литке к северо-востоку на целый порядок, что было закреплено на всех последующих картах. «Потерявший» свое истинное название полуостров Ильпинский со временем приобрел новый топоним —Ильпырь (Ильпыр). Возможно, происхождение его связано с названием Инпыир, которое носит соседний островок в заливе Уала. В конце 20-х годов на песчаной косе Милютынен полуострова Ильпырь были построены рыбная база Дальморепродукта и рыбная база № 4 Кичигинского комбината

Акционерного Камчатского общества. В 1929 году северный поселок (база № 4) стал носить название Ильпырь. Здесь была создана центральная база Анапкинско-го рыбокомбината. Рядом с комбинатским поселком впоследствии начала строиться центральная усадьба национального рыболовецкого колхоза «Тумгутум», куда переселились жители Анапки (Старой Анапки).

Полуостров Ильпинский

Полуостров Ильпинский разделяет заливы Карагинский и Корфа. Известен русским с середины XVII века. Вплоть до 30-х годов XIX века носил название Говенский Нос (мыс) в связи с расположением на его оконечности корякского селения Говынк. С. П. Крашенинников (1740 г.) упоминает о существовании речки Говенки (Калангуваем), «которая пала в внутреннюю губу длиною и шириною верст на 6». Судя по сведениям Крашенинникова, это нынешняя речка Лыгинмынваям, впадающая в лагуну Лыгинмын бухты Гека.

Летом 1828 года мыс (нос) Говенский был нанесен Ф. П. Литке на карту под названием Ильпинский. Ошибка Литке, доверившегося визуальной рекогносцировке с борта шлюпа, была закреплена на всех позднейших картах. На возникшее несоответствие целого ряда географических названий этого района (мысы Ильпырь, Ильпинский, Говена, Олюторский) истинным местным топонимам обратил внимание еще в начале XX века М. Е. Жданко, начальник Гидрографической экспедиции Восточного океана. В 1967 году этим вопросом специально занимался историк В. П. Кусков, выяснивший причины территориальной аномалии некоторых географических названий карагинско-олюторского побережья.

Кекур Неупокоева

Кекур Неупокоева находится в 3,4 мили к юго-западу от мыса Ильпинского. Это две тонкие остроконечные скалы, вертикально стоящие на общем основании. Одна из скал имеет высоту около 15 метров, другая наполовину ниже.

Кекур Неупокоева назван (предположительно) в 1885 году шкипером шхуны «Сибирь», известным дальневосточным гидрографом Ф. К. Геком в честь В. К. Неупокоева, капитана дальнего плавания, гидрографа, начальника Владивостокского училища дальнего плавания.

Залив Корфский

Корфский залив (в дореволюционных лоциях — залив барона Корфа) расположен между мысами Ильпинский и Говена, вдаваясь в глубь полуострова на 45 миль. Назван в 1885 году шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком по фамилии первого приамурского генерал-губернатора А. Н. Корфа.

Под названием Люторское (Олюторское) море залив Корфа был известен русским землепроходцам уже на рубеже XVII—XVIII веков. Происхождение названия связано с тем, что по берегам залива жили коряки, которых русские называли люторами (олюторами). Первые дошедшие до нас сведения о заливе дал в 1697 году В. В. Атласов: «А на море около люторов зимою лед ходит, а все море не мерзнет». В XVIII веке залив был достаточно хорошо изучен, сохранились сведения о плаваниях русских людей у берегов залива на байдарках еще в первой четверти XVIII столетия. Впервые гидрографическая рекогносцировка этого района была предпринята офицерами Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринга, нанесшими в 1728 году с бота «Св. Гавриил» пограничные географические объекты залива, известные ныне как мысы Ильпинский и Говена. Первое описание (опросное) Корфского залива (Олюторского моря) осуществил в 1740 году участник Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга — А. И. Чирикова студент С. П. Крашенинников. На составленной им карте Камчатки море Люторское изображено достаточно точно. В 1776 году этот район нанес на карту лейтенант И. Синдт во время плавания галиота «Св. Екатерина» к Берингову проливу. Первое детальное гидрографическое исследование Корфского залива предпринял в 1885 году известный дальневосточный мореплаватель, гидрограф Ф. К. Гек. По результатам его съемки Главное Гидрографическое управление издало первую частную карту залива.

Бухта Гека

Бухта Гека находится на западном побережье залива Корфа. На берегу бухты в 1927 году была построена рыбная база № 1 Акционерного Камчатского общества, рядом возникло село Гека. Местные коряки называли бухту Калику (буквально — «пестрая нерпа»).

Бухта Гека была названа по фамилии известного исследователя дальневосточных морей, шкипера Фридольфа (Фабиана) Кирилловича Гека (1836—1904).

Фридольф (Фабиан) Кириллович ГЕК родился в Гельсингфорсе (Финляндия) в приходе Тенала 20 декабря 1836 года. Начал плавать на судах с одиннадцати с половиной лет. 18 мая 1848 года был зачислен кают-юнгой на бриг «Ольга», совершавший рейсы в Англию. В следующем году принял участие в плавании к берегам Южной Америки. В 1850 году на трехмачтовом корабле «Або» четырнадцатилетний Гек побывал в Любеке, Лондоне, Плимуте, Бергене, Кардиффе, посетил Кубу. 16 октября 1854 года повидавший свет и хлебнувший морского лиха юноша поступил учеником в мореходную школу города Або (Турку) и через два года выдержал экзамен на штурмана. Однако еще несколько лет Геку пришлось скитаться юнгой на корабле «Джо» по портам Франции, Англии, Италии. 15 августа 1857 года он был принят гарпунером на китобойное судно «Граф Берг», принадлежавшее Российско-Финляндской компании (РФК), занимавшейся китобойным промыслом в дальневосточных морях. Компания существовала уже

несколько лет, прервав свою деятельность лишь на период англо-французской блокады Дальнего Востока. РФК имела к началу войны на тихоокеанском театре (1854—1855 гг.) три китобойных судна. Одно из них (шхуна «Аян») было сожжено англо - французами в Авачинской губе после эвакуации Петропавловского порта. Число китобойцев должен был пополнить «Граф Берг». Это было 600-тонное судно с пятью промысловыми вельботами и финской командой. На нем, прибыв на Дальний Восток, Гек плавал три года. Затем снова вернулся в Финляндию, чтобы закончить образование в мореходной школе города Або.

23 марта 1863 года Гек успешно выдержал экзамен на шкипера. В июне 1867 года, приняв командование китобойной шхуной «Александр II» с переселенцами-финнами на борту Гек отправился из Або на Дальний Восток. Он поселился на выделенном ему участке в бухте Гайдамак и по приглашению соотечественника, крупного дальневосточного предпринимателя О. В. Линдгольма, вновь занялся китобойным делом. Гек сконструировал несколько китобойных приспособлений, в частности, гарпунную пушку оригинальной конструкции. Занимался промыслом от берегов Кореи до Берингова пролива. В 1875 году финская колония в бухте Гайдамак дважды подверглась нападению хунхузов, причем, во второй раз погибла жена Гека, без вести пропал его сын. Гек переселился сначала на остров Аскольд, затем, в 1880 году, обосновался в бухте Нарве.

В разное время Ф. К. Гек командовал шхунами «Аннушка», «Сибирь», «Капрал», «Акула», «Тунгуз». С 1889 года плавал на шхуне «Надежда», а с 1892 года стал командиром шхуны «Сторож», принадлежавшей Министерству государственных имуществ. Это было первое судно дальневосточной русской морской охраны, патрулировавшее воды Охотского и Берингова морей. До этого функции охраны лежбищ ценных морских зверей попеременно исполняли корабли Тихоокеанской эскадры. По сути дела, не было ни одного района или участка побережья русского Дальнего Востока, куда бы не заглядывала небольшая парусно-моторная шхуна «Сторож», пытаясь оградить территориальные воды от многочисленных иностранных хищников. По наблюдениям Гека, с горечью писавшего о слабости и незащитности береговой охраны, только у Командорских островов с июля по сентябрь 1893 года хищничали до сорока иностранных шхун. В эти годы Ф. К. Гек стал непревзойденным знатоком русских дальневосточных морей, в особенности малоизученных районов побережья. Он тщательно и целеустремленно занимался гидрографическими исследованиями и оказал в этом деле неоценимую помощь не одному поколению моряков Дальнего Востока, даже в советское время долго пользовавшихся навигационными картами с обозначениями «По глазомерной съемке шкипера Гека». За многие годы плаваний Ф. К. Гек провел крупные гидрографические работы по описи побережий Камчатки, Кореи, исследовал приустьевые участки рек Приморья от мыса Лессепс до бухты Киевка с промерами глубин.

В 1904 году у Гека начались сильные головные боли и бессонница, приведшие к психическому расстройству и затем к самоубийству. Похоронен Гек во Владивостоке.

Имя одного из пионеров русского мореплавания на Дальнем Востоке, гидрографа дальневосточных морей, исследователя Фридольфа Кирилловича Гека в почете у дальневосточников. В его честь названы многие географические объекты побережий Тихого океана. В 1968 году в состав Дальневосточного флота вступило новое судно, построенное в Польше по заказу Советского Союза. Ему было дано название «Шкипер Гек».

Река Вывенка

Вывенка — крупнейшая из рек, впадающих в залив Корфа.

Это одна из самых примечательных рек в русской истории Камчатки. Под названием Лютора она впервые отмечается на «Чертеже земли Иакуцкого города» (1701 г.), принадлежащем перу тобольского картографа С. У. Ремезова. В ремезовском «Чертеже» отражены данные похода первооткрывателя Камчатки В. В. Атласова в 1697 году. Однако река Лютора (Олютора, Алютора) была несомненно, известна русским еще с 50-х годов XVII века, со времени первых походов в северные камчатские земли. Очевидно, тогда и была названа Люторой как крупнейшая из рек, протекающих по земле олюторских коряков (люторов). Упоминание о реке Люторе часто встречается во многих документах начала XVIII века в связи с существовавшим в том районе крупным корякским поселением (Олюторским острогом, посадом), стоявшем на стратегически важном пути русских из Анадырского острога на Камчатку. Воинственное поведение олюторских коряков, вступавших в столкновения с отрядами русских, вызвало необходимость возведения в районе реки Люторы одноименной русской крепости. Строительство ее началось в 1712 году казачьим десятником Щепоткой, однако вскоре было прекращено из-за постоянных набегов олюторцев. Лишь в 1714 году, после осады и взятия коряцкого Олюторского острога отрядом анадырского приказчика А. Петрова, русские получили возможность продолжить строительство своей крепости. Оно было закончено в 1715 году камчатским приказчиком А. Петриловским, но и после этого в течение многих лет крепость подвергалась нападениям олюторцев, сжигалась и снова восстанавливалась. Местонахождение русского и коряцкого Олюторских острогов до сих пор точно не выяснено.

Сохранились свидетельства о неоднократных плаваниях русских на байдарках из устья реки Олюторы к юго-восточным берегам Камчатки. Летом 1743 года в районе реки Олюторы побывал участник Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга — А. И. Чирикова ученый Г. В. Стеллер, описавший некоторые местные минералы и способ добычи китов коряками-олюторцами. Некоторые сведения о земле олюторцев собрал и другой участник экспедиции — С. П. Крашенинников. Он сообщил о «знатной» реке Олюторе и впервые привел коряцкий вариант ее названия — Уйулен. «На

сей реке,— отметил Крашенинников,— дважды строен российскими людьми Олюторский острог, впервые якутским сыном боярским Афанасьем Петровым на южном ее берегу, немного повыше устья впадающей в Олютору с полуденной стороны Калкиной речки, а другой раз гораздо ниже того места командой майора Павлуцкого... токмо оные вскоре оставлены и сожжены от олюторов. До последнего острога доходили с усть Олюторы в два дни лодками». По сведениям второй половины XVIII века среди существовавших на приморском берегу пяти олюторских острожков упоминается и Вывник, стоявший, вероятнее всего, на устье реки Олюторы и послуживший впоследствии поводом для переименования реки Олюторы в реку Вывнак (Вывенскую, Вывенку). В корякской же бытовой речи вплоть до последних лет стариками использовалось и другое название реки Вывенки — Энпиваям (буквально — «старуха-река»). Название же стоявшего на устье Вывенки одноименного села старожилы объясняют происхождением от слова «вывныльбу», которым обозначался корякский род, живший в низовьях реки.

В 1931 году на береговой террасе, где стояло несколько корякских юрт, был организован национальный колхоз им. В. И. Ленина. В 1934 году колхозники впервые приступили к морскому лову рыбы. К 1940 году колхоз располагал пятью неводами, одной кавасаки и тремя исабунэ (лодками японского образца). В годы войны здесь прославились трудовыми делами рыбачка Мария Конча, промысловики Семен Татха и Василий Ахайми. Впоследствии В. В. Ахайми первым среди коряков был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

В начале 70-х годов колхоз им. В. И. Ленина был реорганизован в колхоз им. А. М. Горького.

Село Медвежка

Село Медвежка расположено на западном берегу залива Корфа в 8 милях к северо-востоку от устья реки Вывенки.

Село возникло в 1929 году в связи с началом промышленных разработок Акционерным Камчатским обществом Корфского буроугольного месторождения. Село получило название по соседнему ручью Медвежьему. Существуют сведения, что приоритет открытия Корфского месторождения каменных углей принадлежит шкиперу шхуны «Сибирь» Ф. К. Геку. В 1885 году при обследовании побережья залива Гек впервые обнаружил выход угольных пластов и опробовал качество угля в топке судовой машины. В дальнейшем корфским углем периодически пользовались заходившие в залив суда, в основном промысловые шхуны. Первые геологические обследования корфских углей были предприняты С. Ф. Машковцевым (1912 г.), экспедицией Дальгеолкома (1928, 1931 гг.).-

Медвежка — поселок горняков. В непосредственной близости от него, на склонах горы Успения (Угольной), находятся карьеры, где производится добыча угля открытым способом. Уголь доставляется к береговому пирсу-эстакаде, где отгружается на транспортные суда.

Поселок Корф

Поселок Корф расположен на одноименной песчаной косе, отделяющей бухту Скрытую от Корфского залива. Возник в первые годы Советской власти (1923—1925 гг.) на месте, где производилась выгрузка пароходов, приходящих с необходимыми для этого прибрежного района грузами. В этот же период здесь началось строительство рыбной базы Охотско-Камчатского акционерного рыболовного общества (затем рыббаза № 5 АКО, центральная база Корфского рыбокомбината). В последние годы поселок Корфского рыбоперерабатывающего предприятия (завода) вырос в крупный населенный пункт Олюторского района.

Бухта Скрытая

Бухта (гавань, лагуна) Скрытая расположена в северо-западном углу вершины залива Корфа и образована низкой песчаной косой Корфской, выступающей от берега на 5,5 мили. Бухта Скрытая имеет длину до 8 миль и наибольшую ширину около 2 миль

Бухта названа Скрытой в 1801 году офицерами военного транспорта «Якут», проводившими гидрографические исследования в заливе Корфа. Происхождение названия связано с тем, что шкипер Гек, осуществлявший в 1885 году первую морскую съемку залива, не заметил скрытую Корфской косой пространную лагуну реки Авьявям, и на его карте Корфского залива эта лагуна отсутствует. Она была обнаружена лишь 16 лет спустя при шлюпочных обследованиях морского района с транспорта «Якут».

Село Тилички

Село Тилички, административный центр Олюторского района Корякского автономного округа, расположено на северном берегу бухты Скрытой. Село ведет начало от построенной в 1898 году заимки торговца Косыгина и нескольких корякских жилищ, находившихся на небольшом низменном мысе около речушки Аровеем. В начале XX века там же был поставлен казенный склад («магазин») под присмотром пятидесятника Падерина, первого русского поселенца на берегу бухты Скрытой. Побывавший здесь в 1910 году приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер отметил удачное расположение селения, жители которого уже успешно выращивали картофель и овощи. Село, возникшее на берегу удобной бухты залива Корфа, стояло на перекрестке путей, издавна проторенных в глубину Олюторской тундры. С. П. Крашенинников (1740 г.) упоминает о существовавшем неподалеку от речки Теличинской корякского острожка Теллечи (от «тэллычан» — «дверь жилища»). Теличинская речка — это, очевидно, современная Авьявям, впадающая в бухту Скрытую. По побережью залива Корфа (Олюторского моря) осуществлялись древние

контакты олюторских и Карагинских коряков, северных ительменов. Здесь проходили пути в северные районы корякской земли, на Чукотку. По этим местам пролегал один из основных маршрутов русских первопроходцев, шедших из Анадырского острога на Камчатку и обратно.

10 декабря 1930 года Постановлением ВЦИК об организации национальных округов в Корякском округе был образован среди прочих районов Олюторский с административным центром в селе Тиличики.

В 1932 году в селе Тиличики организовалась рыболовецко-оленьеводческая артель «Сталинец». Первым председателем артели стал коряк Василий Иванович Васагиргин, в недалеком прошлом активный участник борьбы с белогвардейцами на камчатском севере. В 1961 году маломощные колхозы в селах Тиличики, Култушино, Олюторка были объединены в один рыболовецко-оленьеводческий колхоз имени А. М. Горького с центральным отделением в селе Тиличики, точнее, в урочище Рогатынь. В 70-е годы, в связи с дальнейшим укрупнением колхоза, его центральная усадьба была перенесена в село Вывенка, где ранее располагался колхоз имени В. И. Ленина. В бывшем колхозном селе на берегу бухты Скрытой был создан совхоз «Тиличикский».

Холм Зеленый

На северо-восточном берегу бухты Скрытой к устью ручья Талалаевского примыкает помеченный на морских картах и в лоциях холм Зеленый, служивший самым приметным ориентиром при заходе в старое устье бухты. Местные корякские предания связывают эту отдельную куполообразную возвышенность с существовавшим здесь в древности крупным укрепленным корякским поселением (острогом). Косвенным подтверждением этому служат находки на склонах холма различных каменных орудий корякского неолита.

Отмечая воинственный нрав олюторских коряков, враждовавших со своими соседями на севере и юге, С. П. Крашенинников писал об особенностях прибрежных селений «люторов»: «...Жительство имеют свое на отъёмных местах и высоких крутых горах, где б имелись невыходные каменные утесы, а оттуда к их острожкам на помянутые горы или отпрядыши имеются всходы, а те всходы зимою уливают водою, а летом укрепляют валами земляными... юрты земляные, между юртами подземные ходы... чукоч не боятся, а сами от своих острожков вдаль не отлучаются».

Бухта Сибирь

Бухта Сибирь расположена в вершине залива Корфа, отделяясь от него низменной песчаной косой Конохвал. С начала XX века коса Конохвал, как и соседняя коса Корфская, служила местом выгрузки различных товаров, доставлявшихся в этот район морем. В 30-е годы на косе возникло село

Сибирское, где располагалась рыбная база № 6 Акционерного Камчатского общества. Село существовало до 1975 г.

Бухта Сибирь была открыта и впервые описана в 1885 году шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком и названа в честь судна. С этой шхуной связано немало страниц истории Дальнего Востока, Камчатки.

В 1877 году известный дальневосточный предприниматель О. В. Линдгольм купил паровую шхуну «Сибирь» грузоподъемностью 100 тонн. Судно было построено специально для китобойного промысла в 1875 году в Сан-Франциско. Корпус шхуны был набран из четырехдюймовой орегонской сосны, из этого же дерева была и палуба. Позднее палубный настил заменили приморским дубом. Корпус судна имел длину 28 метров и ширину 6,5 метра. Шхуна несла две мачты, имела маломощную машину, дававшую ход до двух узлов в полный штиль. Шхуна «Сибирь» была пионером отечественного китобойного промысла на Дальнем Востоке. Выйдя в первый рейс в 1877 году, она добыла пять китов и в последующие годы продолжала промысел в Охотском море, вступив в неравную конкуренцию с целой эскадрой пиратствовавших в русских водах иностранных китобойцев. В 1885 году О. В. Линдгольм отправил «Сибирь» к северо-восточным берегам Камчатки и Чукотки. В этой экспедиции, предполагавшей сбор моржового клыка, промысел морского зверя и торговлю с местными жителями, Линдгольм заручился поддержкой генерал-губернатора Приамурского края А. Н. Корфа. Командовать шхуной был приглашен опытный моряк Ф. К. Гек. В составе экипажа находился штабс-капитан А. А. Ресин, командированный Корфом для сбора статистических и других сведений в северном крае.

7 мая 1885 года шхуна «Сибирь» вышла из Владивостока на Хакодате, оттуда в Петропавловск, куда прибыла в конце месяца. 6 июня судно покинуло Петропавловский порт и направилось на северо-восток. Погода была чрезвычайно благоприятной, и Ф. К. Гек не преминул использовать эту редчайшую возможность для гидрографических работ. Будучи настойчивым и наблюдательным энтузиастом-исследователем, Гек учитывал то обстоятельство, что огромная по протяженности линия северо-восточного побережья азиатской России к тому времени была почти не изучена в деталях. Начав морскую съемку от бухты Караги, Гек занялся тщательными обследованиями побережья, продолжив их вплоть до Чукотского полуострова. Шхуна «Сибирь» вернулась во Владивосток в ноябре 1885 года, ее экипаж сделал крупный вклад в гидрографические исследования камчатско – чукотского побережья.

Река Култушная

Река Култушная впадает в северо-восточную часть залива Корфа, разделившись на несколько рукавов, которые образуют обширное общее устье в виде мелководной лагуны с небольшими низменными островками. Такие лагуны обычно назывались в различных районах России култуками (тюркское култук — «залив», «угол»). Отсюда и происхождение названия

реки. Корякское же название ее — Илир (буквально — «островная») — известно местным жителям-корякам и поныне. Неподалеку от левого приустьевого берега до 1979 года существовало старинное корякское селение Култушное, бывшее отделением рыболовецко-оленьеводческого колхоза имени А. М. Горького, центральная усадьба которого прежде располагалась в селе Тиличики. Местные корякские предания сохранили известия о существовавшем некогда у истоков реки Култушной (озеро Илиргытгын) селения Илир, откуда и переселилась к речному устью часть жителей. По реке Култушной в древности проходили летние и зимние пути к реке Пахаче и далее, в земли чукчей.

Бухта Скобелева

Бухта (гавань) Скобелева расположена в восточной части вершины залива Корфа в 3,3 мили на юго-запад от устья реки Култушной. Гавань образована низменной песчаной косой, отходящей от восточного берега залива. В южной части косы в конце 20-х годов рядом с корякским селением была построена рыбная база № 7 Акционерного Камчатского общества. Село носило название Олюторка (по впадающей в гавань речке Алутваям). В селе располагалось отделение национального колхоза имени А. М. Горького, центральная усадьба которого находилась прежде в селе Тиличики.

Бухта (гавань) была открыта в 1885 году шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком и названа по фамилии известного русского военачальника генерала М. Д. Скобелева, командовавшего войсками в Средней Азии в 1880-1881 годах.

Камни Драхенфельса

Камни (скалы) Драхенфельса представляют собой небольшую группу надводных, осыхающих и подводных камней, лежащих в 1,2 мили к западу от основания песчаной косы гавани Скобелева: Были открыты в 1885 году шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком и названы им скалами Геок-Тепе — по названию селения в Средней Азии, у которого генерал М. Д. Скобелев одержал одну из своих побед. В представленной в Гидрографический департамент карте скалы Геком не были показаны из-за малого масштаба. Поэтому летом 1901 года проводившие в этом районе гидрографические работы офицеры военного транспорта «Якут» назвали скалы по фамилии В. В. Драхенфельса, мичмана корабля, известного своими описями бухты Бечевинской и побережья полуострова Шипунского (1901 г.).

Полуостров Говена

Полуостров Говена разделяет заливы Корфа и Олюторский. Вплоть до 20-х годов XIX века носил название Люторский (Олюторский) Нос. Назван так русскими землепроходцами на рубеже XVII—XVIII веков по крупнейшей

реке данного района — Люторе (нынешней Вывенке), впадающей в Люторскую (Олюторскую) губу (современный залив Корфа). С. П. Крашенинников записал в 1740 году бытовавшее в то время корякское название Люторского Носа—Атвалык Нос. В древнем пласте корякских топонимов, напоминающих о прежнем названии полуострова Говена, сохранилось название небольшой речки — Алутваям, впадающей в гавань Скобелева, на берегу которой стояло корякское селение Олюторка.

Люторский (Олюторский) Нос был переименован в мыс Говена летом 1828 года командиром шлюпа «Сенявин» капитан-лейтенантом Ф. П. Литке во время плавания к Берингову проливу. Ошибка, вызвавшая смещение целого ряда названий географических объектов данного района на северо-восток, произошла по недосмотру руководителя экспедиции, передоверившегося результатам визуальных наблюдений с борта шлюпа (см. «Полуостров Ильпырь», «Мыс Ильпинский»). Составленные Литке карты в дальнейшем получили широкое распространение, закрепив возникшее несоответствие некоторых географических названий северо-восточного побережья Камчатки местным топонимическим реалиям. Впервые на это обратили внимание в конце XIX века дальневосточные гидрографы. Подробный анализ ошибки Ф. П. Литке осуществил историк В. П. Кусков (1967 г.).

Залив Олюторский

Залив Олюторский расположен между полуостровами Говена и Олюторским, вдаваясь в коренной берег на расстояние до 45 миль.

Залив известен русским со второй половины XVII века и первоначально носил название Пахачинская губа, в связи с впадающей в залив крупной рекой Пахача. Первые рекогносцировочные сведения о заливе были получены с борта бота «Св. Гавриил» в 1728 году участниками Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринга. Первое детальное описание залива было предпринято в 1885 году со шхуны «Сибирь» дальневосточным шкипером Ф. К. Геком, автором многих названий географических объектов этого района.

Бухта Южная Глубокая

Бухта Южная Глубокая расположена на восточном берегу полуострова Говена, вдаваясь в него на расстояние до 3 миль. Названа в 1885 году шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком в отличие от аналогичной по признакам бухты Глубокой, находящейся северо-восточнее мыса Олюторского. Бухта Южная Глубокая представляет собой типичный фиорд, зажатый высокими, обрывистыми сопками. Глубина бухты достигает местами 65 метров. Горные ручьи, спадающие с горных склонов в бухту, дают отличную питьевую воду, которой издавна пользуются заходящие суда.

В 40-е годы на берегу южного мыса бухты была построена рыбная база № 1 Акционерного Камчатского общества. Позднее в районе вершины бухты возник Новоолюторский рыбокомбинат. В 4 милях к северу от бухты Южной Глубокой находится небольшая бухточка, в которую через лагуну Тинтикун впадает речка Науйнэм. Здесь, на песчаной косе, существовала рыбная база № 2 АКО с поселком.

Бухта Лаврова

Бухта Лаврова лежит в 8,5 мили к северо-востоку от бухты Южной Глубокой. Бухта имеет вид узкого, стиснутого высокими горами фиорда длиной до 6 миль. Имея ширину между входными мысами 3,7 мили, бухта сужается к вершине до полумили. В этом месте выступающие от берегов две низменные песчаные косы формируют две бухты: Вестовую и Остовую.

В 1885 году бухту открыл и дал первое ее описание шкипер шхуны «Сибирь» Ф. К. Гек. Бухта была названа им по фамилии одного из основателей города Владивостока Лаврова.

В 1960 году на берегу бухты Лаврова комсомольцы и молодежь Камчатки по призыву обкома ВЛКСМ в короткие сроки возвели поселок Дружный, где были оборудованы крупные рыбопосольные базы, обслуживавшие Олюторскую сельдевую экспедицию. В 1975 году, в связи с истощением запасов олюторской жирующей сельди и регламентацией ее промысла, поселок Дружный прекратил существование.

Бухта Сомнения

Бухта Сомнения вдается в северо-западный берег Олюторского залива в 20 милях к северо-востоку от бухты Лаврова. Бухта имеет ширину между входными мысами около 2 миль, вершина ее врезана в коренной берег на 3 мили в виде узкого полукруглого рукава.

В 1885 году владивостокский шкипер Ф. К. Гек, обследуя со шхуны «Сибирь» этот район Олюторского залива, не смог уточнить детали замеченной им выемки берега, назвав этот сомнительный участок бухтой Сомнения.

В 2,5 мили к северо-востоку от бухты Сомнения берег образует небольшую впадину, сформированную выходящей сюда горной долиной. На берегу этой бухточки существовала сезонная рыбалка Акционерного Камчатского общества.

Мыс Крещенный Огнем

Мыс Крещенный Огнем расположен в 15 милях к западу от устья реки Пахачи. Впервые детально обследован и нанесен на карту под этим названием шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком в 1885 году. Причина названия не установлена. Предположительно, поводом для названия

послужил красный цвет береговых обнажений мыса. Аналогичная картина наблюдается на обрывах мыса, находящегося в 8 милях восточнее устья Пахачи, и названного Геком близким по смыслу топонимом— Красный. На восточной стороне мыса Крещенный Огнем, на берегу небольшой бухточки в 30-е годы была построена рыбная база № 5 Акционерного Камчатского общества.

Река Пахача

Река Пахача впадает в северо-восточную часть залива Олюторского.

В истории камчатского землепроходчества река Пахача (Погыча, Покач, Похача) упоминается уже к середине XVII века. Сохранились документы, давшие исследователям основания утверждать, что первооткрывателем реки Пахачи является казак Иван Ерастов. Летом 1646 года от И. Ерастова были записаны следующие сведения: «Ивашко Ерастов с товарищами 40 человек в распросе сказано, что де они отведали ныне новую землю: вышед из Ленского устья, иттить морем в правую сторону под восток на Яну и за Собачью, и за Олозейку, за Ковыму реку — новую Погычью реку. А в тое, государь, Погычью реку впало иные сторонние реки. А по той Погыче и иным сторонным рекам живут многие иноземцы разных родов... И наперед де, государь, сего и по се число на той реке русских людей никого не бывало».

Сообщение Ивана Ерастова, совершившего поход в земли северо-восточной Камчатки более чем на полвека раньше В. В. Атласова, является первым русским известием о реке Пахаче. На русских чертежах и картах изображение реки появляется уже с начала XVIII века. Интерес русских к этому району был связан в первую очередь со знаменитым пахачинским соболем. После того, как он был «выпромышлен», река Пахача, находившаяся в стороне от основных путей на Анадырский острог, сравнительно мало посещалась русскими. Вплоть до последней четверти XIX века прибрежный морской район реки Пахачи, как и все побережье Олюторского залива, изображался на картах весьма условно. Первые астрономические, магнитные, гидрографические корректировки в этом районе были осуществлены лейтенантом М. Л. Онацевичем с клипера «Всадник». Детальное описание береговой части залива Олюторского и, в частности, устья реки Пахачи, совершил в 1885 году со шхуны «Сибирь» владивостокский шкипер Ф. К. Гек.

В 30-е годы при устье реки Пахачи, имевшем тогда другую конфигурацию, на береговой песчаной косе были построены рыбоконсервные заводы № 5 и № 6 и рыбная база Акционерного Камчатского общества, вошедшие затем в систему Пахачинского (ставшего позднее Олюторским) рыбокомбината. Ныне Олюторский рыбоконсервный завод является самым восточным предприятием Камчатрыбпрома.

Река Апука

Река Апука, как и соседняя с ней река Пахача, известна русским землепроходцам с конца 40-х годов XVII века. О существовании ее, несомненно, было известно первооткрывателю реки Пахачи казаку Ивану Ерастову. Изображение реки на русских чертежах и картах появляется с начала XVIII века. Корякское название реки—Апокваям. В дореволюционных и первых советских лоциях река иногда называлась Олюторкой — в связи с расположением у полуострова Олюторского. Приустьевой район реки Апуки, богатый рыбой и морским зверем, был издавна заселен коряками, о чем свидетельствуют многочисленные археологические памятники. Вблизи устья реки располагалось древнее селение Апоккагыйнын (в переводе с корякского — «устьевое»).

В 30-е годы на песчаной приустьевой косе реки Апуки были построены рыбная база № 7 и рыбоконсервный завод (база № 8) Акционерного Камчатского общества (позднее — Олюторский рыбокомбинат). На его основе затем был организован национальный рыболовецко-оленьеводческий колхоз имени XX партсъезда.

Полуостров Олюторский

Полуостров Олюторский замыкает одноименный залив с востока. Известен русским со второй половины XVII века благодаря походам И. Ерастова, Л. Мороско, В. Атласова. Вплоть до 30-х годов XIX века носил название Пахачинский Нос в связи с расположением рядом с крупной рекой Пахачей. Советский исследователь Л. С. Берг приводит корякский вариант названия полуострова (мыса)—Ананнон, восходящий к местному корякскому названию большой лагуны на западном берегу полуострова (в русской транскрипции — Анана).

Очертания полуострова Олюторского (Пахачинского Носа) появляются на русских чертежах и картах с начала XVIII века. Летом 1728 года мыс был обозначен на штурманской карте Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринга во время плавания на боте «Св. Гавриил». Столетие спустя мыс Олюторский впервые нанес под этим названием на карту командир шлюпа «Сенявин» Ф. П. Литке. Ошибка Литке, сместившего ряд названий географических объектов района к северо-востоку, была закреплена на всех позднейших картах (см. «Полуостров Ильпырь», «Мыс Ильпинский», «Полуостров Говена»). Географическое положение мыса было уточнено путем астрономических наблюдений лейтенантом М. Л. Онацевичем в 1876 году во время плавания на клипере «Всадник». Детальное описание полуострова Олюторского осуществил в 1885 году знаменитый шкипер шхуны «Сибирь» Ф. К. Гек.

Летом 1912 года у мыса Олюторского работала гидрографическая экспедиция ледокольных пароходов «Таймыр» и «Вайгач». Специалисты провели здесь ряд астрономических и магнитных измерений.

Бухта Выйнмынтал

Бухта Выйнмынтал находится северо-восточнее мыса Олюторского и представляет собой небольшую береговую излучину между мысами Низким и Плоским. В конце 30-х годов на берегу бухты у восточной части лагуны был построен рыбоконсервный завод Топато Акционерного Камчатского общества, позднее Топатский рыбокомбинат. Возникший здесь поселок иногда назывался Новое Топато, в отличие от рыбной базы Топато (Старое Топато), располагавшейся юго-западнее, на берегу лагуны Яавн, в которую впадает речка Топато. Топатский рыбокомбинат был упразднен в начале 50-х годов. Позднее на месте бывшего поселка была открыта стационарная гидрометеостанция Камчатскгидромета.

Мыс Витгенштейна

Мыс Витгенштейна расположен северо-восточнее полуострова Олюторского, ограничивая с юго-востока бухту Амаян. Назван в 1885 году шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком по фамилии генерал-майора Витгенштейна, ревизовавшего Приамурское генерал-губернаторство в 1884—1885 годах. Выдвинувший эту точку зрения историк В. П. Кусков отверг существовавшее ранее мнение, что автором названия явился капитан-лейтенант Ф. П. Литке, давший его по фамилии русского генерал-фельдмаршала П. Х. Витгенштейна. В данном районе, как справедливо утверждает В. П. Кусков, шлюп «Сенявин» под командованием Литке к берегу не приближался, держась лишь в пределах его видимости и наблюдать бухту, естественно, не мог.

Бухта Глубокая

Бухта Глубокая расположена в 7 милях к северо-востоку от мыса Витгенштейна, вдаваясь в берег узким фиордом. В среднюю часть юго-западного берега бухты Глубокой вдается небольшая бухта Иматра.

Бухта Глубокая впервые описана в 1885 году шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком. Он и дал название бухте, определив промерами ее глубины, достигающие до 100 метров. Название Иматра также дано Геком в связи с имеющимся в вершине бухты водопадом, напоминающим по виду знаменитый водопад, находящийся в Финляндии.

Начиная с 30-х годов, практически не посещаемая до этого, бухта Глубокая служит местом временной стоянки и заправки водой первой советской китобойной флотилии «Алеут». Об этом напоминает название — мыс Китобоев в бухте Иматре, где похоронены три моряка с «Алеута». Названия мысов Чукча и Партизан даны в честь работавших в этом районе первых советских гидрографических судов Дальнего Востока «Чукча» и «Партизан». Якорная стоянка в бухте Иматре является лучшей на всем

протяжении берега от мыса Олюторского до мыса Наварин. Это также одно из удобных мест для заправки судов хорошей питьевой водой.

Бухта Петра

Бухта Петра вдаётся в берег между мысами Зосимы и Отвесным. Впервые описана в 1885 году со шхуны «Сибирь» шкипером Ф. К. Геком. Происхождение данного Геком названия не выяснено (в полном варианте — бухта Святого апостола Петра). Время пребывания «Сибири» в бухте и день Св. Петра по православному календарю не совпадают.

В 1910 году бухта Петра была обследована участниками русской полярной экспедиции на ледоколах «Вайгач» и «Таймыр».

Бухта Павла

Бухта Павла расположена в 9,5 кабельтова к северо-западу от бухты Петра между мысами Корякским и Входным. Впервые описана в 1885 году со шхуны «Сибирь» шкипером Ф. К. Геком. Происхождение данного им названия (в полном варианте — бухта Святого апостола Павла) не выяснено. Время пребывания шхуны «Сибирь» в бухте и день Св. Павла согласно православному календарю не совпадают.

В 1910 году бухта была обследована участниками русской полярной экспедиции.

В конце 30-х годов на южном берегу бухты Павла возник рыбозавод и посёлок Дальрыбoproдукта.

Бухта Наталии

Бухта Наталии расположена в 1,2 мили к северо-востоку от бухты Павла, между мысами Савватия и Высоким. Впервые описана в 1885 году шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком и названа им в честь Наталии Линдгольм, жены известного дальневосточного предпринимателя, владельца шхуны «Сибирь» О. В. Линдгольма. Левый входной мыс бухты с главенствующей над ним вершиной и левый входной мыс соседней бухты Петра, попадающие в створ при подходе с юга, названы Геком именами святых русской православной церкви Зосимы и Савватия Соловецких, день которых отмечался 8 августа.

На южном берегу бухты Наталии в конце 30-х годов был построен крабоконсервный завод Акционерного Камчатского общества (позднее Натальинский рыбокомбинат). Это было самое восточное предприятие Камчатрыбпрома. В 60-е годы рядом с бывшим комбинатским посёлком начал действовать сезонный забойный пункт для нагульных оленьих табунов Корякского автономного округа. Каждый год в конце лета в долину впадающей в бухту Наталии реки Ватыны перекочевывают многотысячные

оленьи стада. В корякской транскрипции название Ватына звучит как «ватылбын», что в переводе значит «отощавший олень».

Бухта Анастасии

Бухта Анастасии расположена к северо-востоку от бухты Наталии между мысами Дырявым и Складчатым. Первое детальное описание бухты осуществил в 1885 году со шхуны «Сибирь» шкипер Ф. К. Гек. Название (предположительно) дано Геком по имени своей дочери.

В 1910 году исследования бухты Анастасии, в частности, промеры ее глубин предприняли участники русской полярной экспедиции на ледокольных пароходах «Вайгач» и «Таймыр».

Бухта Рессина

Бухта Рессина расположена в северо-восточной части вершины бухты Анастасии. Названа в 1885 году шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком по фамилии участника плавания на этом судне штабс-капитана Л. А. Ресина.

Александр Алексеевич РЕСИН, армейский офицер, исследователь северо-восточной части азиатского материка, участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Позднее он был прикомандирован к Управлению вновь образованного Приамурского генерал-губернаторства. По поручению первого приамурского губернатора генерала Н. А. Корфа занимался статистико-экономическими работами на Дальнем Востоке, Крайнем Севере России. В 1885 году А. А. Ресин был командирован на шхуне «Сибирь» (шкипер Ф. К. Гек) в плавание из Владивостока к берегам Камчатки и Чукотки. Во время стоянки шхуны в Петропавловске Ресин собрал статистические данные о Петропавловском округе, которые представляют интерес и сегодня. В дальнейшем плавании у берегов Камчатки и Чукотки, где Гек занимался торговыми операциями и гидрографическими работами, Ресин предпринял этнографические экскурсии по прибрежным корякским и чукотским селениям. По возвращении во Владивосток он подготовил обстоятельный отчет о командировке, который затем был прочитан на заседании Русского Географического общества в Петербурге и после опубликования удостоился малой серебряной медали Географического общества. Вернувшись на Дальний Восток, А. А. Ресин занимался исследовательскими работами в Маньчжурии, Северном Китае.

Мыс Линдгольма

Полуостров Линдгольма с одноименным мысом расположен в бухте Анастасии и ограничивает бухту Рессина с юго-востока. Назван в 1885 году шкипером шхуны «Сибирь» Ф. К. Геком по фамилии владельца судна О. В. Линдгольма.

В 1850 году генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, один из инициаторов освоения восточного края России, основал Российско-Финляндскую компанию, главной задачей которой было развитие русского китобойного промысла в морях Дальнего Востока и вытеснение оттуда иностранных хищников — китобоев. Однако война 1854—1855 годов помешала развитию этого предприятия, и в 1860 году РФК была ликвидирована. В 1861 году была создана новая китобойная компания. Энтузиастами нового дела стали шкипер дальнего плавания **Отто Васильевич ЛИНДГОЛЬМ**, бывший студент Гельсингфорского университета А. Нордман, штурманы Тернквист и Форселер, работавшие ранее на китобойных судах РФК и имевшие некоторый опыт. Летом 1862 года финны добрались до Николаевска-на-Амуре. Купив здесь старый баркас и приведя его в порядок, тем же летом вышли в Охотское море. Энтузиастов китобойного дела энергично поддержал приамурский генерал-губернатор П. В. Казакевич. Компания О. В. Линдгольма занялась исследованиями Сахалинского залива в районе от устья Амура до реки Уды. Китобои собрали до полутора тонн китового уса и, выгодно продав его, построили факторию севернее устья Уды. После тщательной подготовки к предстоящему промыслу, весной 1864 года Линдгольм с товарищами вышли в море на специально снаряженных вельботах. Дело пошло успешно. В 1866 году предприятие, названное Тугурской китобойной компанией, имело уже четыре вельбота и небольшую шхуну. За последующие десять лет промысла компания выручила от китобойного дела более 400 тысяч рублей, что дало возможность Линдгольму рассчитаться со своими компаньонами и стать единственным владельцем предприятия. В 1877 году О. В. Линдгольм приобрел паровую шхуну «Сибирь», специально оборудованную под китобойца. Судно успешно работало в Охотском море, у берегов Камчатки и Чукотки, занимаясь одновременно торговыми операциями. В 1887 году Линдгольм основал во Владивостоке фирму «Линдгольм и К°». Новая фирма построила вблизи селения Никольского (ныне город Уссурийск) первую на Дальнем Востоке крупную паровую мельницу, мука которой стала успешно конкурировать с доставляемой сюда калифорнийской. Линдгольм вложил свои капиталы и в развитие угольной промышленности края, заложив неподалеку от Владивостока каменноугольные копи. О. В. Линдгольм стоял и у начала кирпичного дела в Приморье. Его фирма построила первый на Дальнем Востоке сухой док в порту Владивосток. В июле 1911 года во Владивосток прибыл построенный в Англии рыболовный траулер, купленный торговым домом «О. В. Линдгольм и К°». Судно получило название «Находка» и ловило рыбу в заливе Петра Великого. «Находка» была первым русским траулером, начавшим работать на Дальнем Востоке.

Отто Васильевич Линдгольм (1831 — ?) был очень заметной и популярной на Дальнем Востоке личностью. Старожил Владивостока, один из пионеров отечественного китобойного дела, мореплаватель и промышленник, он был большим патриотом своего края и энтузиастом

многих полезных начинаний. Умер во Владивостоке. В его честь, помимо полуострова в бухте Анастасии, назван мыс в бухте Находка.

Бухта Дежнева

Бухта Дежнева расположена в 11,7 мили к северо-востоку от бухты Анастасии, вдаваясь в берег на 2,3 мили. Названа в честь казака С. И. Дежнева.

Семен Иванович ДЕЖНЕВ — выдающийся русский землепроходец и мореход, родился в Сояльском стане Пинежской волости. Попав в 1630 году в Тобольск по набору служилых людей, был впоследствии переведен в Енисейск, в 1637 году вместе с Д. М. Зыряном, Ф. А. Чюкичевым и П. И. Губарем принял участие в открытии реки Индигирки. В 1638 году С. И. Дежнев служил в Якутске. Осенью 1640 года был на Алдане, затем служил на реке Яне вместе с Д. М. Зыряном. Весной 1641 года Дежнев привез ясак с Яны в Якутск и в августе получил назначение на реку Оймякон, под начало к М. В. Стадухину. По некоторым данным осенью 1641 года Дежнев ходил с Оймякона на реку Охоту в составе отряда А. Горелого и вернулся на Оймякон весной 1642 года. Вместе со Стадухиным плавал затем на Индигирку, Алазею и Колыму. Как и его земляк Михаил Стадухин, Семен Дежнев по праву является первооткрывателем реки Колымы и первостроителем Нижнеколымского острога.

В начале 1647 года С. И. Дежнев предпринял попытки организовать самостоятельный морской поход из устья Колымы к устью Анадыря, по пути, до того неведомому русским. Дежневу было подчинено четыре отряда: Федота Алексеева (Попова) Холмогорца, Афанасия Андреева и Бессона Астафьева, Герасима Анкудинова и его собственный. Летом 1647 года Дежнев попытался выйти в плавание на построенных из колымского леса четырех парусных кочах, однако вынужден был вернуться в Нижнеколымск из-за тяжелых льдов. На следующее лето кочи снова вышли в плавание из колымского устья, взяв курс на восток, к неведомому устью Анадыря. Из собравшихся на утлых суденышках людей никто не имел реального представления о земле, простиравшейся по правому борту кочей. В один из жестоких штормов без вести пропали два судна Федота Алексеева Холмогорца, у мыса, названного впоследствии в честь Дежнева, разбился коч Герасима Анкудинова.

«И носило меня, Семейку, по морю после Покрова богородицы всюду неволею и выбросило на берег в передней конец за Онандырь реку. А было нас на коче,— сообщал в своей «отписке» Дежнев,— всех 25 человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и боси. А шел я, бедной Семейка, с товарищи до Онандыры реки ровно 10 недель, и пали на Онандырь реку вниз блиско море, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И с голоду мы, бедные, врозь, разбрелись. И вверх по Онандыре пошло 12 человек».

На реке Анадырь оставшиеся в живых дежневцы зазимовали. Весной 1649 года Дежнев поднялся к верховьям Анадыря, где поставил зимовье, и жил там до мая 1659 года. Сдав зимовье Курбату Иванову, Дежнев прошел от верховьев Анадыря к истокам Анюя и вышел на Колыму. Летом 1661 года он отправился морем к Жиганску, куда прибыл поздней осенью, а весной 1662 года добрался в Якутск. Не успев отдохнуть после 12-летних странствий, летом того же года Дежнев выехал в Москву, куда прибыл через два года. Там он был поверстан в казачьи атаманы и получил причитавшееся ему «государево жалование». Вернувшись в Якутск в июле 1666 года, Дежнев служил в остроге, затем на реках Оленек, Яна, Вилюй. В 1670 году он повез в Москву «государеву соболиную казну». Скончался в столице в начале 1673 года.

Поход Семена Ивановича Дежнева занимает особое место в истории географических открытий. Дежневцы первыми из европейцев обогнули мыс, носящий ныне имя первооткрывателя, и преодолели пролив, названный впоследствии Беринговым, фактически доказав отсутствие перешейка, соединявшего, по мнению многих географов и картографов, Азию и Америку. В 1763 году М. В. Ломоносов писал, что «сею поездкою, несомненно, доказан проход морской из Ледовитого океана в Тихой, к чему наше главное намерение здесь простирается».

Мужественный образ отважного русского землепроходца и морехода остался в памяти народа на века. Плавание, которое совершил Дежнев, было повторено лишь 80 лет спустя со стороны Тихого океана экспедицией В. Й. Беринга, именем которого, по предложению английского мореплавателя Д. Кука, в 1778 году был назван пролив, отделяющий Азию от Америки. Через 120 лет после этого по представлению Русского Географического общества крайний восточный мыс Азии был назван мысом Дежнева. Имя великого морехода России носят также остров в море Лаптевых и бухта на крайнем северо-восточном побережье Камчатки.

ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ

Маяк Лопатка

Необходимость установки маяка на мысе Лопатка была вызвана сложными навигационными условиями плавания в Первом Курильском проливе и у берегов самого мыса. Множество рифов, подводных каменистых банок, быстрые приливно-отливные течения, мощные сулои — все эти коварные свойства пролива издавна снискали ему среди моряков недобрую славу. Уже на составленном в начале XVIII века «Чертеже вновь камчадалские земли» были помещены примечательные надписи: «пучина», «зде унесло», «розбило». С этим районом связано и первое в истории мировой науки описание явления цунами, сделанное исследователем Камчатки С. П. Крашенинниковым в 1737 году. «На первом Курильском острову... Сумшчу (Шумшу — В. М.) называемом трясение земли было... Октября 6 дня в 3 часу пополудни сперва земля так жестко тряслася, что от него многие балаганы попадали, и людям стоять невозможно было, и продолжалось с четверть часа. Оное трясение приходило волнами... и по прошествии валов земля чрез долгое время дрожала, а потом, как перестало трясение, то волны вдруг с моря с великим шумом сажени на три прибыло, которая тотчас в море далеко ушла. По сбежании воды в другой раз земля тряслася, а после опять вода с моря пришла... и также, как первая, нимало не стояв, в море ушла так далеко, что в проливе... камень великой дикой на сажень сверх воды виден был. Спустя с четверть часа в третий раз воды с моря с превеликим шумом сажен на десять выше прежних мест прибыло... все околежащие низменные места и не очень высокие горы покрыло». В результате этой катастрофы, захватившей район от острова Шумшу до Авачинского залива, в некоторых местах были существенно изменены очертания берегового рельефа южной части полуострова.

Вплоть до середины XVIII века связь с Камчаткой и ее административным центром Большерецком осуществлялась по Охотскому морю, и плавания Первым Курильским проливом были редкими. Тем не менее, сведения о нем постоянно пополнялись и уточнялись. После завершения Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга — А. И. Чирикова (1732—1743 гг.) резко возросло значение Нижнекамчатска, который стал опорной базой русских географических исследований в северо-восточной части Тихого океана, освоения Алеутского архипелага, Русской Америки. Плаванья из Охотского порта в Нижнекамчатск стали делом обычным, и для этих целей нередко выбирался Первый Курильский пролив. В этот период возросло и число крушений русских парусников на рифах мыса Лопатка и острова Шумшу. В 1801 году Адмиралтейств-коллегия издала специальный указ, запрещающий плаванья проливом.

К этому времени были уже достаточно хорошо освоены другие, более безопасные проходы между островами Курильской гряды. Однако не все мореходы придерживались инструкции, предпочитая пользоваться более

коротким, хотя и рискованным путем. Не всем удавалось пройти его благополучно. 27 октября 1806 года в Первом Курильском проливе погиб галиот «Охотск», шедший из Охотского порта в гавань Петропавловскую. Спустя пять лет у острова Шумшу потерпел крушение транспорт «Феодосия», направлявшийся из Охотского порта в Нижнекамчатск с ценным грузом и пассажирами, среди которых были женщины и дети. Приводимое здесь описание обстоятельств гибели судна дает полное представление об опасностях, подстерегавших тогда парусные корабли при плавании Первым Курильским проливом.

«Около полудни 4 сентября командир спустился было в пролив... но потом, обманувшись в надежде засветло войти в пролив, 10 часа вечера из осторожности привел к ветру... не сходил с верха, приказав вынести койку на ют. Транспорт шел около 2 узлов с дрейфом до 4 румбов. Прижимаемый к берегу, ночью поворотил на другой галс, когда же ему советовали стать на якорь, отказался, полагая, что судно может раздергать жестоким ветром и волнением. В 3 часа утра пятого берег уже открылся с палубы, и тогда только командир решился на поворот, начав его совершать против ветра и окончивши по ветру, при чем был прижат к берегу до глубины 7 сажен, потому стал на якорь. Но якоря не задержали, судно ударились о грунт, руль вышибло, корпус поворотило боком и волны полились через. Ночь была темная и ненастная, огни потухли, ветер свежел и буруны разламывали ветхое судно. Испуганные, полураздетые, все: команда и пассажиры, женщины, дети столпились на корме. Кто кричал в отчаянии, кто молился, несколько человек бросились в каюту и, разламывая сундуки, пьянствовали. Когда рассвело, узнали, что выкинуты у Первого Курильского острова и увидели всю безнадежность своего положения: транспорт разламывало волнами, ветер не утихал. Матрос Федоров, один промышленник и один ссыльный, отлично плавая, отважились броситься в воду и благополучно достигли берега. В ожидании возврата их с помощью прошли еще сутки. В следующую ночь погибли пять человек, снесенных волнами. Многие были так ослаблены, что не могли держаться, их привязывали к борту. На другой день переплыли на берег боцманмат Галандин и один ссыльный. Наконец на берегу показались две курильских женщины и развели огонь, а в 3 часу пополудни прежде выплывшие на берег привезли с собой маленькую лодочку. На этой лодочке переправлялась команда по 2—3 человека до самого вечера... 7 числа судно совсем разбилось. Зимовали на острове, питаясь выброшенным провиантом и охотой. В следующую весну специальное судно перевезло их в Охотск».

В 1875 году царское правительство уступило Японии весь Курильский архипелаг в обмен на южную часть острова Сахалин. С потерей Курил снова возросло значение Первого Курильского пролива. В последующие годы по различным программам русских гидрографических исследований Тихого океана этот район изучался офицерами Отдельной съемки Восточного океана, преобразованной затем в Гидрографическую экспедицию Восточного океана (ГЭВО). На основе этих работ в 1902—1909 годах была издана первая

русская лоция северо-западной части Тихого океана, составленная С. Р. де Ливроном и М. А. Клыковым, Кроме этого были произведены и частные (детальные) съемки побережий южной Камчатки и Первого Курильского пролива. Тем не менее, не оборудованный навигационными средствами пролив продолжал представлять серьезную опасность для мореплавания. В 1923 году у мыса Лопатка затонул, напоровшись на риф, пароход «Командор Беринг». В 1933 году сел на прибрежные камни мыса пароход «Кама». Эти и другие случаи ускорили строительство маяка на мысе Лопатка.

В 1933 году в двух километрах от оконечности мыса была установлена деревянная восьмиугольная башня с автоматическим ацетиленовым фонарем, возведены жилые постройки. Световой аппарат маяка, расположенный на высоте 52,7 метра над уровнем океана, имел дальность видимости до 10,5 мили.

В годы Великой Отечественной войны по огню маяка Лопатка определялись для входа в пролив конвои транспортных судов, следовавшие из портов Канады и США на Владивосток со стратегическими грузами. В военное время на противоположном, занятом японцами берегу острова Шумшу навигационные огни зажигались нерегулярно, а суда шли под прицелом орудий береговых японских фортов. Так было до 18 августа 1945 года, когда в Первый Курильский пролив вошли корабли с десантниками Камчатского оборонительного района, сбросившими японских милитаристов с Шумшу и соседних островов Курильской гряды.

Были восстановлены островные навигационные сооружения, а в 1957 году на мысе Лопатка, на месте старого деревянного маяка, была установлена 29-метровая чугунная световая башня нового. Этот маяк служит морякам и сегодня.

Река Камбальная

Река Камбальная впадает в одноименный залив на юго-западной оконечности полуострова Камчатки. Известна русским с начала XVIII века. Первые упоминания о ней на чертежах и картах относятся ко второму десятилетию XVIII века. Первооткрыватель Курильских островов И. П. Козыревский (1713 г.) и исследователь Камчатки С. П. Крашенинников (1737 г.) приводят варианты южноиттельменского (курильского) названия реки: Пидпут, Питпуй. «Россияне,— поясняет Крашенинников,— называют объявленную реку Камбалиною, потому что в устье ее много рыбы камбалы, тем же именем и озеро, из которого она выпала, и гору... по-курильски зовется она Мутепкуп».

После 1910 года на южном приустьевом участке реки Камбальной была построена сезонная рыбалка камчатского рыбопромышленника Грушецкого. Село Камбальское существовало до 1926 г.

Река Камбальная находится на территории Южно-Камчатского государственного республиканского заказ-пика.

Сопка Мошковская

Сопка Мошковская расположена на мысе Камбальном, ограничивающем одноименный залив с юга. Названа сопкой Машковцева в 1909 году участниками геологического отряда Камчатской экспедиции Русского Географического общества. В 1908 году капитан С. Ф. Машковцев произвел инструментальную геодезическую съемку мыса Лопатка и прилегающей к нему части восточного побережья. С. Ф. Машковцев известен и тем, что в 1912 году он на основе маршрутных исследований впервые описал геологическое строение прибрежного района залива Корфа и его буроугольные месторождения. Название сопка Машковцева со временем трансформировалось в закреплённый ныне на картах топоним «сопка Мошковская».

Сопка Кошелева

Сопка (вулкан) Кошелева открывается с моря на подходах к заливу Камбальному с юга. Расположена в 8,7 мили к северо-востоку от мыса Сивучьего.

Действующий вулкан Кошелева (местное название Чаохч) представляет собой большой конический массив высотой 1812 метров с кальдерообразной опустившейся северной частью. Вулкан получил название после 1910 года в связи с переименованием соседнего вулкана, которому было возвращено старорусское название Камбальная сопка, а прежнее — Кошелева — получило новую «прописку».

Вулкан Кошелева назван в честь командира Камчатки в период 1802—1807 годов генерал-майора **П. И. КОШЕЛЕВА**. Деятельность Кошелева на Камчатке получила в свое время высокую оценку руководителя первой морской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерна. В период пребывания в Петропавловском порту фрегата «Надежда» (1804—1805 гг.) камчатский командир П. И. Кошелев принял на себя все заботы об экипаже первого русского корабля, совершившего плавание с Балтики на Тихий океан. «Он в самом деле уверил нас в отличных своих достоинствах и приобрел право на совершенную нашу признательность и уважение», — писал Крузенштерн. П. И. Кошелев принял деятельное участие в подготовке плавания «Надежды» в Японию с дипломатической миссией И. П. Резанова. Отправляясь в сентябре 1804 года из порта Петропавловского в Японию, Крузенштерн назвал самую южную возвышенность полуострова Камчатка «в честь достойного камчатского губернатора горою Кошелева» (современная сопка Камбальная).

Камчатский комендант генерал-майор П. И. Кошелев вступил в должность летом 1802 года, сменив на этом посту генерала Сомова, отличившегося крайними злоупотреблениями по службе. Кошелев, будучи, по отзывам современников, исключительно честным и добросовестным человеком, повел решительную борьбу с местным казнокрадством,

взяточничеством и разнузданным произволом, чем вызвал резкое недовольство губернских сибирских властей. Оклеветанный своими подчиненными, устроившими против него заговор, Кошелев осенью 1806 года был отстранен от должности, по его «делу» возбудили следствие. Оно длилось два года, в течение которых содержащийся на Камчатке под домашним арестом Кошелев, подвергался унижениям и оскорблениям. Осенью 1809 года он был отправлен под арестом в Петербург и предан суду. Следствие длилось несколько лет. С началом Отечественной войны П. И. Кошелев вступил в народное ополчение и за особую доблесть в боях с французами был освобожден царским указом от суда.

Река Озерная

Устье реки Озерной расположено в 13,2 мили к северу от залива Камбального. О существовании крупной реки на юго-западе полуострова русским землепроходцам стало известно на рубеже XVII—XVIII веков. В 1697 году в непосредственной близости от реки Озерной закончил свой знаменитый поход В. В. Атласов, сообщивший первые сведения о южной части Камчатки, получившей название Курильской земли. «А в Курильской земле,— записали со слов Атласова в Якутске,— зимою моря птиц, уток и чаек много, а по ржавцам лебедей много ж, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остаетца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие и молния бывает по часту». В 1704 году в районе реки Озерной побывал отряд казаков Родиона Преснецова, первооткрывателя Авачинской губы. Преснецов сообщил сведения о существовании у истоков реки Паужетки (Пауджи) горячих источников. В 1706 году через реку Озерную пролег путь к Лопатке отряда Михаила Наседкина. Очевидно, в эти годы и родилось русское название реки, вытекающей из крупнейшего озера Южной Камчатки — Курильского.

В первом десятилетии XVIII века под названием Озерная река уже наносится на русские чертежи и карты. На «Карте мест, от Енисея до Камчатки лежащих» (1710—1711 гг.) приведена, в частности, примечательная надпись о горячих источниках у притока реки Озерной — Паужетки: «ключи горячественные, из под земли бьют, от ключей река течет, 3 версты, и вода горяча, а буде в ключи положишь птицу или мясо сырое на рожне — сваритца, кипячие воды».

В 1711 — 1713 годах через реку Озерную проходили отряды Д. Анцифорова и И. Козыревского — первооткрывателей Курильских островов. Сведения о походах к югу Камчатки и на Курилы И. П. Козыревский закрепил на своем «Чертеже Камчадальского Носу и морским островам» (1726 г.). Таким образом, уже в первой четверти XVIII века окончательно оформились конкретные представления русских о бассейне реки Озерной с озером Курильским. В 1738 году на Озерной побывал исследователь Камчатки С. П. Крашенинников, давший детальное описание реки с

прилегающим районом: «...впала в море знатная река Игдыг, которая по-русски Озерною называется для того, что течет из славного Курильского озера...»

Первая гидрографическая (глазомерная) съемка прибрежного района реки Озерной была осуществлена весной 1721 года геодезистами И. Б. Евреиновым и Ф. Ф. Лужиным во время плавания из Большерецка к Курильским островам. В 1740 году во время плавания штурмана И. Ф. Елагина из Большерецка к Авачинской губе река Озерная и ее приустьевой район легли на детальную карту южной Камчатки.

С рекой Озерной связана одна из славных страниц камчатской истории. 30 мая 1904 года близ речного устья высадился японский десант численностью до 150 человек, снабженный стрелковым оружием и двумя орудиями. Отрядом командовал лейтенант в отставке Н. Гундзи, один из вдохновителей экспансионистской доктрины захвата «северных земель». В прошлом приказчик Камчатского торгово-промышленного общества, Гундзи был одним из основателей так называемого «Патриотического общества возрождения справедливости» («Хоокоогикай»). «Общество» при поддержке своего правительства еще в конце XIX века занялось усиленной колонизацией перешедших по договору с Россией (1875 г.) Курильских островов. На Шумшу была основана крупнейшая база японских колонистов, занимавшихся хищнической добычей рыбы и морского зверя в прикамчатских морях. На Северных Курилах вынашивались планы захвата Камчатского полуострова. С началом русско-японской войны «патриоты микадо» предприняли попытки «двинуться вперед и взять нужное». Построив неподалеку от устья реки Озерной два укрепленных лагеря, японцы, большинство которых составляли отставные военные моряки, предприняли вылазку на север, завершившуюся захватом и разграблением села Явино. Летом 1904 года практически все устья западно-камчатских рек были блокированы японскими шхунами, в ряде мест жители окрестных сел смогли дать незванным гостям вооруженный отпор.

Камчатка не имела тогда регулярных воинских частей, единственной силой, способной оказать сопротивление захватчикам, могло стать лишь камчатское народное ополчение, формировавшееся на побережьях полуострова по призыву местных властей. В начале июля в район устья реки Озерной вышла сформированная в долине реки Камчатки дружина отставного унтер-офицера М. И. Сотникова. Почти одновременно туда же подошла шхуна с петропавловскими дружинниками во главе с прапорщиком Ц. Жабо. Обе дружины соединились и начали готовиться к нападению на японцев. Всего в строю оказалось 88 бойцов, в их числе 71 камчадал и 17 русских. Высланной разведке удалось захватить в плен командира японских отрядов Гундзи.

В приказе Сотникова от 16 июля говорилось: «...сегодня в 11 часов движемся на Озерную. Возьмем с собой двух пленных японских переводчиков, пусть скажут там, если они сложат оружие, то возьмем всех в плен, а если нет — то ударим с оружием в руках. Не дадим японцам, чтобы их

нога ступила на нашу русскую землю и чтобы их флаг развевался на нашей святыне...»

В 2 часа 30 минут ночи дружина Сотникова подступила к основному японскому лагерю. На предложение сдаться оттуда ответили огнем. Через два часа боя японский отряд был разгромлен. 22 июля камчатские дружинники сбросили в море и основной отряд японцев, остатки которого бежали на шхунах на Курилы.

Так закончился один из героических эпизодов борьбы камчатского народного ополчения против японских интервентов. Памятью о тех событиях является надмогильная плита, хранящаяся в селе Озерная. Она была перенесена с утраченного ныне захоронения дружинника Ксаверия Бирули, погибшего в бою с японцами и похороненного в окрестностях села Явино.

В 1907 году на южной приустьевой косе реки Озерной был построен рыбопромысловый участок фирмы «Грушецкий и К°», затем рыбодобывающий завод. С этого времени ведет свое начало село Озерная, возникшее на месте небольшого камчадалского селения, располагавшегося на правом берегу реки у лагуны. В официальных документах 1910—1917 годов село Озерная носит название Унтербергер (Унтербергеровка)—по фамилии приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера.

В годы первой мировой войны в нескольких километрах выше по течению на берегу выросло село Запорожье, названное так в связи с расположением у порожистого участка реки. Позднее село было перенесено к устью Озерной. Ныне — это центральная усадьба рыболовецкого колхоза «Красный труженик».

В 1928 году в селе Озерная был построен один из первенцев рыбной индустрии полуострова —рыбодобывающий завод Озерновский.

Река Явина

Река Явина впадает в Охотское море в 9,8 мили к северу от мыса Озерного. Известна русским с конца XVII века. Через реку Явину проходили пути первопроходцев Южной Камчатки Р. Преснецова (1704 г.), М. Наседкина (1706 г.), первооткрывателей Курильских островов Д. И. Анцифорова и И. П. Козыревского (1711, 1713 гг.). В 1726 году на своем «Чертеже Камчадалского Носу и морским островам» И. П. Козыревский поместил реку Явину и привел южноителменский (курильский) вариант ее названия — Шохожахойты. В 1738 году на реке побывал С. П. Крашенинников, записавший еще один вариант местного названия реки — Ишхачан, предположив, что русский топоним Явина происходит от «испорченного», искаженного ительменского названия Аанган,— притока реки Явиной.

Неподалеку от устья Явиной находилось старинное камчатское село Явино. С ним связана одна из славных страниц истории полуострова.

6 июня 1904 года село Явино было захвачено японским десантом, высадившимся со шхун близ устья реки Озерной. К тому времени жители

покинули свои дома и ушли в сопки (см. «Река Озерная»). Опустевшее село было подвергнуто японцами полному разграблению. По распоряжению командира отряда Гундзи на крыше сельской часовни был водружен японский флаг. Неподалеку был поставлен деревянный столб с доской, надпись на которой гласила: «Смысло на этой тынь писанных слов именно эта земля уже принадлежался Японию, поэтому кто того трогает этот тынь, будут убиты. Командир Японский войска Сечу Гунзи». Японцы занимали Явино около полутора месяцев. Тем временем в окрестности были стянуты дружины камчатских ополченцев. 16 июля в бою при устье Озерной японский десант был сброшен в море. Ополченцы сняли в освобожденном селе Явино доску с пресловутой японской надписью. Доставленная затем в Петропавловск, она стала одним из экспонатов краеведческого музея.

В конце XIX — начале XX веков у реки Явиной обрел широкий размах морской прибрежный промысел, здесь были открыты богатейшие запасы камбалы и трески. Хищнический лов в этом районе вели японские, американские, канадские промысловые суда. В 30-е годы на знаменитой Явинской камбальной банке впервые начали океанический лов камчатские паровые траулеры.

Река Кошегочек

Река Кошегочек впадает в Охотское море в 9,3 мили к северу от устья реки Явиной. С. П. Крашенинников (1738 г.) приводит местное название реки—Кылхта. Русское название Кошегочек ведет происхождение от имени жившего здесь тойона Кожохчи.

После 1910 года на косе, неподалеку от впадения реки в море, возникло небольшое, не существующее ныне село Кошегочек, жители которого занимались промыслом лосося. В начале 30-х годов в селе была организована рыболовецкая артель.

Река Голыгина

Река Голыгина впадает в море в 15,7 мили к северу от устья реки Явиной. Известна в камчатской истории тем, что у нее в 1697 году закончился знаменитый поход казачьего пятидесятника В. В. Атласова. С устья этой реки русские землепроходцы впервые увидели в море самый северный остров Курильской гряды, названный впоследствии островом Атласова. Река же получила название по фамилии казачьего десятника Ивана Осипова Голыгина, погибшего в этом районе. Под этим названием реку нанес в 1726 году на свой «Чертеж Камчадалского Носу и морским островам» первооткрыватель Курил И. П. Козыревский. Исследователь Камчатки С. П. Крашенинников, побывавший здесь в 1738 году, записал местное название реки Голыгиной — Нынгучу.

На берегу Голыгиной, в районе среднего ее течения, существовало село Голыгино. Упоминания о нем можно найти в документах обороны Камчатки

от японских захватчиков 1904—1905 годов, трудах Камчатской экспедиции Русского Географического общества (1908—1910 гг.). В первые годы советской власти на Камчатке село Голыгино было волостным центром, объединявшем несколько малочисленных населенных пунктов юго-западного побережья полуострова.

Река Опала

Река Опала впадает в Охотское море севернее устья реки Голыгиной. Известна русским с конца XVII века, и уже в начале следующего столетия была нанесена на карты под этим названием. С. П. Крашенинников, побывавший в этом районе в 1738 году, записал ительменский вариант названия реки — Апанач, уточнив, что она «течет из-под горы, Опальской сопкой называемой...».

С сопкой Опала связано одно из древних ительменских поверий. Его, ссылаясь на сведения исследователя Камчатки Г. В. Стеллера, приводит в своем труде С. П. Крашенинников: «Стеллер пишет, что камчадалы рассказывают о ней ужасные вещи, чего ради не токмо навех ее, но и к подножию ходить опасаются для того де, что живет много духов гамулов... На самом верху горы есть пространное озеро, а около его много китовых костей примечено, которых мясом питаются по их мнению... гамулы».

В 1911 году на косе, к северу от устья реки Опалы, возникло одноименное село, жители которого работали на рыбопромысловом участке. Село упразднено в 1968 г.

Река Большая

Крупнейшая река камчатского западного побережья— Большая — известна русским с конца XVII века, со времени знаменитого похода пятидесятника В. В. Атласова, прошедшего с отрядом в 1697 году по западному берегу полуострова от реки Ичи до реки Нынгучу (Голыгиной). В составленном на рубеже XVII—XVIII веков «Чертеже вновь Камчадалские земли» автор его, сибирский картограф С. У. Ремезов, основываясь на результатах похода Атласова, нанес реку Большую с поясняющей надписью: «пала в Пенжинское море многими устьями». Пенжинским или Ламским первоначально называлось Охотское море. В 1707 году река Большая отмечается в отчете казака Родиона Преснецова с вариантом искаженного местного названия — Кикша. Топоним Кикша (Кыкша) встречается и на некоторых старорусских чертежах Камчатки и, вероятно, восходит к ительменскому слову «кыг», что означает «река». Происхождение русского названия объяснил позднее С. П. Крашенинников: «Большую для того называется, что из всех рек, впадающих в Пенжинское море, по ней одной от устья до самой вершины можно ходить батами».

Важнейшее значение реки Большой как магистрального пути, связывающего западный берег полуострова с долиной реки Камчатки и

восточным побережьем, издревле было известно коренным жителям, русские первопроходцы оценили роль этого пути уже в начале XVIII столетия, В 1703—1704 годах в районе слияния рек, названных Быстрой и Плотниковой, был построен Большерецкий острог. В 1711 году он был возобновлен отрядом Д. И. Анцифорова — И. П. Козыревского, начавшим отсюда в августе исторический поход, итогом которого явилось открытие Курильских островов. Большерецкий острог становится одним из жизненно важных центров освоения полуострова. Через него проходили пути на Верхнекамчатский острог и через гидросистему рек Плотниковой и Авачи — к восточному берегу Камчатки. Характерно, что эти пути в наше время в точности повторили главные автомобильные трассы полуострова.

Не случайно именно к устью реки Большой в 1716—1717 годах было совершено первое в русской истории плавание через Ламское (Охотское) море из Охотска. Экспедицию на лодье «Восток», проложившую кратчайший путь от азиатского материка к полуострову Камчатка, возглавляли якутянин Козьма Соколов и архангельский помор Никифор Треска. 22 мая 1721 года из устья реки Большой, выполняя поручение Петра Первого, начали плавание к Курильским островам первые геодезисты тихоокеанских земель России И. Б. Евреинов и Ф. Ф. Лужин. К этому времени устье реки было уже достаточно хорошо освоено мореходами.

К началу 20-х годов XVIII века русские моряки, очевидно, и выбрали здесь удобное место для укрытия и зимовки судов, вошедшее в историю под названием Чекавинской гавани. Эта гавань становится первым морским портом Камчатки. Сведения о ней можно найти у С. П. Крашенинникова. «Чекавина, по-камчатски Шхвачу речка,— пишет он,— от устья Большой верстах в двух... Примечания достойна она потому, что в ней морские суда зимуют, чего ради там и казарма для караульных и кладовые анбары от Камчатской экспедиции построены. Суда заводятся в оную во время прибылой воды, и в убылую воду она так узка, что через перескочить можно, и так мелка, что суда на бока валяются, однако от того не бывает им повреждения для того, что дно ее мягко». Таким образом, Чекавинская гавань служила не только пристанищем кораблей, но и выполняла функции своеобразного сухого дока. Студент А. Горланов, сменивший на Камчатке С. П. Крашенинникова и совершивший путешествие по западному побережью Камчатки, отождествляет реку Чекавину (Чакаву) с рекой Начиловой, известной под этим названием и поныне.

4 сентября 1727 года в устье реки Большой вошли прибывшие из Охотского порта бот «Фортуна» под командой В. Й. Беринга и лодья «Восток» под началом А. И. Чирикова. Отсюда участники экспедиции, получившей название Первой Камчатской, отправились по реке Большой и ее притокам в глубь полуострова. Построив неподалеку от Нижнекамчатска бот «Св. Гавриил», беринговцы вышли из устья Камчатки в плавание к берегам Чукотки. 12 июля 1729 года экспедиция вернулась в Большерецк. В дальнейшем реке Большой было уготовано важное место для развертывания работ Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга— А. И. Чирикова

(1732—1743 гг.). Большерецкий острог и Чекавинская гавань стали опорной базой южного (японского) отряда экспедиции, возглавляемого М. П. Шпанбергом. Отсюда в период 1738—1739 годов были предприняты плавания к Курильским островам, значительно расширившие представления об архипелаге и практически неизвестной тогда Японии. По возвращении из плаваний Шпанберг составил карту, имеющую название «Новая табула от (Охотского) порта и до (Большерецкого) Камчатского острогу, от Большой реки между Курильскими, Японскими островами и до самой Японии». На карте обозначены районы Охотска, западного побережья Камчатки, Курильские острова и северная часть Японии, показан путь кораблей от Охотска до Большерецка и от Большерецка к югу.

16 мая 1740 года, выполняя приказ Беринга об исследовании камчатских берегов и Авачинской губы, из Чекавинской гавани отправился бот «Св. Гавриил» под командой штурмана И. Ф. Елагина, заложившего в том же году порт, названный вскоре Петропавловским. 1740 год ознаменован еще несколькими событиями в истории реки Большой. В этом году Большерецкий острог по распоряжению сибирских властей определяется «присутственным местом» камчатских командиров, став на многие годы административным центром края. 21 сентября 1740 года в Чекавинскую гавань прибыли из Охотска пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел», галиот «Охотск» и дубель-шлюп «Надежда». С этого времени началась практическая деятельность главного отряда Второй Камчатской экспедиции В. Й. Беринга — А. И. Чирикова. Вскоре пакетботы покинули большерецкое устье, отправившись к Авачинской губе.

С 1737 года Большерецкий острог становится опорным пунктом работ участника Второй Камчатской экспедиции, исследователя Камчатки С. П. Крашенинникова. В районе Большерецка им были проведены первые в истории полуострова агрономические опыты. Крашенинников первым провел также цикл метеорологических и гидрологических наблюдений на устье реки Большой и восточном побережье Охотского моря. Он же осуществил и первое описание Большерецкого острога.

«Большерецкий острог стоит на северном берегу Большой реки между впадающими в оную реками Быстрою и Гольцовкою в 33 верстах от Пенжинского моря. Крепость в оном остроге четвероугольная во все стороны по 10 сажен, с востоку и северу огорожен палисадником, южную и западную стенку составляет строение, а именно, ясачная изба, аманатская казенка, между которыми зделан анбар для содержания аманатской юколы да двоежилой анбар, в котором ясашная казна хранится. Вход в острог с западной стороны небольшими воротцами. За острогом строения часовня, что ныне уже церковь во имя Николая Чудотворца с колокольнею на столбах, при ней церковной анбар; обывательских домов по разным островам тридцать, кабак с винокурнею, служивых 45 человек, да казачьих детей... 14 человек».

В 1771 году Большерецкий острог стал центром восстания камчатских ссыльнопоселенцев во главе с польским конфедератом Маурицием

Беньевским (Беневским). Захватив зимовавший на устье реки галиот «Св. Петр», мятежники бежали на юг, добравшись до Китая, затем до Франции. Об истории этого восстания и побега, о личности Беньевского существует многочисленная документальная, художественная литература у нас в стране и за рубежом.

В 1783 году Большерецкий острог утратил статус административного центра Камчатки, передав его Нижнекамчатскому острогу. Тем не менее, бывшая столица оставалась самым крупнонаселенным пунктом края, игравшим существенную роль в жизни западного побережья полуострова.

Летом 1911 года из Петропавловска к устью реки Большой была проложена просечная дорога, вдоль которой началось строительство радиотелеграфной линии, которая должна была протянуться по западному берегу Камчатки, северному и западному побережьям Охотского моря до Николаевска-на-Амуре. Трасса проходила через Хайкову падь, расположенную при впадении ручья Хайковский в реку Амчигачу. В 1911 году здесь были построена почтово-телеграфная станция и несколько домов для техников-смотрителей линии и службы промыслового надзора западного побережья. Новое селение к 1914 году насчитывало уже более двадцати строений, в местном обиходе именовалось как Хайково (Хайкова Падь), в официальных документах называлось Усть-Большерецком. Административным центром продолжал оставаться Большерецк (Острог). 18 мая 1918 года решением Камчатского областного Совета рабочих и крестьянских депутатов в Большерецке был создан волостной Совет рабочих и крестьянских депутатов. В январе 1924 года здесь образовалась Большерецкая партийная ячейка.

В 1928 году село Большерецк (бывший Большерецкий острог) в связи с частым затоплением из-за паводков было упразднено. Жители переселились к протоке Кавалерской, где было основано одноименное село, и к устью реки Большой, в село Усть-Большерецк, ставшее административным центром Большерецкого района.

В 1933 году на приустьевой косе, неподалеку от Усть-Большерецка, возник поселок Микояновский, центральная база рыбокомбината им. А. И. Микояна (позднее поселок Октябрьский).

В годы Великой Отечественной войны многие ловцы и рыбообработчики комбината за образцовое выполнение правительственных заданий были удостоены наград и благодарностей Верховного командования. Директор рыбокомбината им. А. И. Микояна В. П. Коробкин в 1943 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Ныне рыбозавод Октябрьский — один из крупнейших рыбоперерабатывающих предприятий Камчатки.

Маяк Большерецкий

В истории русских плаваний в прикамчатских морях реке Большой по праву принадлежит главная роль. Большерецкое устье было первым и

основным пристанищем русских морских кораблей и сохраняло эту роль многие годы, вплоть до основания порта Петропавловского в 1740 году.

Морской путь из Охотского порта на Камчатку (устье реки Колпаковой) был впервые открыт в 1716 году экспедицией К. Соколова — Н. Трески на лодье «Восток». Начиная с этого времени большерецкое устье становится главным пунктом плаваний из Охотска на Камчатку, пунктом, связывавшим открытый морской путь с крупной речной гидросистемой Камчатки, ведущей в центральные районы полуострова. Это важное географическое преимущество реки Большой было осознано русскими первопроходцами еще в начале XVIII века, и оно являлось основополагающим в развитии морского судоходства между Камчаткой и азиатским материком России. Однако серьезнейшим препятствием в этом деле было большерецкое устье. Сложные гидрометеорологические условия, отсутствие якорных стоянок, неправильные полусуточные циклы приливов, меняющиеся фарватер и очертания берегового рельефа—все эти характерные особенности приустьевых районов реки Большой выделяли его в число самых опасных на западном побережье.

В русской истории Камчатки с большерецким устьем связано подавляющее количество кораблекрушений и аварийных ситуаций. Первым в этом трагическом ряду стоит бот Второй Камчатской экспедиции «Фортуна». Отправившись в 1737 году по указанию В. Й. Беринга из Охотска для исследования Авачинской губы, судно под командованием подштурмана Е. Родичева разбилось при заходе в устье Большой. В числе спасшихся был студент С. П. Крашенинников, исследователь Камчатки.

Спустя семь лет судьбу «Фортуны» разделил шлюп «Большерецк», небольшое суденышко, построенное на Камчатке из березового леса и называвшееся поэтому «березовкой». Спущенное на воду в 1739 году и приписанное к экспедиции М. П. Шпанберга, судно в том же году совершило плавание к берегам неведомой Японии, в 1742 году повторило этот вояж. По возвращении из японского похода «Большерецк» потерпел крушение в устье реки Большой.

В 1748 году подобная трагедия случилась с галиотом «Охотск» под командой штурмана Бахметьева. Стоявший на якоре против большерецкого устья галиот был выброшен осенним штормом на берег и разбит. Большая часть экипажа, в том числе и командир, погибла.

В октябре 1753 года несчастье постигло сразу три судна отряда лейтенанта В. А. Хмелевского, шедшие из Охотска в Большерецк. Выжидавшие благоприятной ситуации для входа в устье пакетбот «Св. Иоанн», гукор «Св. Петр» и дубель-шлюп «Надежда» были выброшены на берег штормом в различных районах западного побережья. Удалось исправить и спустить на воду лини, один из кораблей — гукор «Св. Петр». Это было то самое судно, что построили из останков одноименного пакетбота В. Й. Беринга выжившие после трагической зимовки моряки. Но спасенному тезке знаменитого корабля капитан-командор была суждена недолгая жизнь. Два года спустя, совершая плавание из Ямска в Охотск,

гукор был отброшен штормом к западному берегу Камчатки и был окончательно разбит неподалеку от устья реки Воровской, в том же районе, где потерпел крушение в 1753 году.

За сорок лет, минувшие со времени открытия морского пути из Охотска на Камчатку, усть-большереецкое побережье превратилось в настоящее кладбище кораблей. В 1766 году произошла самая крупная катастрофа, обрекая, по сути дела, на неудачу крупную морскую экспедицию под командованием П. К. Креницына и М. Д. Левашова. Экспедиция начала плавание из Охотского порта на четырех кораблях 10 октября 1766 года. Яркое представление об исходе этой экспедиции дают документы тех лет.

«Бригантина «Святая Екатерина». Командир капитан 2 ранга П. К. Креницын. Выйдя из Охотска в половине октября вместе с тремя судами, снаряжением для открытий на Восточном океане, все они разлучились и все были выброшены на берег в разных местах. «Святая Екатерина», имевшая во всем продолжении пути сильную течь, по приходе к Камчатскому берегу, стоя уже против Большерецкого устья только на одном оставшемся якоре и на двух дреках, со спущенными реями и стеньгами, в ночи на 25 октября была выброшена на берег левым боком у реки Утки, в 2 верстах от нее к югу... и разбита. С большим трудом команда перебралась на берег, когда уже сбыла вода, командир — последним.

Гукор «Святой Павел». Командир капитан-лейтенант М. Д. Левашов. По приходе к Большерецку стал в устье реки Большой в ожидании полной воды, и в ночи на 25 октября, имея лопнувшими оба каната, «с общего со служителями консилиума» выкинулся на берег у Амшигачевского яра к северу в 7 верстах от устья реки Большой.

Бот «Святой Гавриил». Командир штурман Дудин 1-й. По приходе к Большерецку успел войти в устье реки Большой, но для дальнейшего прохода ожидал полной воды и в ночи на 25 октября был выброшен на берег.

Галиот «Святой Павел». Командир штурман Дудин 2-й. Разлучась с тремя судами, прошел или был пронесен в Восточный океан первым Курильским проливом и 21 ноября добрался до Авачинской губы, но встреченный здесь льдом, снова отнесен в море, странствовал целый месяц, потерял бушприт, рею, все паруса и канаты и уже не имея ни воды, ни дров пустился прямо к берегу и выскочил на седьмой Курильский остров. В четверть часа судно было совсем разбито. Погибло 30 человек, а спаслось 13, в том числе командир. Ласково принятые жителями, несчастные страдальцы зиму провели на острове, питаясь китовым жиром, кореньями и ракушками, а на следующем году переехали в Большерецк».

На серьезные опасности, ожидавшие моряков в районе большерецкого устья, обратили внимание еще первые русские навигаторы. Есть все основания предполагать, что уже с началом регулярных морских плаваний между Охотском и Большерецком входы в коварное устье реки Большой обустроивались специальными навигационными знаками. Судя по всему, это были деревянные вехи, ставившиеся на приустьевых косах и обозначающие

трудноразличимый с моря проход в реку. Эти сооружения были недолговременными и ставились по мере необходимости.

Первыми специальными промерами устья реки Большой и его навигационным обустройством занялся посланец Беринга, один из лучших штурманов Второй Камчатской экспедиции Иван Фомич Елагин, с именем которого связано основание Петропавловского порта. В числе главных задач, поставленных капитан-командором перед Елагиным, было детальное изучение большерецкого устья и его возможностей для захода крупных кораблей экспедиции. Осенью 1739 года И. Ф. Елагин прибыл в Большерецк и занялся выполнением программы исследований: «от большерецкого устья по морскому берегу до Лопатки, то есть до Южного Камчатского угла берег описывал». На составленной в 1740 году елагинской карте южнее устья реки Большой впервые появляется рисунок маяка. Судя по рисунку, маяк был капитальным сооружением в виде деревянного сруба с флагштоком. Это было первое маячное строение на Камчатке. Возвела его, несомненно, команда бота «Св. Гавриил», которым командовал штурман И. Ф. Елагин.

Со второй половины XVIII века стало возрастать значение Петропавловского порта. В 1783 году Большерецкий острог уступил статус административного центра края Нижнекамчатску. Морские пути из Охотска на Камчатку стали пролегать далеко в стороне от большерецкого устья. В связи с этим построенный беринговцами первый камчатский маяк утратил свое первоначальное значение и был заброшен. В конце XIX века интенсивное развитие мореплавания у западного побережья полуострова вызвало необходимость обеспечения навигационными знаками устьев рек, в том числе и Большой. Seriously заняться этим делом побудило и начавшееся активное освоение приустьевых районов западнокамчатских рек в рыбопромысловых целях. Вплоть до начала 40-х годов устье реки Большой оборудовалось различными навигационными знаками, обеспечивавшими заход в реку. Это были, обычно, временные сооружения, рассчитанные на один сезон навигации. В 1944 году неподалеку от большерецкого устья была возведена башня светового маяка в виде 12-метровой ажурной деревянной пирамиды. Световое устройство маяка обеспечивало дальность видимости его с моря в пределах 18 миль. В 1956 году команда военных строителей под руководством техника-лейтенанта А. И. Овсянникова смонтировала из чугунных тубингов 25-метровую башню нового маяка. Вступивший в действие в том же году, маяк был назван Большерецким.

Мыс Левашова

Мыс Левашова находится в 16 милях к северо-западу от устья реки Большой. Назван в честь русского мореплавателя М. Д. Левашова.

Михаил Дмитриевич ЛЕВАШОВ родился в 1730 году. Закончил Морской кадетский корпус в Петербурге, затем служил на Балтике. В 1764 году способный морской офицер был назначен в особую секретную экспедицию. Участникам ее предстояло осуществить грандиозный и дерзкий

замысел М. В. Ломоносова по изысканию арктического морского пути в Тихий океан. Экспедиция была разделена на два отряда. Первый (западный) должен был проложить путь из Белого моря к Берингову проливу мимо Шпицбергена и Гренландии. На встречу с ним в районе Берингова пролива направлялся из Охотского порта восточный отряд. Предполагалось также, что в месте встречи корабли обменяются частью экипажей и повторят плавание в обратном направлении. Командиром восточного (Камчатского) отряда был назначен капитан 2-го ранга П. К. Креницын, его помощником капитан лейтенант М. Д. Левашов.

Осенью 1766 года корабли восточного отряда в составе бригаантины «Св. Екатерина», гукора «Св. Павел», одноименного галиота и бота «Св. Гавриил» вышли из Охотска на Большерецк. Неудача постигла экспедицию уже в самом начале. Сильнейший шторм, разыгравшийся у западного берега Камчатки, выбросил «Св. Екатерину» (капитан П. К. Креницын) неподалеку от устья реки Утки. Такая же участь постигла гукор «Св. Павел» М. Д. Левашова. Он был выброшен на берег к северу от устья реки Большой у Амшигачевского яра. Бот «Св. Гавриил» (капитан Дудин 1-й) потерпел крушение в большерецком устье. Еще более тяжкие испытания выпали на долю галиота «Св. Павел» (командир Дудин 2-й). Шторм отбросил судно к первому Курильскому проливу и вынес в открытый океан. Через месяц галиот разбился на скалах острова Шиашкотан, большая часть моряков погибла. Из четырех кораблей экспедиции удалось спасти лишь два: гукор «Св. Павел» и бот «Св. Гавриил». Тем не менее, экспедицию решено было продолжать и двигаться к устью реки Камчатки. Летом 1768 года, заменив в Нижнекамчатске дряхлый бот «Св. Гавриил» на вернувшийся с севера галиот «Св. Екатерина» и передав Левашову свой корабль, Креницын вышел в море. Оба корабля направились к острову Беринга, затем, разлучившись в тумане, последовали вдоль Алеутской гряды на северо-восток. По пути Креницын описал острова Сигуам и Амухту, Левашов — остров Акутан. Корабли встретились неподалеку от Уналашки и начали опись полуострова Аляска. Затем вновь потеряли друг друга. Креницын зимовал на восточном побережье острова Унимак, в заливе, названном впоследствии его именем. Команда Левашова встретила зиму на Уналашке (ныне залив Капитанский). Особо тяжело пришлось экипажу Креницына, оставшегося к концу зимы с 12 членами команды, остальные 60 погибли от цинги. Получив известия о трагическом положении флагманского отряда экспедиции, Левашов сумел прийти к нему на помощь. В июне 1769 года корабли покинули остров Унимак и вернулись в Нижнекамчатск. Встреча с западным отрядом не могла состояться: архангельские корабли дважды пытались пробиться на северо-запад от Кольского полуострова, но были остановлены арктическими льдами у Шпицбергена.

В июне 1770 года на реке Камчатке погиб П. К. Креницын. Руководство экспедицией взял на себя М. Д. Левашов. Корабли вышли в Охотск, и в октябре 1771 года командир Камчатского отряда прибыл в Петербург с отчетом о проделанной работе. Она была обобщена в специальном труде под

названием «Экстракт из журналов морской секретной экспедиции под командою флота капитана Креницына и капитан-лейтенанта (что ныне капитана) Левашова разных годов в бытность их в той экспедиции, с 1764 по 1771 годы». К «Экстракту» Левашов приложил отдельные записки, содержавшие ценнейшие географо-этнографические сведения об Алеутских островах.

Михаил Дмитриевич Левашов умер около 1775 года. Его именем помимо мыса на западном берегу Камчатки названы несколько географических объектов на Курильских островах.

Река Утка

Устье реки Утки находится в 38 милях к северу от большерецкого устья. Река Утка известна русским землепроходцам уже с конца XVII века. Впервые изображение ее встречается на «Чертеже вновь Камчадалские земли и моря», принадлежащем перу сибирского картографа С. У. Ремезова и составленном в 1701 году по данным похода В. В. Атласова. На этом чертеже река носит название Ут. С. П. Крашенинников (1737 г.) приводит ительменское название реки — Уут. Согласно записям западно-камчатского диалекта ительменского языка, сделанным Крашенинниковым, слово «уут» («ууд») переводится как «лес». По сведениям исследователя и сменившего его на Камчатке студента А. Горланова на реке Утке стоял небольшой ительменский острожек Усаул (Усаал).

Река Кихчик

Река Кихчик впадает в Охотское море в 20 милях к северу от устья Утки. На первых русских чертежах начала XVIII века река отмечается под названиями Чикча, Чикчин, Чиучина, Кыхчик и др. Ко времени появления русских в этом районе (1697 г.) здесь стояли многочисленные острожки местных жителей. В документах первой половины XVIII века имеются упоминания об ительменском острожке Чачамжу, стоявшем километрах в двадцати от устья и названном русскими Кихчиком по названию реки. На ительменское происхождение этого названия обратил внимание еще С. П. Крашенинников: «...течет в море Хчукиг, а по российски Кыкчик». Студент А. Горланов, работавший на западном побережье три года спустя после Крашенинникова, сделал почти идентичную запись: «Кыкчик (Хчу) река ...пала в Пенжинское море». В основе этого названия лежит ительменское слово «кыг» («река») и топоним Хчу («река Хчу»).

Первое появление русских в районе реки Кихчик связано с походом Владимира Атласова в 1697 году. Спустя 15 лет здесь побывал камчатский землепроходец, первостроитель Большерецкого острога Иван Козыревский, призвавший кихчикских ительменов «под высокую государеву руку». Дальнейшие сведения о Кихчикском острожке весьма скудны. Русский мореплаватель В. М. Головин, обстоятельно описавший свое зимнее

путешествие по западному берегу Камчатки в 1810 году, о существовании селения не упоминает.

В начале XX века, с развитием русского и иностранного лососевого промысла, в приустьевом районе реки Кихчик были построены несколько сезонных рыбалок. В 20-е годы здесь возникли базы Кихчикского рыбокомбината Акционерного Камчатского общества. Комбинат имел консервный завод. Самоотверженный труд рабочих предприятия в годы Великой Отечественной войны был высоко оценен правительством. Директор комбината И. П. Доний в 1945 году был награжден орденом Ленина.

Река Пымта

Река Пымта впадает в Охотское море в 14,8 мили от устья Кихчика. На русских чертежах и картах XVIII века река носит название Немтик (Демтик, Немтина, Нымта). Впервые о ней упоминается на «Чертеже Камчадальского Носу и морским: островам», составленном в 1726 году камчатским землепроходцем И. П. Козыревским. Козыревский побывал здесь в 1712 году, совершив переход из Большерецкого острога, собрав ясак с местных ительменов. Это произошло через пятнадцать лет после знаменитого похода казачьего пятидесятника Владимира Атласова, сообщившего первые сведения об этом районе. В первые годы советской власти на месте старинного ительменского острожка Немтик, располагавшегося на левом берегу реки в 1,5 мили от устья, возникло одноименное село, где было создано товарищество по совместному лову лосося. В конце 20-х годов началось строительство Пымтинского рыбокомбината с несколькими базами, располагавшимися в приустьевом районе реки Немтик (Пымта). Центральная база рыбокомбината, обособившаяся рядом с селом Немтик, в 1933 году стала именоваться селом Пымта. В 1977 году Пымтинский рыбокомбинат и его населенные пункты были упразднены.

Река Кол

К северу от устья Пымты в Охотское море впадает река Кол. На русских чертежах и картах XVIII века река именуется, как Кол. После похода В. В. Атласова. (1697 г.) река довольно часто посещалась русскими. По сведениям И. П. Козыревского в 1712 году в этом районе побывал пятидесятник Михаил Шехурдин, собиравший ясак с местных жителей, в 1714—1715 годах с этой же целью сюда ходил из Большерецкого острога сам Иван Козыревский. Побывавший здесь в 1738 году исследователь Камчатки С. П. Крашенинников, интересовавшийся происхождением местных географических названий, отмечал: «В 22 верстах от Нымты (Пымты) следует знатная речка Игдых, то есть княженишная, которая от казаков неведомо для какой причины Колом именуется».

Существование двух и более географических названий при одном объекте — явление в камчатской топонимии обычное. Вероятнее всего, название Колъ, записанное русскими в начале XVIII века, также имеет ительменскую основу и восходит к слову «коола» («грязь»).

Абсолютное большинство ительменских топонимов несет в себе физико-географические или хозяйственно-бытовые характеристики. Название Кол («грязная») стоит в одном ряду топонимов, записанных в 1743 году студентом А. Горлановым и относящимся к притокам Кола и соседним рекам: Схануай — «торбасная», Ичумач — «березовая», Пшамакунган — «безрыбная», Кчаунчъ — «испорченная» и т. д.

К началу XIX века из нескольких ительменских острожков, находившихся у реки Кол, остался один. Упоминание о нем есть у русского мореплавателя В. М. Головнина, совершившего в 1810 году путешествие по западному берегу полуострова. Последние сведения о существовании небольшого селения Кол (Коловского) относятся к началу XX века. В документах переписи северных окраин Дальневосточного края 1926—1927 годов упоминания о селе отсутствуют.

Река Воровская

Река Воровская (Большая Воровская) впадает в морскую лагуну к северу от устья реки Кол. Впервые Воровская под названием Гига упоминается в знаменитых «скасах» Владимира Атласова, предпринявшего поход на Камчатку в 1697 году. Под этим же названием река изображена на карте С. У. Ремезова, составленной в 1701 году по данным похода В. Атласова («Чертеж вновь Камчадалские земли и моря»). На последующих чертежах, отразивших дополнительные сведения камчатских землепроходцев, река уже носит название Воровская. Оно появилось, вероятно, в начале XVIII века. На «Чертеже Камчадалского Носу и морским островам», составленном И. П. Козыревским в 1726 году, автор поместил против устья Воровской пояснение: «С Воровской и с Кыкчика рек в прошлом 712 году разговором в ясашной платеж призвал, и аманатов взял, и в Большерецком остроге посадил». Из этого примечания следует, что поход И. П. Козыревского из Большерецкого острога был одной из первых попыток «приведения» ительменов реки Гиги «под высокую государеву руку», в результате чего на карте Камчатки появилось новое географическое название. Причины возникновения его попытался объяснить побывавший здесь в 1738 году С. П. Крашенинников: «Гыг река прозвана от казаков Воровскою для того, что камчадалы, которые при той реке имеют жилища, весьма часто бунтовали и лестью побивали казачьих сборщиков». Первоначальное название реки — Гига, вероятно, восходит к ительменскому «кыг» («река»). В XVIII веке по берегам Воровской, как и других камчатских рек, располагалось несколько местных острожков. Через один из них, находившийся на стрелке Большой Воровской и Средней Воровской, пролегал путь в долину реки Камчатки, к Верхнекамчатскому острогу. О

приустьевом остроге любопытные сведения приводит русский мореплаватель В. М. Головнин, путешествовавший по западному берегу Камчатки зимой 1810 года: «...прибыли в Воровской острожек, так называемый по реке, именуемой Воровскою рекою.... Здесь мы остановились в доме зажиточного мещанина Смоленникова, который по Камчатке считается богатейшим поселянином. Человек сей тобольский уроженец, служил на судне, принадлежавшем обществу купцов, производивших промыслы на Алеутских островах. В 1778 году судно его разбилось при устье Воровской реки, однако ж экипаж и множество вещей... были спасены и складены в одно место, а для охранения их остался Смоленников. Но как хозяева судна не заботились о спасенных снарядах, и ничего к нему не писали, то он, женись на камчадалке, поселился здесь... Он имеет штук до сорока рогатого скота и несколько лошадей, ловит множество рыбы, которую, равно как мясо и масло, возит зимою на продажу по селениям, где есть много русских и тем получает не только что все для себя необходимое, но и к приятности жизни служащее».

Неподалеку от Усть-Воровского, выше по реке, стоял еще один ительменский острожек, также называвшийся Воровским. Первоначальные сведения о нем относятся к семидесятым годам XVIII века. К началу XX века острог вырос в довольно крупное селение, где жили русские, камчадалы и ительмены. Описание этого, типичного для западнокамчатского побережья селения сделал в 1896 году камчатский врач и естествоиспытатель В. Н. Тюшов:

«Воровской острожек расположен на большой равнине, сухом луговом месте, на левом берегу одноименной реки. Находящемуся в селении невольно прежде всего бросается в глаза длинный ряд высоких четырехгранных пирамид, поставленных на нескольких, столь же высоких столбах — стойках. Это тянется ряд рыбных балаганов, вдоль самого берега реки. Пирамидальный вид этих балаганов очень характерен для настоящего камчадалского острожка. Устройство балаганов слишком простое... Довольно сказать, что внутренность пирамиды, крытой обыкновенно, как и крыши домов, травой, служит для хранения там запасов юколы, травы и т. п. предметов первой необходимости в домашнем обиходе камчадала. В нижней трети стоек устраивается также настилка из тонких жердей (корбасин), на которой в летнее время пластается рыба перед ее развешиванием и хранятся другие предметы, как нарты, а в зимнее время года — баты. Подниматься в эту пирамиду нужно по бревну, на котором вытесаны углубления, соответствующие ступенькам лестницы... Всех домов в селении 18 штук, из которых два даже обнесены... небольшими оградками — один из признаков большей домовитости, а следовательно, большей оседлости. Все они крыты или исключительно травой, или же травой и ветловой корой (корье)... На некоторых крышах домов видны обрубки дуплистых стволов деревьев, заменяющих собою печную трубу. Надо сказать, что на Камчатке вообще всюду, за исключением очень немногих домов в самом Петропавловске, печи складываются жителями из самодельного и необожженного кирпича. Само собой понятно, что труба, выведенная из такого кирпича... очень быстро

разваливается во время ненастной погоды в летнее, особенно, время и требует поэтому частого ремонта; замена верхней части трубы таким дуплом сберегает камчадалу немало времени. В оконных рамах можно видеть здесь, если не во всех, то в некоторых домах, стекла, а не одни только полотнища из медвежьих кишок и рыбной кожи... Жители Воровского селения, как и других, пройденных до сих пор селений Западного берега, занимаются, кроме рыболовства, как самого существенного в их жизни, и в зимнее время охоты на соболей, еще и охотою в осеннее время года на нерп, имеющих во многих местах западного берега, в особенности близ устьев рек, свои лежбища».

После 1910 года село Воровское получило название Мономахово — по фамилии камчатского губернатора Н. В. Мономахова. В 20-е годы село Мономахово было переименовано в Соболево. Ныне это — административный центр Соболевского района.

К началу первой мировой войны приустьевой район реки Воровской начал активно осваиваться русскими и иностранными рыбопромышленниками. Известный дальневосточный гидрограф Б. В. Давыдов, работавший у западного побережья Камчатки в 1920 году, отмечал, что коса лагуны реки Воровской застроена непрерывной цепью японских рыбалок. В 1,4 мили к северу от устья лагуны располагалась единственная русская рыбалка,, на месте которой в 40-е годы возник рыбокомбинат им. С. М. Кирова (ныне рыбозавод Кировский).

Река Колпакова

Река Колпакова впадает в Охотское море северней устья лагуны реки Воровской. Известна русским со времени первого камчатского похода В. В. Атласова (169.7. г). На первых русских чертежах и картах Камчатки река обозначалась как Кимпана (1700 г.), Кимпанва (1701 г.), Кампакова (1713 г.), Канпакова (1718 г.). Впервые под названием Колпакова появляется в 1722 году на карте геодезиста И. Б. Евреинова, выполнявшего вместе с Ф. Ф. Лужиным инструкцию Петра Первого об описании берегов Камчатки и Курильских островов. Русское название Колпакова восходит к личному ительменскому имени Конпак (Компак). На некоего Конпака, жившего в бассейне реки Ичи, ссылается в свидетельстве о своем походе 1715 года исследователь Камчатки и Курил Иван Петрович Козыревский. Побывавшему в районе реки Колпаковой С. П. Крашенинникову. (1738 г.), удалось записать ительменское название реки и другие любопытные сведения: «...речка Нуккую (Компакова), над которою есть камчатской острожек Шкуажч (Компаковский). По сей реке есть зимняя дорога на реку Камчатку». Истоки реки Колпаковой, носившие в XVIII веке названия Кеншина и Кунч, расположены рядом с вершиной реки Путиной, притока Камчатки. По истокам (рассошинам) реки Колпаковой пролегал нартовый путь через Срединный хребет к селениям Шаромы и Пуцино, занимавший около шести суток. С рекой Колпаковой связано примечательное событие

камчатской истории. В 1716—1717 годах на речном устье перезимовал экипаж лодьи «Восток» под руководством казачьего пятидесятника Кузьмы Соколова и морехода Никифора Трески. Команда «Востока» положила начало морским плаваниям из Охотска на Камчатку, а построенная из охотского леса лодья стала первым русским морским судном, пришедшим к западнокамчатскому берегу. Таким образом, устье реки Колпаковой вполне заслуживает того, чтобы на его берегу был установлен памятный знак.

На месте древнего ительменского острожка Шкуажч, о котором упоминает С. П. Крашенинников, позднее выросло небольшое селение Колпаковское. В 1853 году в нем насчитывались 13 домов и сотня жителей. Население имело 45 коров, 4 лошади и занималось рыболовством, охотой, приусадебным земледелием. Некоторые сведения о селе есть у камчатского врача и естествоиспытателя В. Н. Тюшова, побывавшего здесь в конце прошлого века:

«Селение Колпаковское или Колпакова... находится на левом берегу реки того же имени, верстах в пяти от устья. Жителей считается 99, лошадей 8. Как и в других селениях, и здесь видны те же в беспорядке разбросанные, худокрытые, домишки и рыбные балаганы. Всех домов 16. Несколько лет тому назад три семьи колпаковских жителей перешли верст за пять вверх по реке, выстроили там новые домики и образовали новое поселение, так называемый Верхний Острожек. Место, где находится Верхний Острожек, называется Упткаяк... Переносятся выше потому, что место, занимаемое селением, будто бы в прежние годы затапливалось весенними разливами реки».

Б период 1910—1914 годов прибрежный район реки Колпаковой активно осваивался иностранными и русскими рыбопромышленниками. На морских косах речной лагуны строились сезонные лососевые рыбалки. В 30-е годы колпаковские лососевые промыслы вошли в состав Колпаковского рыбокомбината с центральной базой в селе Усть-Колпаково.

Река Брюмка

Река Брюмка берет начало в предгорьях Срединного хребта и впадает в Охотское море в междуречье Воровской и Колпаковой. Известна русским с конца XVII—начала XVIII веков и названа по имени ительменского тойона Брюмки (Брюмчи). Среди местных жителей река Брюмка считалась рыбной: в осеннее время здесь промыслили семгу, кунжу, микижу. Устье Брюмки по сведениям XIX века нередко заносилось во время сильных штормов песчаными перемычками «хрящами». На месте одного из приречных ительменских острожков в начале XX века возникло селение Брюмка. В 1926 году оно отмечено в документах «Переписи северных окраин Дальневосточного края».

Река Крутогорова

Река Крутогорова берет начало с западных склонов Срединного хребта и впадает в море севернее устья Колпаковой. Известна русским со времени первого камчатского похода В. В. Атласова (1697 г.). Поводом для названия, существующего с начала XVIII века, послужил крутой правый берег речного понизовья. На карте геодезиста И. Б. Евреинова (1722 г.) река нанесена под названием Крутогор. С. П. Крашенинников, побывавший здесь в 1738 году, записал ительменское название реки — Тылуса, отметив, что в речной долине находится острожек Тахлаатынум. Очевидно, на месте этого острожка позднее возникло селение Крутогорово. В 1810 году его проезжал путешествовавший по западному берегу Камчатки мореплаватель В. М. Головнин. Есть сведения об этом селе в записках камчатского врача и естествоиспытателя В. Н. Тюшова, побывавшего здесь в 1897 году:

«Селение Крутогоровское, или просто Крутогорово, расположено на левом берегу одноименной реки, точнее, на левом берегу небольшой протоки, приблизительно в расстоянии одной версты от самой реки... верстах в 25— 30 от ее устья в море. Население инородческо-камчадалское, утратившее свой родной язык настолько, что даже дети пользуются исключительно русским языком, своеобразно коверкая его на свой лад. Одиннадцать небольших домиков, большею частью обнесенных оградками, с надворными постройками... длинный ряд высоких пирамидальных балаганов для сушки и сохранения рыбных запасов, стоящих на краю селения на берегу протоки, встречаемый по селению, сравнительно с другими острожками, рослый и сытый скот,— все это невольно заставляет отдать преимущество крутогоровцам в смысле развития домовитости перед жителями других острожков западного берега. Это сравнительное обилие скота, наличие в каждом доме свежего масла, молока и сметаны... выделяет, повторяю, Крутогорову от других селений, лежащих на юг, так и далее на север...» Есть сведения, что в конце XIX века крутогоровцы даже перегоняли скот для продажи в Петропавловске, используя для этого летний путь через Срединный хребет на селение Пушино, и далее, к восточному берегу полуострова.

В период 1910—1914 годов приустьевой район реки Крутогоровой активно осваивался рыбопромышленниками, в основном японскими. В 20-е годы сезонные лососевые рыбалки были реорганизованы в Крутогоровский рыбокомбинат с центральной базой в селе Крутогорово (Усть-Крутогорово).

Река Облуковина

Река Облуковина берет начало с западных отрогов Срединного хребта и впадает в Охотское море севернее устья реки Крутогоровой. Известна русским с конца XVII века, со времени похода пятидесятника В. В. Атласова из Анадырского острога на Камчатку (1697 г.). На чертеже Камчатки 1710—1711 годов река помещена под названием Аглукома. Исследователь

Камчатки И. П. Козыревский, побывавший на реке в 1714—1715. годах, обозначил ее на своем чертеже под названием Аглукомина, уточнив, что взял здесь ясак с местного тойона Кыкши. Это дает основание предполагать, что Облуковина (Аглукомина) — это та самая река, которую В. В. Атласов в своих «скасках» назвал Кыкшей. Название Аглукомина трансформировавшееся позднее в Облуковину, река получила в начале XVIII века по имени жившего здесь ительмена Аглукомы. С. П. Крашенинников, побывавший рядом с Облуковиной в 1738 году, записал еще одно название реки, в отличие от первых двух, несшее, очевидно, географическую или хозяйственно-бытовую характеристику: «...Шеагачь знатная речка, которая просто Оглукоминою именуется и течет из станового хребта из-под горы Схануган, то есть «поршень». По сведениям Крашенинникова, в 30 верстах выше устья на берегу реки находился острожек Такаут, «в котором проезжающие на Камчатку к переезду за хребет готовят».

Сохранились свидетельства, что сами ительмены считали реку Облуковину своего рода границей между территориями, где жили так называемые «тнумлен» (ительмены юго-западного побережья) и давнайки (северо-западные ительмены). Диалектные различия языка этих групп подметил еще С. П. Крашенинников.

После русско-японской войны приустьевой район реки Облуковиной начал осваиваться рыбопромышленниками, преимущественно японскими. В 20-е годы здесь возникла база Колпаковского рыбокомбината Акционерного Камчатского общества, занимавшегося добычей и обработкой лососевых.

Река Ича

Река Ича впадает в вытянутую вдоль побережья мелководную лагуну, отделенную от Охотского моря низменными песчано-галечными косами. Впервые под этим названием река упоминается в знаменитых «скасках» пятидесятника Владимира Атласова, совершившего в 1697 году исторический поход из Анадырского острога на Камчатку. Отряд Атласова побывал на Иче дважды, и перед возвращением в Анадырский острог казаки поставили на берегу реки зимовье. В 1714—1715 годах в районе Ичи побывал неутомимый исследователь полуострова И. П. Козыревский. На его знаменитом «Чертеже Камчадальского Носу и морским островам» (1726 г.) помещена следующая надпись против изображения Ичи и соседних рек: «На сих реках в прошлом 714 году в ясачной платеж призвал и ясак збирал...». В 1720 году, совершив плавание из Охотского порта на лодье «Восток», в устье Ичи высадились посланцы Петра I, первые геодезисты тихоокеанских земель России И. Б. Евреинов и Ф. Ф. Лужин. В 1738 году сведения о реке Иче собрал С. И. Крашенинников, упомянувший о стоявшем в двадцати верстах выше ичинского устья одноименном острожке. Ительмены называли его Оаут. В XVIII веке приречье Ичи было довольно плотно заселено ительменами. В материалах Второй Камчатской экспедиции, в частности, в отчетах студента А. Горланова, сменившего С. П. Крашенинникова, среди

ичинских острожков упоминаются Уавара («олений мох»), Мухойан («туманный»), Хайкаран («безбровный») и, среди прочих,— Какчанал («вороний»), на месте которого позднее возникло село Ича. Гидроним Ича, вероятно, ительменского происхождения. Исследователь Камчатки В. Н. Тюшов, путешествовавший по этим местам в конце XIX века, высказал предположение, что название Ича является русской транскрипцией ительменского слова «иччь» («березняк»).

В 1810 году в селении Ича побывал мореплаватель В. М. Головнин, оставивший следующее описание:

«Число камчадалов мужеского пола здесь 23 человека, кроме того, русских человек 10, в числе коих 2 священника и церковный причт, ибо здесь есть небольшая церковь, к которой приписаны окружные острожки». Сорок три года спустя, когда в селении побывал исследователь К. Дитмар, еще сохранялись следы старого острожка, стоявшего в трех верстах ниже на высоком увале левобережья. Место носило среди местных жителей название «Старый Острог», некоторые сведения об этом первом Ичинском остроге записал в конце XIX века В. Н. Тюшов, автор книги «По западному берегу Камчатки» (1901 г.).

По долине реки Ичи пролегали старые зимние и летние пути через Срединный хребет в долину реки Камчатки. Ича начинается тремя истоками (рассошинами), носившими в конце XIX века названия Нулякычах, Кжичаинин и Куннякуль. По первой из них можно было попасть через перевал к истокам реки Кирганик, притоку Камчатки, и далее — в Мильково, Верхнекамчатск или в низовые села камчатской Долины.

В годы первой мировой войны в приустьевом районе Ичи было построено несколько сезонных лососевых рыбалок. Самая крупная из них принадлежала камчатскому рыбопромышленнику Хрипко. В 20-е годы здесь возник Ичинский рыбокомбинат Акционерного Камчатского общества. В 70-е годы в бывшем комбинатском поселке была создана центральная база Западно-Камчатской нефтегазоразведочной экспедиции. В 1987 году поселок Ича стал центральной усадьбой рыболовецкого колхоза «Рыбак».

Река Сопочная

Река Сопочная впадает в Охотское море в 27 милях к северо-востоку от устья Ичи. Известна русским со времени похода В. В. Атласова (1697 г.). С начала XVIII века под названием Сопошна наносится на первые чертежи и карты Камчатки. В 1738 году С. П. Крашенинников записал ительменское название реки — Петаай, отметив, что она «от казаков Сопошной называется, течет из-под высокой горы Ахлан». По сведениям Крашенинникова, в сорока верстах выше устья, на берегу реки стоял острожек Сигикан, называвшийся русскими Сопочным. Устье Сопочной, как и других рыбных рек западно-камчатского побережья, было обжито издавна ительменами. Сменивший Крашенинникова на Камчатке студент А. И. Горланов отмечал, что местные жители добывали в реке лахтака: «ходят те лахтаки в Сопочную реку не

далеко, которых так же, как и тюленей, ловят сетями, а лежащих на песке колят они спицами костяными, которые спицы делаются из оленьих рогов».

В 1897 году село Сопочное посетил камчатский естествоиспытатель В. Н. Тюшов, дополнивший сведения Крашенинникова и Горланова любопытными деталями:

«Река, на которой расположено селение, называется или просто Ких, что значит «река», или Сужыын-ких (название, произведенное от Сужх, как называют жители острожек на своем языке). Несомненно, что именно Сужыын-ких, или теперешняя Сопочная река, называлась ранее Петаай, как о том говорит Крашенинников, но в настоящее время название это совершенно забыто».

В мае 1918 года в ительменском селе Сопочное (Верхнее Сопочное) был организован туземный волостной Совет. В 1927 году в низовьях Сопочной, в селе Усть-Сопочное, была создана ительменская рыбопромысловая артель, позднее здесь был построен Сопочнинский рыбокомбинат, специализировавшийся на добыче и обработке лососевых.

Река Морошечная

Река Морошечная впадает в Охотское море севернее устья Сопочной. В нижнем течении Морошечная несет свои воды вдоль морского берега, отделяясь от моря длинной песчано-галечниковой косой шириной до одной мили. Река известна русским с конца XVII века. На первых чертежах и картах Камчатки именовалась как Нана, Нанок, Нанык, Аннанок. Очевидно, именно с этой рекой связаны свидетельства Атласова о встрече с Денбеем, одним из моряков японского судна, потерпевшего крушение на Северных Курилах. В своей «скаске» о камчатском походе 1697 года В. В. Атласов сообщал: «...пошел он, Володимер, вперед подле Пенжинское море на Ичю реку. И услышал он, Володимер, с товарищи, у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик... И он де, Володимер, велел ево привести к себе, и камчадалы, боясь государевой грозы, того полоненика привезли». Вполне вероятно, что река Нана, упоминаемая под этим названием в «скасках» В. В. Атласова и на первых камчатских чертежах,— это река Анауан-ких (Анауан), которая называлась так местными ительменами вплоть до середины XX века. Под русским названием Морошечная река впервые появилась на карте геодезиста И. Б. Евреинова (1722 г.).

В начале XVIII века в приречье Морошечной стояло несколько ительменских острожков. Об одном из них, именовавшемся ительменами Адагут, а русскими—Морошенный, упоминает С. П. Крашенинников. Видимо, об этом же селении, носившем название Аннауа, писал путешествовавший по этим местам в 1853 году К. Дитмар. К концу XIX века селение Морошечное (Анауа) насчитывало 122 жителя, в основном ительменов. В годы коллективизации в селе был создан национальный колхоз. В 60-е годы село Морошечное было упразднено, жители его переселились в Верхнее Хайрюзово и в Ковран.

Река Белоголовая

Река Белоголовая берет начало в отрогах Срединного хребта тремя истоками и впадает в Охотское море севернее устья Сопочной. Известна русским с конца XVII века, со времени камчатского похода пятидесятника Владимира Атласова. Впервые под этим названием упоминается в известном труде С. П. Крашенинникова. По его сведениям в сорока верстах выше устья на берегу реки стоял острожек Мильхия, называвшийся русскими Белоголовым. Упоминания о нем можно найти в записках натуралиста К. Дитмара, путешествовавшего здесь в 1853 году, и камчатского врача и естествоиспытателя В. Н. Тюшова, посетившего селение в 1897 году. К концу XIX века здесь насчитывалось всего пять ветхих домишек и одна земляная юрта. В Белоголовом жили несколько ительменских семей, занимавшихся рыболовством и охотничьим промыслом. Село Белоголовое существовало вплоть до 60-х годов, выходцы из него живут ныне в селе Хайрюзово (Верхнее Хайрюзово).

Река Хайрюзова

Река Хайрюзова впадает в Охотское море в 5,5 мили от одноименного мыса. Известна русским землепроходцам с конца XIX века. На первых чертежах и картах Камчатки именовалась как Хайрюзова, Хаирус, Харузова, Харезова. По сведениям историка Б. П. Полевого название реки восходит к ительменскому имени Хорус (Хорюз)—так звали тойона одного из местных острожков. В «скасах» Владимира Атласова, побывавшего здесь в 1697 году, река именуется Харезовой, в отчетах «камчатского Ермака» приведены и первые сведения об этом районе. В 1738 году С. П. Крашенинников записал местное (ительменское) название реки—Тулаган, уточнив, что в районе Хайрюзовой расположено три острожка: первый — Сасхалык (он же Киврин), второй—безымянный, третий — Гунтын-Макайлон, называвшийся русскими Хайрюзовским. К концу XIX века из нескольких ительменских селений-острожков, расположенных в речной долине, сохранилось существующее и поныне село Хайрюзово (Верхнее Хайрюзово). Побывавший здесь в 1897 году В. Н. Тюшов отметил, что оно является одним из самых многолюдных на полуострове. По переписи 1897 года население Хайрюзова составляло 271 человек. В селе было тридцать домов и одна часовня. «Местоположение острожка очень живописно,— писал В. Н. Тюшов.— В полуверсте расстояния от домов круто поднимается невысокий хребет... покрытый от подножия до видимых вершин густым березовым лесом. Во многих местах невдалеке от селения видны скалистые обнажения, особенно многочисленные в том месте, где скрывается из вида Тулэхан, прижавшийся к самым утесам». Ительменское название реки —Тулэхан, записанное О. П. Крашенинниковым как Тулаган, до сих пор помнят старожилы Тигильского района.

В междуречье Хайрюзовой и Коврана расположена сопка Эльвелик, наблюдаемая со стороны села Хайрюзово в виде удивительно правильного одиночного конуса, высотой свыше 220 метров. Сопка Эльвелик известна в нескольких вариантах названий: Эльвель, Элюэлик, Эллелихин, Элеулекен и пр. В основе названия лежит ительменское слово «эльвалын» («ухо»). С этой сопкой связано множество ительменских преданий и легенд. Содержание одной из них изложил в конце прошлого века В. Н. Тюшов:

«Считаю не лишенным некоторой доли интереса сказать, что на вершине Эльвелика во время оно спасались жители от потопа: такое поверие сохранилось среди местных жителей-камчадалов. Спрашивая их, откуда они могли знать о каком-то потопе, когда теперь нет никаких очевидных следов потопа, мне говорили жители, что некоторыми из них был виден на вершине, о которой идет речь, плот, или, вернее, остатки некогда бывшего плота из лиственничных бревен. Насколько это справедливо, я не берусь решать, но должен сказать, что поверие о бывшем потопе и о нахождении лиственничных плотов — существует почти повсеместно на Камчатке...» По мнению некоторых исследователей, в основе камчатских преданий о потопе лежат реальные события, в частности, явление катастрофического цунами 1737 года, описанное С. П. Крашенинниковым.

В начале 20-х годов на приустьевом берегу реки Хайрюзовой возникло село Усть-Хайрюзово. К 1926 году население его составляло 26 человек, значительно увеличиваясь в период лососевых путин за счет сезонных рабочих рыбопромысловых участков. В конце 30-х годов здесь была построена база Птичинского крабозавода. Ныне Хайрюзовский (Усть-Хайрюзовский) завод—единственное на Камчатке береговое предприятие, занимающееся обработкой западно-камчатского краба и выпуском крабokonсервной продукции.

Остров Птичий

Остров Птичий расположен к северо-западу от устья реки Хайрюзовой. Местное, забытое ныне ительменское название острова — Ачаванч. В дореволюционных лциях Охотского моря до 1914 года носил название Призма — по характерным очертаниям, напоминающим усеченный конус. Вплоть до конца 20-х годов остров был безлюдным, но периодически посещался береговыми ительменами. Сведения об этом приводит камчатский естествоиспытатель В. Н. Тюшов (1897 г.):

«Остров этот имеет приблизительно в окружности полторы версты, и очень удобен для приставания к нему в байдаре, благодаря мелкому песку, одевающему его с моря...

Кроме того, на нем имеются ключи с пресной водою. Жители камчадалы ходят на него в байдаре, принадлежащей Хайрюзовскому обществу, и сделанной самими же хайрюзовцами из лахтажных шкур. Отправляются на остров для промысла нерп, имеющих там свои постоянные лежбища, а также и для сбора яиц чайки, во множестве несущейся на нем.

Что касается до второго, или Сханч, то он значительно меньше Ачаванч,— находится ещё дальше в море и представляет собою голый камень, уходящий утесами под водную поверхность, что не позволяет пристать к нему даже в незначительную зыбь, не говоря уже о шторме».

Первое детальное описание острова Призма (Ачаванч) осуществлено в 1914 году участниками Гидрографической экспедиции Восточного океана, давшими острову новое название — Птичий — по обилию гнездившихся на нем колониальных морских птиц.

Летом 1928 года в районе острова Птичьего начали первую путину пионеры советского краболовного флота — крабоконсервные плавзаводы «Первый краболов» и «Камчатка», принадлежавшие Дальгосрыбтресту (с 1930 года — Кработрест). В 1929 году на острове Птичьем началось строительство берегового крабоконсервного завода Акционерного Камчатского общества. Завод вступил в строй к путине 1930 года и до 1945 года работал в системе Кработреста. Птичинский крабозавод был предприятием сезонным. В 1945 году завод был передан в подчинение Главкамчатрыбпрому и получил название Хайрюзовского. В 70-е годы производственные мощности островного предприятия были переведены в Усть-Хайрюзово, где начал действовать Хайрюзовский (Усть-Хайрюзовский) рыбокомбинат. На острове Птичьем сейчас находится стационарная гидрометеорологическая станция.

Река Ковран

Река Ковран впадает в Охотское море в 9,5 мили к северу от устья Хайрюзовой. Известна русским со времени камчатского похода пятидесятника В. В. Атласова (1697 г.). Впервые под названием Кавран наносится на карты Первой Камчатской экспедиции В. Й. Беринга (1725—1730 гг.). Об этой реке и одноименном ительменском острожке, стоявшем в семи верстах выше устья, упоминает С. П. Крашенинников (1739 г.). На месте старинного острожка сейчас находится село Ковран, где расположено отделение национального рыболовецкого колхоза «Красный Октябрь».

Река Утхолок

Река Утхолок впадает в Охотское море в 29 милях к северу от устья Коврана. Известна русским с конца XVII века. На «Чертеже вновь Камчадалские земли», составленном около 1700 года по данным Владимира Атласова, река помечена под названием Аккалан, на последующих картах начала XVIII века она именуется Околон, Окалан, Еткола... В 1739 году С. П. Крашенинников записал два варианта названия: Утхолока и Окола-ваем, последний вариант несет несомненное влияние корякского языка («ваям» по-корякски — река). На так называемой «Карте Ивана Львова» (около 1700 г.) есть упоминание об острожке под названием Ултошной. На его месте возникло позднее небольшое ительменское селение Утхолок.

Мыс Утхолокский

Мыс Утхолокский замыкает с юга бухту Квачину. Старорусское название — Утколоцкой Нос. Ительменское название (в транскрипции С. П. Крашенинникова) — Ксыбылгин. Мыс Утхолокский известен со времен первых русских походов на Камчатку, с конца XVII века. Первая геодезическая (глазомерная) съемка мыса предпринята в 1743 году участником Второй Камчатской экспедиции мичманом В. А. Хметевским. Работы его были продолжены штурманским учеником Г. А. Измайловым в 1776 году.

Детальная геодезическая съемка мыса осуществлена в 1849 году поручиком корпуса флотских штурманов А. М. Гавриловым.

Территория мыса Утхолокского в настоящее время является зоологическим заказником областного значения. Здесь находится стационарный егерский кордон, где ведутся наблюдения за животными и птицами.

Река Тигиль

Река Тигиль занимает одно из заметных мест в камчатской истории. Архивные документы, найденные в последние годы советским историком Б. П. Полевым, позволяют предполагать, что река Тигиль, как и другие северо-западные реки полуострова, была известна русским задолго до знаменитого похода «камчатского Ермака» Владимира Атласова (1697 г.). Не исключено, что еще в 60-е годы XVII столетия отряды русских землепроходцев, вышедшие к северо-западной части Камчатки со стороны реки Пенжины, уже располагали сведениями о реке Тигиль, а, возможно, использовали ее как кратчайший путь к долине реки Камчатки. В 1697 году от Паланы к Тигилю вышел отряд В. В. Атласова, от Тигиля начался его знаменитый поход в глубинную часть полуострова:

«И на Кыгыле реке били челом великому государю, а ему, Володимеру, служилые и промышленные люди подали за своими руками челобитную, чтоб ему с ними итти на Камчатку реку и проведать подлинно — какие народы над Камчаткою рекою живут. И он де, Володимер, по челобитью их с Кыгыла реку, взяв вожев дву человек, пошел с служилыми людьми и остальными ясачными юкагири, которые не в измене, подле моря, на оленях и дошел на Камчатку реку».

Результатом похода В. В. Атласова явились ценнейшие сведения о практически неизвестной в то время земле, принесшие самому Атласову славу первооткрывателя Камчатки. Река Тигиль имела чрезвычайно важное стратегическое значение в активно начавшемся процессе освоения огромного полуострова. Через реку проходили магистральные пути по западному побережью Камчатки, еще в дорусский период река Тигиль была одной из основных коммуникаций, связывавших северо-западную Камчатку с центральной частью полуострова и его восточным берегом. Это

обстоятельство вызвало необходимость строительства крепости, названной Тигильской. Она была возведена в 1751 — 1752 годах поручиком Холмовым и неоднократно возобновлялась.

В Центральном Государственном историческом архиве сохранился план крепости конца XVIII века. Она располагалась на правом берегу Тигиля, в трех десятках верст от устья. Территория крепости занимала площадь примерно 2,5 тысячи квадратных метров и была обнесена деревянным прямоугольным палисадом с заостренными углами — контрфорсами, защищавшимися пушками. В ней располагались казармы, присутственное место, амбары для пушнины и церковь. Восточные и западные ворота крепости выходили к слободам, где жили «воинские служители» и разный люд, в том числе и корякские семьи. Тигильскую крепость окружали леса «березовой, осиновой, тополевой, таловой, ольховой, отчести рябинник и малинник». В 1783—1786 годах в ней размещалась администрация Акланского уезда.

К концу XVIII века крепость уже утратила свое первоначальное предназначение, укрепления ее обветшали. В 1810 году здесь побывал известный русский мореплаватель В. М. Головнин. «В крепости есть старинная деревянная церковь,— писал он,— дом начальника, во всем подобный находящемуся в Петропавловской гавани, несколько амбаров и казармы, а около крепости рассеяны кое-где несколько десятков обывательских домиков и избушек. Жители же здешние состоят из мещан, отставных унтер-офицеров, солдат и казаков».

В 60-е годы XVIII века с крепостью была связана деятельность капитана В. И. Шмалева, видного исследователя Камчатки. В 20-е годы XIX столетия здесь служил комендантом капитан-лейтенант П. К. Кузмищев, неутомимый собиратель камчадальской лексики, автор записок о флоре полуострова. П. К. Кузмищев проводил в Тигиле широкие агрономические опыты, преподавал в организованной им местной школе.

В 1756 году в устье реки Тигиль впервые зашло морское судно. Это был корабль «Св. Николай». Команда его во время зимовки построила на устье маяк, а на стрелке Тигиля и Гаванки возвела несколько жилых и складских строений, получивших название по имени корабля—Никольской крепости (будущий Усть-Тигиль). Первые сведения географического характера дал о реке Тигиль побывавший здесь в 1697 году В. В. Атласов: «А по другую сторону той Камчадальской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжины реки до Кыгылу лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком, до Камчатки реки, через камень, в 3-й и в 4-й день».

В 1739 году на реке Тигиль побывал С. П. Крашенинников. Он сообщил сведения о тигильском месторождении каменного угля у яра Кейтель, о находках янтаря в приустьевом районе морского побережья. Образцы тагильского угля и янтаря были отправлены исследователем в Петербургскую кунсткамеру. Крашенинников записал корякское название реки Тигиль — «прямое коряцкое имя Мырымрат». Это название известно и

современным корякам Тигильского района и переводится как «место морских зверей». Следует отметить, что на ранних русских чертежах Камчатки сохранилось несколько вариантов названия реки: Кыгим, Кыгил, Кутил, позволяющих предположить, что в первооснове топонима лежит ительменское слово «кыг» («река»). Однако не исключено, что Тигиль — имя собственное, встречающееся как таковое в русских документах XVIII века.

К началу XX века село Тигиль стало крупнейшим населенным пунктом северо-западной Камчатки. Ныне это — административный центр Тигильского района Корякского автономного округа.

Банка Минеола

Банка Минеола — каменистая морская отмель, расположенная на подходах к устью реки Тигиль. Названа в связи с гибелью здесь в 1904 году американского парохода «Минеола». Истинное местонахождение банки долгое время не было установлено. В первой лоции западного побережья Камчатки, составленной вскоре после русско-японской войны моряками Гидрографической экспедиции Восточного океана со слов очевидцев, место аварии было указано на 37° , на расстоянии 8,1 мили от входа в реку. Промеры на предполагаемом месте катастрофы вело и английское судно «Алджерин». Поданным англичан, банка, на которой погиб пароход, составляла лишь часть отмели до полутора миль длиной, при ширине около трех четвертей мили с глубинами, меняющимися от четырех до шести саженей. Однако пик поднятия дна в этом районе английские гидрографы установить не смогли.

В конце июля 1914 года у тигильского побережья приступил к работе военный транспорт «Охотск» Гидрографической экспедиции Восточного океана, производивший опись побережий Охотского моря. Судном командовал замечательный знаток дальневосточных и арктических морей Борис Владимирович Давыдов. Проверяя данные русской лоции и результаты английских промеров с помощью ручного лота, Давыдов докладывал в Главное Гидрографическое управление: «...покрыли всю предполагаемую площадь банки частыми промерными галсами, но нигде глубин меньше десяти сажен не оказалось». Торопившийся закончить опись западнокамчатского побережья до закрытия навигации 1914 года, Давыдов в дальнейшем уже не смог вернуться к разгадке тайны банки Минеолы. Поэтому в своей знаменитой «Лоции», опубликованной в 1923 году, он счел необходимым оставить проблему банки открытой: «С большой долей вероятности можно утверждать, что в обследованном районе банки нет, но от этого положения весьма далеко до отрицания существования банки вообще. Самый факт гибели на ней судна, с одной стороны, и образование торосистых нагромождений льда зимою из года в год на одном определенном месте—с другой, категорически говорят о противном. Остается предположить, что как место банки, указанное пеленгами, так и данные по широте и долготе, вероятно, не соответствуют действительности». Так на

первых советских навигационных картах этого района появился условный знак с надписью: «Банка Минеола ПС» (положение сомнительно), а рядом указание глубины — 2,6 метра.

Раскрыть загадку банки Минеолы удалось лишь в 1960 году. Тщательное гидрографическое обследование района с помощью эхолота позволило найти таинственную банку — круто поднимающуюся из глубин возвышенность диаметром около пятисот метров, увенчанную скалистым клыком. В малую воду его отделяли от морской поверхности полметра глубины. Местонахождение подводной скалы было близким к тому, что указывал Б. В. Давыдов.

Река Аманина

Река Аманина впадает в Пенжинский залив в 5,2 мили к северо-востоку от устья Тигиля. Река известна русским с конца XVII века и названа по имени жившего здесь коряка Аманины (Оманины). Такое же название получил и местный острожек, стоявший на речном берегу, где позднее возникло небольшое ительменское селение Аманино. В 1739 году С. П. Крашенинников записал ительменское название острожка — Ветлюн. Современные ительмены Тигильского района произносят его как «вэхльнун» («кипрей»).

Река Воямполка

Река Воямполка (Ваямполка) впадает в Пенжинский залив в 36,6 мили к северо-востоку от устья Аманины. Известна русским землепроходцам с конца XVII века. Впервые под названием Воемполка нанесена в 1701 году на «Чертеже земли Иакуцкого города» сибирского картографа С. У. Ремезова, использовавшего сведения о походе на Камчатку В. В. Атласова (1697г.). Название Воямполка восходит к корякскому «ваямпылканывок» («река тонущих»). В документах XVIII века сохранились упоминания о нескольких корякских острожках, стоявших на берегах Воямполки. Один из них, располагавшийся в среднеречье (Воямполка-кочевая), существовал вплоть до 30-х годов XX века. В другом, Усть-Воямполке (бывшей Воямполке-оседлой), ныне — отделение оленеводческого совхоза «Паланский».

Мыс Пятибратский

Мыс Пятибратский (Пятибратка) расположен к северо-востоку от устья Воямполки. Составляющей частью мыса является сопка Пятибратская (Пятибратка). Названа в связи с тем, что скалистые склоны сопки венчают пять каменных останцов (братьев). Аналогичные названия получили в начале XVIII века соседняя речка Чичхату (Пятибратская) и стоявший в ее низовьях небольшой корякский острожек Каменгагин (Пятикратный).

Река Палана

Река Палана впадает в Пенжинский залив в 6 милях к северо-востоку от мыса Пятибратского. Первые сведения о реке Палане сообщил В. В. Атласов, вышедший сюда в 1697 году во время похода из Анадырского острога на Камчатку. Знаменитый сибирский картограф С. У. Ремезов, составивший по данным похода Атласова «Чертеж вновь Камчадалские земли и моря», точно поместил на нем Палану между реками Лесная и Хахтанха (Кахтана). В начале XVIII века река часто посещалась русскими отрядами, шедшими из Анадырского острога на Камчатку и обратно. В 1739 году на реке побывал исследователь Камчатки С. П. Крашенинников, оставивший обстоятельное описание этих мест. По его сведениям коряки называли реку Качеит-ваям. Современная корякская транскрипция этого названия — Кычъэтваям, что соответствует русскому «река кедровника, кедрачовая река». В основе же русского названия Палана лежит корякское понятие, выражаемое словом «пыдыльтын» («порог»). Река берет начало из Паланского озера и в истоках порожи́ста. Долина Паланы, по которой проходили древние пути местных жителей на восточное побережье полуострова, имела на своем протяжении несколько корякских поселений. С. П. Крашенинников упоминает о стоявшем у верховьев реки Аннаковом острожке (по имени тойона Анака), получившем название Верхнего Паланского, в районе среднего течения реки находился острожек Ангавит (Средний Паланский). Примерно в пяти верстах выше устья стоял острожек Онотойнеран (Нижний Паланский), от которого ведет начало село Палана (Палана-оседлая).

В годы первой мировой войны в приустьевом районе реки Паланы получило развитие прибрежное рыболовство, был построен рыбоконсервный завод, принадлежавший русскому промышленнику Эккерману, затем фирме братьев Люри. В эти годы сформировался небольшой поселок Усть-Палана. В 1918 году в селе Палана был создан волостной туземный Совет. В начале 1923 года через Палану пролег маршрут красноармейского отряда Г. И. Чубарова, добивавшего последние белогвардейские банды на камчатском севере. Сохранились записки Чубарова, по которым можно представить облик села тех лет:

«Селение имеет 43 дома, 30 амбаров, 5 бань. Взрослого населения 333 человека, детей 144 человека. Грамотных мужчин и женщин 25 человек. Имеется школа, учитель и 11 учеников... Вероисповедание православное, имеется церковь и священник. Государственных и других учреждений нет. Кооператив есть. Занятия жителей: охота, рыболовство, животноводство. Пушнина сдается частью в отделение фирмы «Свенсон» (доверенный торговец Флетчер), в большинстве случаев — в кооператив на обмен товаров... В устье реки Паланы — японский консервный завод и японские рыбалки на морском берегу. 125 кочевников коряк и ламутов выпасают 3500 оленей».

В период борьбы с белогвардейцами паланцы встали на защиту Советской власти. Поддерживая революционную власть в Петропавловске,

Паланский волостной Совет категорически отказался выполнить требование белогвардейского Гижигинского военного района о ликвидации органов советской власти в селах волости. Жители Паланы установили тесную связь с партизанским отрядом Гижиги, своевременно предупреждая его о передвижении белогвардейских групп на камчатском севере. С приходом в Палану красноармейского отряда Г. И. Чубарова местные жители снабдили всем необходимым участников «камчатского ледового похода», отправлявшегося на Наяхан и Гижигу.

В 1925 году в Палане и Усть-Палане возникли кооперативные рыболовецкие артели, на базе которых позднее был создан колхоз «Пролетарий».

В 1937 году Постановлением ЦИК СССР село Палана стало административным центром Корякского национального (позднее автономного) округа.

Река Лесная

В 31 миле к северо-востоку от устья Паланы в Пенжинский залив впадает река Лесная. В ранней русской истории полуострова река занимает одно из заметных мест. Корякское название Лесной, известное местным жителям и поныне,— Веемлен, что означает «ломаная (изломанная) река». У С. П. Крашенинникова, пересекшего полуостров в этом районе в 1739 году, река носит название Уэмлян. Сибирский картограф С. У. Ремезов, приступивший в конце XVII века к работе над «Чертежом земли Иакуцкого города», нанес на него изображение реки Лесной и поместил рядом примечательное пояснение: «Река Воемля. Тут Федотовско зимовье бывало».

Анализируя историю составления ремезовского чертежа, известный советский историк Б. П. Полевой высказал предположение, что в основе сделанной Ремезовым надписи лежат сведения о раннем «доатласовском» походе русских на северную Камчатку. Б. П. Полевой выдвинул версию, что упомянутое Ремезовым «Федотовско зимовье» могло принадлежать беглому казаку Леонтию Федотову, пришедшему на Лесную со стороны реки Пенжины в 50-е годы XVII века. Это предположение о появлении русских на территории соседствующих истоками рек Лесной и Русаковой задолго до похода Владимира Атласова подтверждается сведениями, записанными в свое время С. П. Крашенинниковым (см. «Река Русакова»).

Таким образом, река Лесная (Веемлен) могла служить первооткрывателям Северной Камчатки кратчайшим путем для выхода на восточный берег полуострова со стороны реки Пенжины. Характерно, что этим путем коряки и русские продолжали пользоваться и в более позднее время. По Лесной в 1739 году прошел с восточного побережья на западное С. П. Крашенинников. В 1775 году с истоков реки Караги на Лесную спустился штурманский ученик Герасим Измайлов, составлявший карту полуострова.

Расположенное на берегу реки село Лесное возникло на месте древнего корякского острожка. В 1837 году здесь была построена церковь, при

которой открылась школа. В XVIII веке через село пролегал зимний почтовый путь к реке Пенжине и далее — на Охотск и Якутск. Село Лесная — родина первого корякского поэта Иннокентия Яганова (1929—1963). Современное население Лесной — преимущественно коряки, занимающиеся местными промыслами.

Островок Енгальчева

Островок Енгальчева расположен на подходах к бухте Подкагерной. Куполообразный, с крутыми берегами, он поднимается над уровнем моря на высоту 122,7 метра. От северо-восточного и юго-западного берегов островка отходят рифы. Южный риф увенчан четырьмя кекурами, один из которых имеет вид тонкого, вертикально стоящего каменного клыка. Островок Енгальчева открыт в 1787 году геодезистом Елистратовым, осуществлявшим опись с байдары западного побережья Камчатки от устья Тигиля до реки Пенжины. На дореволюционных картах именовался островком князя Енгальчева. Назван в 1781 году подпоручиком корпуса флотских штурманов И. А. Юшковым по фамилии лейтенанта К. Е. Енгальчева, вахтенного офицера шхуны «Сахалин», погибшей в 1867 году у западных берегов Камчатки.

Бухта Подкагерная

Бухта Подкагерная лежит на северо-западном побережье Камчатки. Названа по впадающей в нее одноименной реке. На старорусских чертежах Камчатки начала XVIII века изображена под названиями Подхагирый, Подхагирна и др. Река Подкагерная (корякское название — Поткагыннын — «двухустьевая») известна русским со второй половины XVII века. В ранних русских документах встречаются упоминания о корякском острожке Подкагирный, стоявшем близ устья реки (впоследствии — село Подкагерное). Первая (глазомерная) съемка берегового района бухты Подкагерной осуществлена в 1775 году штурманским учеником Герасимом Измайловым, работавшим над составлением карты полуострова Камчатка. В 1787 году морскую опись бухты с байдары произвел геодезист Елистратов, делавший вместе со штурманским учеником Песковым опись западно-камчатского побережья от устья Тигиля до реки Пенжины. В 1871 году подпоручик корпуса флотских штурманов И. А. Клыков составил «Наглядный план бухты Подкагерной», где использовал данные побывавших в этом районе в разные годы русских флотских офицеров.

Мыс Божедомова

Мысом Божедомова названа южная оконечность полуострова Тобизена, ограничивающего бухту Подкагерную с севера. По сведениям историка В. П. Кускова мыс назван в 1871 году по фамилии И. М.

Божедомова. Название дано составителем «Наглядного плана бухты Подкагерной» А. И. Клыковым, подпоручиком корпуса флотских штурманов.

Иван Михайлович Божедомов — офицер корпуса флотских штурманов, плавал штурманом на шхуне «Сахалин», неоднократно посещавшей бухту Подкагерную в 60-е годы XIX века.

Полуостров Тобизена

Полуостров Тобизена замыкает бухту Подкагерную с севера. В 1871 году назван полуостровом Тобизина — по фамилии Г. Р. Тобизина. В начале XX века название было искажено, получив новый, существующий поныне, вариант написания.

Герман Романович ТОБИЗИН — русский морской офицер, известный своими исследованиями устья Амура в 1863—1864 годах. В 1866 году был командиром шхуны «Сахалин». Судно использовалось для доставки грузов, продовольствия в населенные пункты северного побережья Охотского моря. Г. Р. Тобизин (данные В. П. Кускова) неоднократно посещал бухту Подкагерную, чтобы пополнить запасы каменного угля, месторождение которого было обнаружено на берегу. Долгое время месторождение было известно под названием «Копи Тобизина». Затем название было распространено на весь полуостров.

Губа Рекинникская

Рекинникская губа вдается в восточный берег Пенжинской губы между мысами Большим и Угольным. Названа по одноименной реке, известной русским со второй половины XVII века. Под названием Рыдканка река нанесена на «Чертеже вновь Камчадалские земли», составленном сибирским картографом С. У. Ремезовым в начале XVIII века. Река Рекинники, как и соседняя Пустая, еще с дорусских времен являлась естественным путем, связующим земли пенжинских, карагинских и олюторских коряков. В дальнейшем эти пути активно использовались русскими землепроходцами. О корякских селениях Рекинники и Пусторецкий неоднократно упоминается в русских документах XVIII века. Первые гидрографические исследования Рекинникской губы осуществлены штурманами И. Балакиревым и В. Хмелевским в 1761—1762 годах. В 1775 году по реке Пустой с выходом к нынешнему заливу Корфа пролег геодезический маршрут штурманского ученика Герасима Измайлова, составлявшего карту Камчатского полуострова. Первое географо-статистическое описание этого района, села Усть-Рекинники, дал в 1897 году участник Охотско-Камчатской экспедиции доктор Н. В. Слюнин.

Губа Пенжинская

Губа Пенжинская вдается в северо-восточную часть Пенжинского залива на 170 миль к северо-востоку между мысом Тайгонос и мысом Божедомова. В XVIII—XIX веках это название (Пенжинская губа, Пенжинский залив) распространялось на значительно большую часть Охотского (Ламского) моря. В начале XX века Русское Географическое общество приняло решение по предложению Ю. Шокальского переименовать Пенжинский залив в честь исследователя Курильских островов и Русской Америки Г. И. Шелихова. Прежнее наименование оставлено за северо-восточной частью залива Шелихова.

Пенжинская губа открыта в 1650 году первопроходцем рек Колымы, Гижиги, Пенжины Михаилом Стадухиным. Гидрографическими работами в районе губы занимались штурманы В.Хметевский и И. Балакирев (1761 — 1762 гг.), геодезист Елистратов (1787 г.), офицеры Гидрографической экспедиции Восточного океана (начало XX века). Труд исследователей Пенжинской губы был завершён замечательным гидрографом дальневосточных морей Б. В. Давыдовым в его «Лоции побережий РСФСР, Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатки...» (1923 г.).

Мыс Астрономический

Мыс Астрономический находится на подходах к устью реки Пенжины с юга. Название дано в 1915 году участниками Гидрографической экспедиции Восточного океана под руководством подполковника Б. В. Давыдова. Во время их исследований на мысе был определен астрономический пункт.

Островок Апапель

Островок Апапель расположен к западу от устья реки Пенжины. Корякское название островка — Апапил — имеет несколько смысловых значений — «дед», «место жертвоприношений», «могильник» и др. На островке установлен маяк, обеспечивающий безопасность мореплавания в приустьевом районе реки Пенжины.

Река Пенжина

Впадающая в одноименную губу река Пенжина — крупнейшая на северо-западе Камчатки. Первые известия о ней русские получили в сороковые годы XVII века, задолго до знаменитого похода Владимира Атласова. Открытие Пенжины было осуществлено в конце 1650 года пришедшим со стороны реки Анадырь отрядом казачьего десятника Михаила Стадухина. Он сообщил и первые сведения о реке: «А Пенжина река безлесная, а людей на ней живет много, род словут коряки».

Советский этнограф Б. О. Долгих высказал предположение, что название реки произошло от собственного имени Пянжа (Пенжа, Пунжа). Примерно так произносились и писались на первых чертежах русские варианты названия реки: Пянжина, Пенжень. Возможно, данное название — не местного происхождения, поскольку жившие здесь коряки именовали реку Мыгикивеем («река, где волны»).

Ко времени похода отряда Владимира Атласова, вышедшего к реке от Анадырского острога в 1697 году, Пенжина была достаточно хорошо известна русским и освоена ими. На этнографическом чертеже сибирского картографа С. У. Ремезова (1701 г.) обозначено «Пенжинское зимовье», одно из ранних поселений русских первопроходцев, проникавших с Пенжины на север Камчатского полуострова.

В ранних русских документах упоминаются и корякские острожки Пенжинского приречья: Каменный (Каменский), Усть-Пенжинский, Пенжинский (Мыгикин). Местоположение их со временем менялось, число сокращалось.

В 1930 году близ устья реки возникло село Усть-Пенжино, год спустя на берегу впадающего в Пенжину ручья Каменного начало строиться село Каменское — первый административный центр Корякского национального округа, затем — центр Пенжинского района, крупнейшее село Северной Камчатки.

Река Шестакова

Река Шестакова впадает в вершину Пенжинской губы к северо-западу от устья Пенжины. В русских документах начала XVIII века река носила название Эгач (Эгача). Названа Шестаковой в связи с гибелью здесь в 1730 году казачьего головы Афанасия Федотовича Шестакова.

Афанасий Федотович ШЕСТАКОВ был организатором и одним из руководителей правительственной экспедиции с целым рядом задач политического и экономического характера. Отряду Шестакова, в частности, предписывалось привести в русское подданство «немирных» чукчей и коряков, уладить их враждебные взаимоотношения, восстановить разрушенные русские остроги по рекам Пенжине, Олюторке для обеспечения безопасности пути из Якутска на Камчатку и в Анадырский острог. Экспедиция должна была решить и некоторые географические задачи. Обеспечение ее возлагалось на тобольского губернатора М. В. Долгорукого.

Осенью 1729 года Афанасий Шестаков закончил в Охотске строительство судов «Восточный Гавриил» и «Лев», на которых намеревался пройти вдоль северного побережья Охотского моря, затем проникнуть сухопутьем к реке Олюторке, потом к Анадырскому острогу. Однако уже в самом начале похода отряд Шестакова постигла неудача. Непогода задержала «Восточный Гавриил» почти сразу по выходе в море, и, высадившись на берег неподалеку от Тауйского острога, Шестаков решил расстаться с судном. Отряд его двинулся вдоль побережья, намереваясь

выйти к реке Пенжине. Однако в марте 1730 года в стычке с местными жителями руководитель отряда был убит у реки Эгачи. Позднее она была названа Шестаковой, как острожек (затем селение) у ее устья и соседний морской остров напротив.

Река Парень

Река Парень впадает в западную часть вершины Пенжинской губы. Корякское название реки Пойтываям — до сих пор знакомо коренным жителям села Парень, стоящего неподалеку от речного устья. Река Парень, известная русским первопроходцам со второй половины XVII века, была одним из естественных путей, связывавших земли пенжинских коряков с глубинными районами азиатского материка. Из многочисленных древних корякских поселений, располагавшихся некогда по северо-западному берегу Пенжинской губы (Ловаты, Начгаты, Тылхой, Куюл, Корночек, Хаимчик и др.), осталось лишь село Парень. Его издавна населяют береговые коряки, занимавшиеся морским зверобойным промыслом, рыболовством и охотой. Было развито у паренцев и кузнечное дело. Паренские мастера в прошлом считались лучшими кузнецами на всем северо-востоке Азии. Паренские ножи и копья в XVIII—XIX веках слыли непревзойденными по выковке и отделке металла. Сейчас древнее мастерство почти забыто. Село Парень находится рядом с границей, разделяющей Камчатскую и Магаданскую области.

Остров Добржанского

Остров Добржанского расположен к юго-востоку от устья реки Парень. Назван в 1915 году по фамилии Николая Александровича Добржанского, капитана дальнего плавания, участника Гидрографической экспедиции Восточного океана, занимавшегося описью Пенжинской губы. Корякское название острова — Пойтоло-илис (Паренский остров). Остров известен тем, что на нем находятся остатки корякских, возможно, культовых сооружений из китовых костей.